

МАСТЕР И МАРМЕЛАДОВ

ГОТИЧЕСКАЯ СКАЗКА О ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ
И ПРОЧИХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ,
РАССКАЗАННАЯ ГАВРИИЛОМ ХОРЕВЫМ

The Birchbark Press of Karacharovo

Гавриил Хорев. «Мастер и Мармелад»
Изд. The Birchbark Press of Karacharovo
Перевод с английского Ирины Знаешевой
Художник: Александр Тюмеров
Редактор: Роберт Манн
© 2014 Роберт Манн
ISBN 0-938618-15-6

Предисловие к третьему изданию

В 1692 году в городе Салем по показаниям некой Энни Патнам было казнено двадцать два человека по обвинению в колдовстве и черной магии. Ко мне постоянно пристают с вопросом, нет ли в моей сказке о событиях 1992 года связи с случаем в Салеме ровно триста лет назад? Может быть, есть какая-то связь, хотя трудно себе представить, что общего между научными дискуссиями наивысших наших академических кругов и делом о колдовстве в среде суеверных простолюдинов семнадцатого века. Хотя не знаю, связь, может быть, найдется. Если найдется, надеюсь, что первопроходец, открывший эту тайну, обнародует ее на благо общества, или же по крайней мере сдаст в бюро находок.

Читатели часто обращаются ко мне с наивными вопросами типа: «А декан, которого заменял Воланд во время своего пребывания в Скотопригоньевске, это случайно не тот, который уехал в Германию, чтобы помирать поближе к бункеру Фюрера?» Из лиц, сыгравших роль в этой истории, кое-кого уж нет, а те далече. Не стану составлять ключ к каждому эпизоду, но могу заверить, что все персонажи в этой сказке – реальные лица, а все имена остаются точно такими, какими они были в действительности. К примеру, я бы мог изменить хотя бы свое собственное имя, но оставил точно таким, как оно произносится за пределами этой книги.

А что касается слов благодарности, какие принято в предисловиях выражать, в первую очередь я должен благодарить буквально всех лиц, принявших участие в приключениях, описываемых в моем произведении. Без них-то это произведение не могло бы состояться. Они дали ему право на существование. Кроме того, я бы хотел выразить свою благодарность новорожденному сыночку, который ни хрена не понимал в академических распрях, но зато здорово хихикал и пузырьки пускал, подбадривая меня в писательском труде.

–Гаврик Хорев

Мастер и Мармеладов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ.

Все жители Скотопригоньевска с большим почтением относятся к нашему колледжу. В конце концов, не так легко построить бастион просвещения среди тропических болот. Ты возводишь башню и не успеешь дух перевести, как она исчезает в трясине. Ты строишь снова, и болото вновь поглощает ее. Ты строишь в третий раз и думаешь, что уж теперь-то ты поборол силы тьмы и знамя просвещения взвоется к небу, но в мгновение ока непроходимые джунгли поглощают башню, и сама память о ней предается забвению.

Через Скотопригоньевск проходит дорога к парку развлечений под названием «Волшебное королевство», а потому мало кто останавливается в нашем городке, спеша к воротам этой страны чудес. Это одна из причин, по которой профессор Мармеладов и развернувшиеся вокруг него драматические события малоизвестны за пределами Скотопригоньевска. Даже местные жители не знают всех подробностей этой истории. По большей части мы наслаждаемся прохладой в тени Башни и редко отваживаемся внутрь ее толстых каменных стен. Многие в этой истории стало мне известно от профессора И. Ти. Пуха, который преподает в нашем колледже русский язык (мне приходилось частенько печатать кое-какие бумаги для него). И. Ти. до сих пор читает там лекции, и взял с меня слово, что я не раскрою названия этого учебного заведения, которое, к тому же, недавно предложило ему солидную прибавку к зарплате. Пух очень робкий по натуре человек и, опасаясь, как бы кто не услышал, даже в наших разговорах вдвоем называет наш колледж не иначе как Волшебное Королевство. По привычке, а также из уважения к И. Ти. и жителям Скотопригоньевска, которые с большим почтением относятся к колледжу, я тоже буду называть его так, хотя «Волшебное королевство», строго говоря, находится значительно дальше по шоссе.

Наша история началась в полуденный час небывало жаркого для ранней осени дня, когда на отделении современных языков должна была решиться судьба профессора Мармеладова. К этому дню прошло уже никак не менее трех лет с тех пор, как в начале августа старый автомобиль Юрия Ильича на буксире вкатился в Скотопригоньевск. По капризу судьбы появление Юрия Ильича Мармеладова как раз совпало с поисками нового преподавателя русского языка, поскольку прежний внезапно уехал всего за две недели до начала занятий. Как обычно в таких ситуациях, требующих безотлагательного решения, бремя поисков возлегло на секретаря отделения, Зою Зингер. В ее обязанности входило печатать все необходимые письма и извещения, а также усердно работать языком – облизывать и запечатывать конверты и обзванивать друзей и коллег заведующего отделением и его жены, справляясь, нет ли у них знакомого профессора-русиста, который хотел бы работать в Волшебном Королевстве за 18 тысяч долларов в год. Зоя, без сомнения, подумала, что сама рука Провидения направила пожилого эмигранта из Ленинграда в приемную отделения современных языков в поисках русских газет, пока пройдоха-механик делал вид, что меняет в его Меркурии вполне исправный генератор.

Внимательный и любопытный читатель, возможно, заинтересуется, почему преподавателю со званием доктора наук была предложена столь скромная зарплата. Тут можно сослаться на давние традиции Башни, где новому члену преподавательского коллектива предлагалась скромная зарплата с расчетом, что он и вести себя будет соответственно – скромно и незаметно. Всем известно, сколь велика разница между правилами писаными и неписаными. Причем неписанные правила не могут в один прекрасный день обратиться в писаные – это нанесло бы страшнейший удар по самому основанию заведения. Если бы вдруг неписанные правила были высечены на камне при въезде в Башню, или кто-то просто шепнул профессору Мармеладову на ушко, как обстоят дела, то события, о

которых рассказывается в этой книге, возможно, никогда бы не произошли.

К несчастью для профессора Мармеладова, никто не предупредил его о нависшей опасности. А даже если бы и предупредил, то еще неизвестно, смог ли бы Юрий Ильич вести себя соответственно – скромно и незаметно. Скромность и овечья покорность были совсем не в его характере, особенно после некоторого количества спиртного. Если бы его обо всем предупредили, возможно, он снова загрузил бы свой старенький автомобиль и уехал из города. Кто знает?...

Но все сложилось, как сложилось, и наша история началась в небывало жаркий полуденный час на песчаном берегу Кабаньей речки, где ива низко клонится над водой и Башня высится в отдалении. Все жители Скотопригоньевска знают это местечко. Там стоит железная скамейка, счастливый дар Греты Фауст, богатой старой девы, которая искала бессмертия, оставляя по себе подобные надписанные дары из камня и чугуна, но подошла ближе к своей цели, когда была обезглавлена шальным аллигатором во время одной из ночных прогулок как раз около того самого места, где ива низко клонится над водой. Как раз у этой самой скамейки И. Ти. и встретился с Уилбуром Колдбурном, деканом гуманитарного факультета, всего лишь за час до начала совещания, на котором должна была решиться судьба Мармеладова.

Только из ряда вон выходящее событие могло подвигнуть И. Ти. на разговор с деканом Колдбурном. Превыше всего на свете И. Ти. ценил свой покой и одиночество, а потому старательно избегал общения со своими коллегами и администрацией, видя в них угрозу деликатному балансу своей кресла-качалки. С большой неохотой и внутренним трепетом поджидал он декана, который в это время преспокойно шел по извилистой тропинке к Кабаньей речке, где он так любил обедать.

На И. Ти. как обычно был мятый синий пиджак и слегка запачканные черные брюки, поддернутые так высоко, что становились видны безупречно отглаженные носки. В то

время, как И. Ти. прятался в тени большого дуба, раздражаемый сомнениями, и нервно потирал свои потные ручки, декан Колдбурн сидел на известной нам скамейке и ел бутерброд с ветчиной. И. Ти. успел раз семь передумать прежде, чем принял окончательное и бесповоротное решение поговорить с деканом. Поводов для сомнений было предостаточно. Во-первых, стоять в такую жару в тени развесистого дуба приятно. День был на редкость душный. По небу проплывали редкие облака, предвестники послеобеденной грозы. Да и почему вообще он должен заступаться за Мармеладова? Он ничем Мармеладову не обязан. Да пусть все идет по своему вековечному пути! Ну хочет заведующий отделением сократить Мармеладова. Пускай! С чего он решил, что у него получится переубедить декана? Едва ли.

Helmut Hörnerträger, заведующий отделением современных языков, быстро понял, что манипулировать Мармеладовым невозможно. Упрямый старый эмигрант был человеком непредсказуемым и неуправляемым. Мармеладов всегда сетовал, что американские студенты ленивы и недостаточно старательны. Он был требовательным педагогом, что не способствовало популярности его курсов и росту числа студентов на отделении, а именно это Hörnerträger ценил превыше всего.

Уже более двух лет Hörnerträger со всех фронтов атаковал Мармеладова в своих ежегодных отчетах начальству. К тому же, он формировал негативное отношение к русскому профессору среди коллег, отзываясь о нем в частных разговорах как о неприятном чудачке. Шансы убедить декана оставить Мармеладова были невелики, особенно если учесть, что Мармеладов не завел дружбы с коллегами; они считали его чем-то вроде экспоната этнографического музея.

В конце концов, И. Ти. все же вышел из тени, и, нервно теребя края своей панамы, подошел к Колдбурну. Тот как раз разворачивал второй бутерброд с ветчиной.

– Сэр, могу ли я поговорить с вами? – начал И. Ти. застенчиво.

Колдбурн посмотрел на часы. – Вообще-то я должен вернуться в офис, но у меня есть еще несколько минут. Присаживайтесь.

И. Ти. грузно опустился на скамейку рядом со статным деканом, одетым в полосатый костюм-тройку, что делало его похожим не то на менеджера с Уолл Стрит, не то на коммивояжера. Откусывая бутерброд, Колдбурн сказал:

– Я видел вас там, за деревом. Все удивлялся, зачем же вы там стоите.

– Я не хотел прерывать вашу трапезу.

– Хотите немного соку? Абрикосового.

– Спасибо, я только что позавтракал. Доктор Колдбурн, я бы хотел поговорить с вами о Мармеладове.

– О Мармеладове? Ах да, тот тип, который делает возмутительные заявления.

– На этой неделе мы голосуем по поводу его дальнейшей работы в должности преподавателя в нашем колледже.

– Да-да, демократия в действии. Демократический процесс. Я верю в него. А вы?

– Конечно, сэр. Я только хотел просить вас проследить, чтобы все было как положено. Я боюсь, что голосование может быть несправедливым.

Колдбурн поперхнулся соком и ответил: – Я социолог, а не литературовед, конечно, но – между нами – он в своем уме? Насколько я понимаю, он заявляет, что сделал величайшее открытие в мировой истории.

– В истории достоеведения.

– Ах, в истории достоеведения! Ну, и сколько же лет изучают этого Достоевского? Десять?

Внезапно со стороны речки донесся чей-то голос: – Если быть более точным, около ста, друг мой.

Удивленные, И. Ти. и Колдбурн повернулись на голос – туда, где ива низко клонится над водой. Они увидели человека в дорогом сером костюме и высоких болотных сапогах, появившегося из-за сонливых ветвей ивы. Серый берет, украшенный большой блесной, он лихо заломил на

ухо, в руках у него был огромных размеров тонко сплетенный сачок. Подойдя ближе, незнакомец продолжил:

– Извините, господа, что вмешиваюсь, но когда предметом беседы является великий мастер русской литературы, я не могу оставаться в стороне.

«Не из нашего колледжа, должно быть», – подумал И. Ти.

Неизвестный ступил на песчаный берег. По виду ему было лет сорок с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый глаз почему-то зеленый. Брови черные, одна выше другой.

– Речь о недавнем открытии? – продолжал неизвестный. – Приятно слышать, что наука движется вперед, а не топчется на месте. И в чем же заключается это открытие?

– Ну, И. Ти., – спросил Колдбурн с сомнением в голосе, – что открыл ваш Мармеладов? Порох? Громоотвод?

– Да, в своем роде, – ответил И. Ти., все еще теребя края своей панамы. – Он открыл важный мотив, повторяющийся, по меньшей мере, в дюжине произведений Достоевского. Абсолютно никем незамеченный ранее. Этот мотив связан с фигурой Ильи-пророка.

– Да что вы говорите! – поразился незнакомец. Он подошел ближе и воткнул сачок в песок дорожки. – Так-так. Это очень интересно. В Древней Руси Илья-пророк почитался как громовержец и подаятель дождя.

– Совершенно верно, – подтвердил И. Ти. – Русские верили, что гром грохочет потому, что это Илья-пророк на своей колеснице едет по небу и мечет молнии, чтобы напомнить людям об их грехах и грядущем Судном дне.

– Вы не верите в открытие Мармеладова? – спросил незнакомец, поворачиваясь к Колдбурну.

Колдбурн хмыкнул:

– Видите ли, мне представляется, что это все еще весьма сыро, – он принялся складывать недоеденный бутерброд в бумажный пакет, собираясь уходить. – А чем вы занимаетесь, позвольте спросить?

– Светляками.

– А, вы зоолог. Тогда вам должно быть кое-что известно о научных методах. Крылья нашего воображения мчат нас куда быстрее, чем поворачивается колесо науки. Разве открытие Мармеладова принято научной общественностью? Разве он публикуется в научной прессе? Тогда о чем мы говорим? – спросил он, поворачиваясь к И. Ти.

И. Ти. только развел пухлые ручки в ответ. После непродолжительного молчания он попытался возвести шаткую защиту:

– Все мы порой слишком увлекаемся. Но Юрий Ильич – серьезный ученый, преданный науке ...

– ..С чересчур бурным воображением и наполеоновским комплексом. Его заявления несколько рискованны. По крайней мере, для нашего заведения, – резко прервал Колдбурн.

Незнакомец сощурился, пытливо глядя на декана.

– Сэр, я бы на вашем месте был более осторожен, вынося суждения о работе своих коллег. Идея об Илье-пророке может оказаться куда более значительной, чем вы думаете.

– Да, только вы не на моем месте, – сухо ответил Колдбурн.

Слова декана более или менее подтвердили подозрения И. Ти. Он догадывался, что Hörnerträger и декан уже решили, как поступить с Мармеладовым, и голосование будет пустой формальностью.

Незнакомец возразил Колдбурну:

– Мистер Колдбурн, на должность, которую вы занимаете, вас поставили люди. Но никто никогда не гарантирован от вмешательства высших сил. Кто знает, когда прервется ваша нить? Кто может поручиться, что я не окажусь на вашем месте через неделю, год или даже завтра?

Ошарашенный тем, что незнакомец обратился к нему по имени, Колдбурн повернулся к И. Ти.

– Это что, розыгрыш? Что, черт возьми, происходит?

И. Ти. успел пробормотать только что-то вроде гмм-я, и тут у него вывалилась вставная челюсть.

– Вы работаете в нашем колледже? – обратился Колдбурн к незнакомцу.

– Нет, я просто провожу здесь одно исследование. Я внештатный сотрудник. Консультант. Меня зовут Воланд, – сказал незнакомец, протягивая руку.

При этих словах рот И. Ти. сам собой распахнулся. Он попытался что-то сказать, но поскольку еще не успел поставить челюсть на место, то у него вышло только что-то вроде о–е–о.

Пожимая руку декана, Воланд продолжал:

– Доктор Колдбурн, вы действительно должны как следует подумать, прежде, чем решить вопрос с Мармеладовым. Последствия могут быть самыми ужасными.

– Полагаю, меня ударит молнией?

– Возможно, даже хуже, – серьезно ответил незнакомец, все еще сжимая руку декана.

– Ну что ж, придется рискнуть. Да что же происходит? Пустите руку! – протестующе воскликнул декан, освобождаясь от железного пожатия Воланда и, взглянув на часы, поднялся, чтобы уходить.

– И. Ти., у вас ширинка расстегнута, – сказал он, направляясь к Башне. Это было последнее, что он успел сказать.

И. Ти., занятый ширинкой, разглядеть которую мешал выпирающий живот, не видел, как сачок незнакомца взметнулся вверх. Он только услышал, как треснули небеса, а потом раздался оглушительный грохот. Оставшиеся волосы на его голове встали дыбом. Он ощутил сильный жар на лысине и покалывание, которое волной прошло по всему телу. Колени его подогнулись, он закрыл голову руками и рухнул на землю. Падая, он успел заметить на песке тень Колдбурна, накрытого гигантской тенью сачка. Он ясно видел, как декан сжал пальцы, словно цепляясь за край утеса над темной бездной.

И. Ти. не видел, как сачок вспыхнул, словно нить накаливания в лампе, через которую пропустили семьсот тысяч вольт. Не видел он и снопов голубых искр и пламя, которое обрушилось на декана, когда он в судорогах упал на

песок. Но он слышал, как небеса над ним треснули еще раз, а потом снова раздался оглушительный грохот. И. Ти. спрятал лицо в песок. Несколько редких капель упали рядом с ним. Все стихло кроме гомона потревоженных птиц в деревьях.

Когда И. Ти. поднял голову, незнакомец, который представился Воландом, уже исчез. В воздухе явно ощущался какой-то металлический привкус. Колдбурн лежал на песке без движения. Его серый костюм был изорван и обуглен, особенно на плече, где кровоточащая плоть все еще дымилась. Дымок поднимался и от распухших и посиневших, медленно смыкавшихся губ декана. Рядом валялся откусанный бутерброд с ветчиной.

И. Ти. хотел только одного – бежать от этого страшного места так быстро, как только ноги могли унести его. А ноги его и при более благоприятных обстоятельствах были не особенно проворны, а теперь и вовсе так тряслись, что он едва смог встать. И все же И. Ти. пустился бежать изо всех сил, часто останавливаясь, чтобы перевести дух и утереть пот. Наконец он выбежал из-за деревьев на широкое пространство Университетского бульвара, который городской совет Скотопригоньевска постановил замостить, как только разберут на кирпичи старый кирпичный завод. И. Ти. удвоил усилия, но скоро совсем выдохся и снова остановился, чтобы утереть пот, струящийся по лицу. Тут он увидел Китти Келли, которая катила на своем новеньком розовом велосипеде (фирмы Schwinn) на занятия. И. Ти. помахал ей мятым носовым платком на манер флажка, но юная славная Китти Кэлли, видимо, не заметила ни его, ни платка. Тогда он шагнул на дорогу перед ней и окликнул ее. Одна на пустынной дороге, она страшно испугалась, закричала и резко вильнула влево, едва не упав вместе с велосипедом. Однако не упала, а напротив того, быстро-быстро покатила дальше, оглядываясь на своего преследователя и истерически крича. И. Ти. прибавил ходу и замахал руками, пытаясь показать девушке, что ей нечего бояться. Однако его легкие не выдержали такой гонки, он перешел на шаг, а потом и вовсе остановился. Отчаянный крик юной Китти затихал вдали.

К тому времени, как он доплелся до полянки, где маячила вдали Башня, его уже поджидали две полицейские машины с включенными мигалками. Двое полицейских в темных очках пристально смотрели в его сторону, куда и показывала пальцем Китти. Рядом с ней стояли еще две девушки, Мерси Люис и Энни Патнам, каждая со своим велосипедом.

«Ублюдки! Могли бы меня хотя бы подвезти!» – подумал И. Ти.

Совершенно выбившийся из сил и мокрый от пота преследователь добрался до полицейских машин и в полном изнеможении присел на багажник одной из них. Он сидел, часто и тяжело дыша, а его недавняя добыча, тыча пальцем, эмоционально подтверждала что он – это он, гнусный преследователь молоденьких девушек.

– Вы пытались заговорить с барышней? – спросил один из офицеров, делая шаг в сторону И. Ти.

– Позвоните 911, – выдохнул И. Ти. в ответ. Как раз в этот момент прозвенел звонок, и студенты повалили из Башни.

– Отвечайте на вопрос! – оборвал его офицер. – Вы преследовали эту девушку?

– Мне повезло... что я остался жив. Меня чуть не убили..., – отвечал И. Ти. чуть дыша.

– Хватит морочить голову! Слышали мы эту чепуху про «тяжелое детство» преступников миллион раз!

– Да нет, послушайте... Там был Воланд..., хотите верьте, хотите нет..., он убил Колдбурна.... У меня ширинка была растегнута.... это его последние слова.... Это была ловушка, – сбивчиво объяснял И. Ти.

– Засада, вы хотите сказать? Ширинка у вас и сейчас растегнута. Хорошо, вы поедете с нами. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вы имеете право хранить молчание...

– Но я не хочу хранить молчание! Колдбурна ударило молнией дважды. Мы должны ему помочь!

И. Ти. в наручниках сидел в полицейской машине. Вокруг толпились любопытствующие студенты. И. Ти.

закрыв лицо руками, но, глядя сквозь пальцы, понял, что уже поздно прятаться: многие узнали его. Пока полицейские переговаривались по рации со штабом, один из студентов улучил возможность просунуть И. Ти. в машину торопливо нацарапанное сочинение, извиняясь, что не сдал его вовремя. Это сочинение сильно осложнило дело в полиции, поскольку начиналось словами:

«Господа, все мы жестоки, все мы изверги, все плакать заставляем людей, матерей и грудных детей, но из всех – пусть уж так будет решено теперь – из всех я самый подлый гад! Пусть! Каждый день своей жизни я, бия себя в грудь, обещал исправиться и каждый день творил все те же пакости. Понимаю теперь, что на таких, как я, нужен удар, удар судьбы, чтоб захватить его как в аркан и скрутить внешнею силою. Никогда, никогда не поднялся бы я сам собой! Но гром грянул. Принимаю муку обвинения и всенародного позора мою, пострадать хочу и страданием очищусь! Ведь, может быть, и очищусь, господа, а? Но услышите, однако, в последний раз: в крови отца моего не повинен! Принимаю казнь не за то, что убил его, а за то, что хотел убить и, может быть, в самом деле убил бы... Но все-таки я намерен с вами бороться и это вам возвещаю. Буду бороться с вами до последнего конца, а там решит Бог».

Естественным образом, полицейские не спешили верить объяснениям И. Ти., что это просто один из его бездельников-студентов пытался надуть его, выдав за свое сочинение отрывок из «Братьев Карамазовых». Два детектива были отряжены в городскую библиотеку с тем, чтобы проверить существование книги с таким названием. Из этой истории вышел целый конфуз, потому что детективы сообщили из библиотеки по рации, что не обнаружили в каталоге такого названия, и просили уточнить, в каком именно разделе следует искать ("тайные общества", "цирковые артисты"?), а также спрашивали, не являются ли братья Карамазовы соавторами книги. Позвонили и в Библиотеку Конгресса, и в библиотеку штата, и только после этого И. Ти. оставили в покое. Копию сочинения подшили в

дело (на всякий случай) и как-то вдруг поползли слухи, что некий Дмитрий Карамазов пытался убить Колдбурна медным пестиком.

К вечеру наша полиция разобралась с основными фактами этого запутанного дела. На место преступления была отправлена патрульная машина. К немалому удивлению И. Ти., Колдбурн все еще отчаянно цеплялся за жизнь. Его доставили в местную больницу в состоянии комы без надежды на то, что он выживет. Его жену срочно вызвали в больницу из салона красоты, а президент колледжа немедленно распорядился провести в церковке при колледже специальную службу на следующий же день.

После того, как два детектива закончили допрос И. Ти., он попросил о личной встрече с шефом полиции, Илайя Петерсоном. Шеф только что вернулся из рейда в массажный салон, известный как «Холмы удовольствия» (впоследствии переименованный) и приглаживал волосы перед зеркалом, когда ввели И. Ти.

– Итак, вы – профессор Пух? Я слышал о молнии. Вам очень повезло, что вы остались живы.

– Да, сэр, конечно, меня до сих пор трясет. Я хотел поговорить с вами потому, что... Я знаю, вы сочтете, что это безумие, но я думаю, что все в городе должны быть поосторожнее ...

– С чего бы это? – спросил шеф полиции, водружая ноги на стол, откидываясь на спинку кресла и вгрызаясь в большое красное яблоко.

– Это странно звучит, но я думаю, что молния – дело рук Воланда.

– Да что вы говорите? – шеф сдвинул широкие брови, изображая озабоченность, и продолжил грызть яблоко.

– Именно так, сэр. И я не склонен считать, что это первый раз грянул этот Воланд.

– Вы считаете, что мы должны дело завести? Арестовать за попытку убийства молнией?

– Нет, сэр, я не имел в виду, что вы должны составлять протокол. Я просто думаю, что все жители

Скотопригоньевска должны быть предупреждены. Через гражданскую оборону или еще каким-то образом.

– Неплохая мысль. Не волнуйтесь, профессор Пух, мы разошлем обращения всем жителям с призывом проявлять особую осторожность на случай удара молнии, падающих звезд, землетрясений и прочего. Просто отправляйтесь назад, к вашим книгам и высокопарным идеям.

И. Ти., все еще слишком взбудораженный близкой встречей со смертью, принял эти слова за чистую монету.

– Сэр, – добавил он застенчиво, – я опаздываю на важное заседание в колледже. Не будете ли вы так любезны вызвать мне такси?

– Такси?!!

Через пятнадцать минут три полицейские машины с мигалками и сиренами подкатили к корпусу Гримма, где только что завершилось первое совещание по поводу дальнейшего преподавания Мармеладова в колледже.

ГЛАВА ВТОРАЯ СЛАВА ПЕТУХАМ!

Известие о несчастье с Колдбурном еще не дошло до коллег И. Ти. в то время, как они совещались. С другой стороны, слух об аресте И. Ти. за приставание к юной Китти Келли распространился, как лесной пожар, и учитывая обстоятельства, коллеги решили голосовать без него. Теперь они потягивали вино, занятые светской беседой на обычные академические темы: деньги для поездок, гранты, продвижение в академических кругах и грозящее замораживание прибавки к зарплате. Жена Hörnerträger'a, Хельвина, (чешка, которая преподавала французский с очаровательным славянским акцентом) и известный лингвист Уилард Салли (известный как Десять Галлонов не столько из-за своей великолепной ковбойской шляпы, сколько из-за невероятных историй о своей удали и сексуальной одаренности) рано покинули собрание, сославшись на дела. Helmut Hörnerträger, Жан-Жак Калин (француз, который

преподавал латынь и тайные учения), фрау Фрейлин (чьё странное имя я объясню чуть позже), Альфонсо Пристойле (прославленный профессор ирландского и португальского языков из Корка), Тфуттинутти (профессор, преподаватель итальянского) и Хенрик Икота (инструктор японского из Польши) – все кинулись к окну посмотреть, что вызвало такой переполох. Только Ханс Сандерсон, потомок норвежских цыган, который преподавал язык знаков, с нордическим спокойствием потянулся за очередной порцией сырных сухариков.

– Должно быть, приехали опросить свидетелей, – высказал предположение Hörnerträger, теребя свой лошадиный подбородок. Все пятеро уставились на полицейские машины, и каждый пытался припомнить что-нибудь подозрительное в поведении И. Ти.

– Боже мой, они привезли его! – изумленно сказала фрау Фрейлин, глядя сверху как две белые шляпы помогают вылезти лысине и препровождают оную к дверям. Обладатель лысины, казалось, пытался застегнуть шпиринку. Почувствовав внезапную дурноту, фрау Фрейлин опустилась на стул.

– Я знала, что он извращенец, я знала! И вот, посмотрите, до чего все дошло! О, боже!

Вот тут я должен кое-что объяснить. фрау Фрейлин преподает немецкий язык в нашем колледже уже почти двадцать лет. В свое время она выступила в роли вербовщика, чтобы заманить Hörnerträger'a в наш колледж. Сначала она устанавливала с ним деловые контакты во время конференции в гостиничном номере на Западном Побережье, а позднее – на вечеринке по поводу его прибытия к нам в Скотопригоньевск. Она давно уже не жила с мужем, но продолжала занимать его роскошный дом недалеко от Южного Болота. Кожа у нее была не нежнее вытертой замши. К тому же она умела ловко скрывать гусиную кожу декольте цветными шарфами. Стильные жакеты в стиле «деним» и небольшой, хотя и глубокий шрам на левой щеке дополняли общее приятное впечатление. Когда она была назначена директором по женским вопросам,

она сделала первое жесткое политическое заявление, сменив фамилию с Панталоне на Фрау, откуда и пошла традиция именовать ее фрау Фрейлин (прежде фрау Панталоне).

Чтобы успокоиться, она закурила сигарету. Как раз в это время открылась дверь, и вошел И. Ти. в сопровождении двух полицейских.

– Вы ведь еще не голосовали? – спросил он, потирая руки и подходя ближе к коллегам.

– Убирайтесь от меня! – завизжала фрау Фрейлин, вскакивая на ноги и отступая к окну. – Вы шовинист и извращенец.

Hörnerträger попытался ее успокоить, но она только стряхнула его руку со своего плеча и прошипела: «Не сейчас!».

Пристойле взялся изложить И. Ти. последние события:

– Результаты – семь, один и один. – Потом добавил – У вас ширинка расстегнута.

– Семь за или против Мармеладова?

– Против.

– Это очень плохо.

– У нас не было выбора, И. Ти. После того, что рассказали Хельга и Хельвина, все стало очевидно. Такому человеку нет места на нашем отделении.

– А его статьи, книга?

– Статьи?! Да какие статьи? Ни одна из них не была опубликована! Послушайте лучше, что узнали Хельвина и Хельга.

– Мы не можем ждать! Воланд уже здесь! Мы должны переголосовать! – И. Ти., казалось, впадал в буйство.

– Он нецензурно выражался, – громким шепотом произнес Пристойле, отчетливо выговаривая каждый звук, стараясь, чтобы И. Ти. его понял.

И. Ти. смутился.

– Нецензурная брань на занятиях! – снова зашептал Пристойле. Каждый слог в его устах звучал как приговор.

– Это было только предварительное голосование, И. Ти., – вмешался Hörnerträger, – Но когда вы узнаете факты, вы поймете, что ситуация безнадежна.

И. Ти. посмотрел на фрау Фрейлин, которая повернулась к нему спиной, неподвижно уставилась в окно и затягивалась Marlboro для успокоения. Говорить с ней было бесполезно.

– А где Хельвина? – спросил И. Ти.

– Они с Десять Галлонов недавно ушли, – ответил доктор Сандерсон.

И. Ти. не терял времени. Он быстро выскользнул в коридор и бросился к лифту. Как обычно, он побежал не в ту сторону, хотя и пользовался этим лифтом по меньшей мере два раза в день. Чтобы попасть, наконец, к лифту, ему пришлось сделать почти полный круг по коридору. Двое полицейских, почтительно отсалютовав, уже раньше покинули собрание, и теперь стояли наготове у дверей лифта. Вскоре И. Ти. оказался на ночной улице и побежал к корпусу Канта, пытаясь на бегу застегнуть молнию на брюках.

К несчастью, никто не ответил, когда И. Ти. постучал в дверь офиса Салли. Он решил поискать Десять Галлонов в другом месте. Но, выходя из корпуса, он заметил велосипед Салли, из чего и сделал заключение, что тот должен быть где-то в здании, и следует поискать еще. На сей раз И. Ти. поднимался по лестнице очень медленно, останавливаясь, чтобы смахнуть пот с бровей. Идя по коридору, И. Ти. услышал из кабинета Салли звуки, весьма напоминающие мышинный писк. «Летучая мышь, должно быть», – подумал И. Ти., подходя ближе. Прежде, чем он подошел к двери, писк прекратился. Когда И. Ти. неуверенно поднял руку, чтобы постучать, из-под двери вдруг показалась полоса света. И. Ти. инстинктивно отпрянул и немедленно ретировался бы, но не успел: дверь распахнулась и из нее выпорхнула женская фигура.

Когда женщина заметила прячущегося в темноте И. Ти., она вцепилась в свою небрежно застегнутую на груди блузку леопардовой расцветки и в ужасе присела, очевидно опасаясь, что И. Ти. набросится на нее. И. Ти. поднял руки,

чтобы показать, что бояться нечего, но бесполезно – женщина разразилась диким криком, многократно подхваченным эхом: «Маньяк! Убирайся вон! Спасите!» Только теперь, на пороге самого ада, И. Ти. понял, что перед ним Хельвина.

Внезапно свет из распахнутой двери залил коридор, и на сцене появился Десять Галлонов, одетый только в ковбойскую шляпу да нижнее белье. Когда он увидел И. Ти., рот его сам собой распахнулся, обнажая два сломанных передних зуба (он утверждал, что ему сломали их в отчаянной драке, а от его жены я узнал, что на самом деле драка была с электрической зубной щеткой).

– Что здесь творится? Вы что, подслушиваете?

– Нет, Уил, я...

– Похотливый соглядатай! Только этого нам не хватало! – жалобно выкрикнула Хельвина и убежала, раздраженно стуча каблуками. И. Ти. собрался было пойти за ней, но Десять Галлонов поймал его за рукав и потащил в свой офис, где насильно усадил на стул. И. Ти. слышал удаляющиеся шаги Хельвины по коридору и дальше, вниз по лестнице. Все еще в подштаниках, Десять Галлонов оседлал стул напротив И. Ти. и надвинул ковбойскую шляпу на самые брови. Он уставился на И. Т. из-под полей шляпы упрекающим взглядом, дающим понять: «Пожалуй, вы должны кое-что объяснить». Над его головой на стене висел плакат, изображающий велосипедиста, едущего по краю Гранд Каньона на восходе солнца. Или, может быть, на закате.

– Уил, поверьте, я не подслушивал, – горячо заговорил И. Ти. Десять Галлонов продолжал неумолимо смотреть на него.

– Честно, Уил, я искал вас и Хельвину, чтоб предупредить о Воланде.

– Как в тот раз... со студенткой?

– Уил, я никогда не верил ее версии. .. Думаю, вполне объяснимо, что человеку захотелось снять рубашку или ... или ...

– Брюки, И. Ти.?

– Или расстегнуть пояс на брюках в жаркий летний день.

– А как насчет холодного зимнего дня, И. Ти.? Когда у вас яйца звенят, как колокола Святой Мэри?

– Возможно, зимой тоже. И я не знаю, что там с вашими яйцами. То есть, тогда было лето. Почему вы меня вообще допрашиваете? Я никогда не верил, что вы можете быть замешаны в каких-то грязных фокусах. Я защищал вас, – И. Ти. потирал руки, с видом опоздавшего ученика.

– Да нет, я так. Не берите в голову. Просто забудьте об этом, И. Ти.

– Я проходил мимо, совершенно случайно, в тот момент, когда студентка вырывалась из вашего кабинета. Потом я помог вас оправдать.

– Да бросьте, – пробормотал Десять Галлонов.

Воцарилось молчание, продлившееся целую минуту. Десять Галлонов сдвинул шляпу с бровей на затылок. – Кто такой Воланд?

– Он, – И. Ти. придвинулся ближе, – он часть той силы, которая вечно хочет зла и вечно совершает благо.

Они молча вперились друг в друга. Безмолвный поединок взглядов продолжался, наверное, еще минуту. Наконец Салли посмотрел на пол и надвинул шляпу так низко, что из-под нее стали видны только блеснувшие в усмешке сломанные передние зубы. Он заговорил:

– Вы говорите о Демократической партии?

– Уил, боюсь, что будет плач и скрежет зубов за то, что сделали с Мармеладовым!

– И. Ти., вы слышали эту ерунду, что он говорит о своей книге? Что-то о величайшем открытии в истории Западной цивилизации. Пришествие Ильи-пророка в огненной колеснице. Этот человек чокнутый. Религиозный фанатик.

– Вы читали рукопись? – спросил И. Ти.

– Нет. А вы?

– Нет еще, но я не собирался голосовать против него.

Оба уставились на пол. Наконец Десять Галлонов нарушил молчание:

– И. Ти., вы бы прислушались к тому, что рассказывали о нем Хельвина и Хельга. Он сам рубит сук, на котором сидит.

– Да что вы говорите? И как это? Пытался соблазнить чужую жену или свою студентку? – поинтересовался И. Ти.

– Вы что, на меня намекаете? Вы на что намекаете? Убирайтесь вон из моего офиса! – распалился Салли.

В этот момент И. Ти. услышал на лестнице шаги, а потом и пулеметную очередь болтовни Хельвины. Десять Галлонов быстро скользнул в свои джинсы и сапоги. И. Ти. шагнул в коридор и увидел Хельвину в сопровождении двух охранниц. Это были дюжие дамы. Пистолеты в кобурах покачивалась на их широких, тяжелых бедрах.

– Доктор Пух? На вас поступила жалоба. Вы должны проследовать за нами.

В течение нескольких минут И. Ти. снова был заключен в наручники и увезен в полицейский участок. Сирены отчаянно выли, красный и голубой свет мигалок чертил небо. Кортёж из трех студентов на велосипедах следовал за машиной, в которой увозили И. Ти. Студенты махали И. Ти. через стекло машины на каждом светофоре. По кампусу в течение нескольких минут распространился слух, что И. Ти. бежал из тюрьмы и был снова водворен туда полицией.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

До сих пор я излагал события, известные мне со слов И. Ти. и дополнял свой рассказ деталями, добытыми из других источников. Но в тот вечер, когда И. Ти. арестовали еще раз, я имел честь быть непосредственным свидетелем и участником развернувшихся событий.

Было уже около одиннадцати вечера. Я сидел на крыльце, приканчивал ящик пива и слушал кваканье лягушек

на соседнем болоте, когда внезапно зазвонил телефон. Это был И. Ти.

– Гэйб, Гэйб, послушайте! Не знаю даже, как вам сказать, но я звоню из тюрьги...

– Из тюрьмы? – я весь день провел дома и еще ничего не знал о драматических событиях, развернувшихся в колледже.

– Гэйб, послушайте, мой брат в Техасе внес за меня залог. Не могли бы вы взять мою машину и забрать меня отсюда? Моя машина стоит около корпуса Гримма.

Я часто подвозил И. Ти. на его кадиллаке, поэтому у меня были свои ключи на всякий случай. И. Ти. не очень-то ладил со всякими механизмами и прочими материальными объектами реального мира, а потому его вполне устраивало, если за рулем сидел кто-то другой. Старый кадиллак, по всей вероятности, ни разу не ездил быстрее пятидесяти миль в час с тех пор, как был подарен И. Ти. его братом. Я добрался до машины на велосипеде, а потом направился в тюрьму.

И. Ти. ждал меня на улице. Он стоял ко мне спиной, видимо не подозревая о моем приезде. Луна отсвечивала на его лысине. Я тихонько подкатил с выключенными фарами и посигналил. И. Ти. подпрыгнул на месте и поспешил залезть в машину.

– Гэйб, – заговорил он торопливо, пряча лицо в ладонях, – давайте уедем отсюда быстрее. Думаю, что меня и так уже заметили.

– Профессор Пух, если вас арестовали, завтра весь город так или иначе будет знать об этом. Нет смысла беспокоиться из-за того, что вас видели около тюрьмы.

Я завел мотор, шины завизжали на мостовой, и мы помчались по главной улице. Мы выехали на Западное Болото, где я высвечивал фарами аллигаторов, пока И. Ти. рассказывал мне о том, что произошло в тот день. В ту осень вообще развелось необычайно много аллигаторов. Тут и там в тростниках различались доисторические очертания их тел. Жуткие твари то и дело бороздили темную воду. Ближе к полуночи И. Ти. попросил меня отвезти его к Юрию Ильичу, который жил на Северном Болоте.

Когда мы подъехали, Юрий Ильич сидел на веранде, погрузившись в свои бумаги при ленивом свете масляной лампы. Он быстро поправил свой розовый галстук-бабочку и приветствовал нас с распростертыми объятиями. Его коричневая куртка с мышинного цвета заплатами на локтях прорвалась так, что голые локти просвечивали сквозь оба слоя потертой ткани. Он был нетрезв, и глаза его светились особым маслянистым блеском. Он пригласил нас сесть, смахнув пыль и книги с одного шаткого стула и согнав кота с другого, затем налил нам коньяку. Таракан исследовал дно бутылки, пока мы молча пили из стаканов. Мотылек, залетевший с улицы, вился вокруг лампы. На стенах и на потолке висели пучки сосновых веток и шишек. На столе, рядом с бумагами Юрия Ильича стояло блюдо с яблоками и красным виноградом. Из ракушки, которая служила пепельницей, торчала недокуренная сигара. Сверчок где-то в углу устроил битву скрипачей с цикадами на улице. Я прибил комара у себя на шее.

– Вот для чего нужна москитная сетка на двери. Чтобы комары не разлетались! – пошутил Юрий Ильич, поднял свой бокал и мы выпили.

– Какие яркие сегодня светляки, – заметил я.

– Да, вечером тот куст просто светился, так их было много, – ответил Юрий Ильич. – Слышите, кричит? Он и прошлой ночью прилетал. Профессор Пух, а как называется такая птица по-английски?

– У нас она называется "whippoorwill".

– По-русски "козодой". Как кричит, а?

Юрий Ильич поднял свой бокал, и мы выпили, а козодой все кричал в верхушках деревьев. Время от времени над болотом вспыхивали зарницы. Козодой улетел, и теперь только сверчок продолжал свой концерт.

– Хотите, я почитаю вам свой новый перевод? – спросил Юрий Ильич. Он переводил много русских стихов на английский. Один из его переводов недавно вышел в «Новостях Скотопригоньевска» в разделе любимых рецептов.

– Это из Гумилева, знаете, из его текильного периода, – пояснял он, роясь в бумагах. – Оно порождено исключительно алкоголем – так же, как и мой перевод.

Тут И. Ти. прервал его.

– Юрий Ильич, есть нечто более важное. В отделении решается вопрос о продолжении вашей работы в колледже, и я должен знать..., – тут И. Ти. замялся и начал нервно потирать руки. – Было несколько жалоб, что вы ... как бы это сказать... грубо выражаетесь на занятиях.

– О чем вы говорите? По-немецки я на лекциях не говорю, – пошутил Юрий Ильич. Он предложил нам сигару, но мы отказались. Тогда он раскурил свежую для себя.

– Я имею в виду нецензурные выражения, – ответил И. Ти.

– И. Ти., – начал Юрий Ильич, – я объяснял своим студентам, что то, что мы называем ненормативной лексикой, лучший способ изъяснения, когда вы пьяны. Пьяному и нельзя иметь другого языка, кроме сквернословного. Именно этот язык, целый язык, я в этом убедился недавно, язык самый удобный и оригинальный, самый приспособленный к пьяному или даже лишь к хмельному состоянию, так что он совершенно не мог не явиться, и если б его совсем не было – *il faudrait l'inventer*. Я вовсе не шутя говорю, рассудите. Известно, что в хмелю первым делом связан и туго ворочается язык во рту, наплыв же мыслей и ощущений у хмельного, или у всякого не как стелька пьяного человека, почти удесятерятся. А потому естественно требуется, чтобы был отыскан такой язык, который мог бы удовлетворять этим обоим, противоположным друг другу состояниям. Язык этот уже спокон веку отыскан и принят во всей Руси. Это просто-запросто название одного нелексиконного существительного, так что весь этот язык состоит из одного только слова, чрезвычайно удобно произносимого. Однажды в воскресенье, уже к ночи, мне пришлось пройти шагов с пятнадцать рядом с толпой пьяных мастеровых, и я вдруг убедился, что можно выразить все мысли, ощущения, и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием этого

существительного, до крайности к тому же немногосложного. Вот один парень резко и энергично произносит это существительное, чтобы выразить об чем-то, об чем у них раньше общая речь зашла. Другой ему в ответ повторяет это же самое существительное, но совсем уже в другом тоне и смысле – именно в смысле сомнения в правдивости отрицания первого парня. Третий вдруг приходит в негодование против первого парня, резко и азартно ввязывается в разговор и кричит ему то же самое существительное, но в смысле уже брани и ругательства. Тут ввязывается опять второй парень в негодовании на третьего, на обидчика, и останавливает его в таком смысле, что, дескать, откуда взялся, – лезешь Фильку ругать? И вот всю эту мысль он проговорил тем же самым одним заповедным словом, тем же крайне односложным названием одного предмета, разве только что поднял руку и взял третьего парня за плечо. Но вот вдруг четвертый паренек, доселе молчавший, должно быть вдруг отыскав разрешение первоначального затруднения, из-за которого вышел спор, в восторге приподнимает руку и кричит... Эврика, вы думаете? Нашел, нашел?... Нет, совсем не эврика и не нашел, нашел; он повторяет лишь то же самое нелекксиконное существительное, одно только слово, всего одно слово, но только с восторгом, с визгом упоения, и, кажется, слишком уж сильным, потому что шестому, утрюмому и самому старшему парню, это не «показалось», и он мигом осаживает молокососный восторг паренька, обращаясь к нему и повторяя утрюмым, назидательным басом... да все то же самое запрещенное при дамах существительное, что, впрочем, ясно и точно обозначало: «Чего орешь, глотку дерешь?» Итак, не проговоря ни одного другого слова, они повторили это одно только излюбленное ими словечко шесть раз подряд, один за другим, и поняли друг друга вполне. Это факт, которому я был свидетелем. Один пожилой человек с бородой, который тоже случился рядом, принялся было их стыдить: «Помилуйте! – закричал он им. – Всего только десять шагов прошли, а шесть раз (имярек) повторили! Ведь это ж срам! Ну, не стыдно ли вам?»

Все вдруг уставились на него, как смотрят на нечто совсем неожиданное, и на миг замолчали; я думал, выругают его, но не выругали, а только молоденький паренек, пройдя уже шагов десять, вдруг повернулся к нему и на ходу закричал: «А ты что ж сам-то семей раз его поминаешь, коли на нас шесть раз насчитал?» Раздался взрыв хохота, и партия прошла, уже не беспокоясь более о старике.

Юрий Ильич развел руки как бы говоря: «Вот так-то вот, милостивые государи!». Он наполнил наши стаканы.

Мне не терпелось узнать, что же это за волшебное слово, но И. Ти. опередил меня своим вопросом.

– То есть вы никогда не произносили перед своими студентами никаких ругательств?

– Я рассказывал все так, как рассказываю вам теперь.

– Возможно, это поможет, Юрий Ильич. Возможно, это поможет, – И. Ти. вытащил свой мятый носовой платок и утер пот с лысины и со лба.

Я не мог дольше сопротивляться своему любопытству.

– Юрий Ильич, – спросил я, – неужели ни один из студентов не попросил вас назвать это слово?

– Конечно, они хотели узнать, что это за слово.

– И вы не сказали?

– Некоторым сказал, а некоторым нет.

– Как это? – изумились мы с И. Ти.

– Я просто сказал только тем, кто не заткнул уши.

Тем, кто заткнул уши, я не сказал.

– То есть вы хотите сказать, что вы сначала просили закрыть уши тех, кто не хочет слышать подобных выражений? – спросил я.

Юрий Ильич улыбнулся и подмигнул в ответ.

– Юрий Ильич, а вы не могли просто предоставить это слово их воображению? – спросил И. Ти.

– Их воображение, к сожалению, не настолько богато. К тому же, это ненаучный подход. Согласитесь, И. Ти., они не будут до конца понимать Достоевского, если не будут знать это слово. Вы так не считаете? – Юрий Ильич подмигнул И. Ти., потягивая сигару.

– ??

– ??

И. Ти. утер потную шею, потом сказал:

– Это уже другой вопрос. То есть, я хотел бы выяснить, не случилось ли какого-нибудь недоразумения. Я имею в виду ваши заявления об Илье-пророке. Ну, вы знаете, о том, что вы сделали самое большое открытие в истории достоеведения.

– О каком недоразумении вы говорите?

– Я говорю о том, что вы, может быть, хотели сказать, что вы сделали *большое* открытие в области достоеведения? Не *величайшее*?

– Вообще-то, И. Ти., я действительно хотел сказать величайшее.

– Не просто большое?

– Хм. Большое или величайшее. Тут есть какая-то проблема?

– Да, похоже, что так. Если бы мы могли убедить их, что произошло недоразумение, что вы вообще-то говорили о большом открытии... Это могло бы помочь.

– *Мне?* – улыбнулся Юрий Ильич.

– А кому же еще? – удивился И. Ти.

– А вы не знаете кому?

– ?

– Мастеру, И. Ти.

– ?

– Федору Михайловичу Достоевскому. Это может помочь *ему*?

И. Ти. был ошарашен. Мы обменялись взглядами. Я потянулся за виноградом. Лицо Юрия Ильича покраснело в то время, как он продолжал:

– А Илье Петровичу из «Преступления и наказания»? Он что, должен уволиться из полиции и играть в шашки в парке? А Николай Ильич Снегирев и его сын Илюша? Должны они уволиться из «Братьев Карамазовых» и отказаться от единственного света, который доходит до их дыры? А Илья Мурин? Он что, должен упаковать вещи и отправляться в Висбаден, где он сможет вежливо беседовать с

сыновьями и внуками немецких колбасников? Или Егор Ильич Ростанев и его сын Илюша? Что им делать? Переехать из Степанчиково в Париж и затеять там казино? А Емельян Ильич ... или Ярослав Ильич? Он должен упаковать кости Прохарчина и отправиться путешествовать с бродячим цирком?

– Но, Юрий Ильич, многие в колледже очень болезненно воспринимают ваши заявления относительно значимости вашего открытия. Они считают, что это дерзко.

– Они читали мою рукопись?

– Нет, не читали.

– А вы читали, И. Ти.?

– Нет, но вы мне рассказывали..

– Вы должны прочесть рукопись, И. Ти. Тогда вы увидите, что это не моя идея, это идея Мастера. И ей уже сто лет. Выпейте еще, – Юрий Ильич наполнил наши бокалы, и в комнате воцарилось тяжелое молчание пока наш хозяин, мучимый жаждой после страстной речи, пил коньяк.

– Постойте, я же еще обещал почитать вам свой перевод Гумилева. На английском это, конечно, не то, но что же делать.

Я прочел отчаяние в глазах И. Ти. Он из всех сил хотел помочь Мармеладову, но старый эмигрант, похоже, и не подозревал, какая туча собралась над его головой.

– Я бы с удовольствием послушал ваш перевод, – устало сказал И. Ти., глядя как Юрий Ильич роется в бумагах, – но давайте в другой раз.

Юрий Ильич проводил нас до машины. Пока я открывал дверцу И. Ти., Мармеладов спросил:

– Они уже проголосовали?

– Они начали совещаться. Скоро будет вынесено решение.

Повисло молчание, нарушаемое лишь пением сверчка. И. Ти. продолжал:

– Юрий Ильич, мне неловко просить вас об этом в таких обстоятельствах, но все же... Пусть этот разговор остается между нами. Если Hörnerträger узнает, это может стоить мне работы...

Мармеладов подмигнул и поджег сигару. Я отвез И. Ти. домой. Мы молчали всю дорогу. Я обещал подвезти И. Ти. завтра утром. Когда он выходил из машины, я спросил:

– Что это все-таки за слово, о котором говорил Мармеладов?

– Я не знаю, – пожал плечами И. Ти. – Может быть, это просто херня какая-то.

И он захлопнул дверцу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ КАЗНЬ

В ту ночь И. Ти. мало спал. Необычайные события прошедшего дня расстроили его нервы. Возможно, полнолуние и жара также были тому причиной. Он лежал, уставившись в ткань навеса от комаров больше часа прежде, чем смог уснуть.

Внезапно он проснулся и понял, что едет в карете. Он выглянул из окна и увидел, что его карета движется в составе похоронной процессии. Чердака карет медленно тянулась по узкому мосту, за которым пыльная дорога поднималась вверх, к кладбищенской церкви. Процессию сопровождало человек пятьдесят одетых во все черное. Они пешком шли за катафалком. И. Ти. углубился в плюшевом сиденье и попытался припомнить, кого же хоронят. Внезапно в окне показалась шляпа с черной траурной лентой. Какое-то знакомое лицо показалось в окне, приподняв в знак приветствия шляпу. Это был один из пешеходов участников процессии. Экипаж двинулся вперед, и лицо исчезло. «Где я мог его видеть?» – задумался И. Ти. Вдруг он понял: это же был Достоевский! Без сомнения, это был он. Тут лицо появилось в окне еще раз. У И. Ти. мороз пошел по коже. Когда же лицо возникло в окне в третий раз, И. Ти. задернул занавеску и крикнул вознице, чтобы тот поворачивал в город. И. Ти. упал на пол, когда карета затряслась по разбитым колеям. Его сердце билось, как у загнанного кролика.

Затем он проснулся и понял, что находится где-то в трактире, в темном полуподвале. Снаружи доносился воскресный перезвон колоколов, а трактир был полон табачного дыма, звона бокалов, позвякивания шпор и стука бильярдных шаров. И. Ти. маленькими глоточками пил водку и с удивлением оглядывался по сторонам. Мимо прошла молодая, пышно одетая женщина под руку с кавалерийским офицером. Свирепого вида мужик внезапно схватил одного из пьяненьких клиентов за рыжую густую бороду и выволок на улицу. За соседним столом лежал головой на столе мужчина средних лет. Он вдруг пришел в себя, выпрямился на стуле и поднялся на ноги. И. Ти. показалось, что он его уже где-то видел. Пьяный незнакомец кивнул И. Ти., с трудом держась на ногах, и проговорил: «Профессор Пух, позвольте представиться. Федор Михайлович Достоевский, несправедливо отстраненный от дел!» Он оперся рукой на плечо И. Ти. и наклонился, чтобы его поцеловать в щеку, но И. Ти. встал и отступил на шаг. Незнакомец придвинулся ближе и пробормотал: «Давайте выпьем на брудершафт». Но споткнулся за стул и упал. Он стукнулся головой; раздался звук, похожий на треск расколовшегося кокоса. И. Ти. заметил струйку крови, сочащуюся из-за уха. В ужасе он бросился к дверям.

Но потом он проснулся, и оказалось, что он идет по пустынной городской площади. Он очень торопился куда-то, только никак не мог припомнить, куда именно. Напряженно соображая, куда он шел, он вдруг увидел человека, лежащего посреди площади. Подойдя ближе, он увидел, что человек этот бьется в припадке. И. Ти. нагнулся над ним и понял, что перед ним тот же самый человек, которого он встретил в трактире. Только теперь он был чисто выбрит. Глаза несчастного эпилептика вылезали из орбит, изо рта шла пена. И. Ти. закрыл лицо руками и побежал прочь по булыжникам. Но прежде, чем убежал, эпилептик узнал его. И. Ти. в этом не сомневался.

Потом он проснулся. Было туманное утро. Туман был так густ, что уже в двенадцати метрах ничего нельзя было разглядеть. Они маршировали в полном

обмундировании. Их было пятеро. Каждый нес мушкет. И. Ти. не знал, как маршировать, и капитан тыкал его сзади штыком при каждом шаге, что только осложняло все дело. Откуда-то доносился шум невидимой в тумане толпы. Им приказали остановиться и зарядить мушкеты. И. Ти. не умел заряжать мушкет. Он поглядел на других солдат и несколько удивился, узнав в них Альфонсо Пристойле, Десять Галлонов, Тфуттинутти и Жан-Жака Калина. Они не обратили на него ни малейшего внимания и продолжали заниматься своим делом.

В шести метрах от них у каменной стены стоял человек. Руки его были связаны спереди, лицо закрыто черной повязкой. Справа стояла группа взволнованных людей. Вероятно, это были родственники обреченного. И. Ти. узнал некоторых из них. Тут были Николай Ильич Снегирев и его сын Илюша, Илья Мурин, Егор Ильич Ростанев и его сын Илюша, брандмейстер Илья Ильич, пьяница Емельян Ильич, Павел Трусоцкий. Слева, затянутые в корсет, в пышных юбках с огромными тюрнюрками, Хельвина и Хельга злобно поторапливали стрелков с казнию.

И. Ти. пытаясь зарядить свой мушкет, рассыпал порох, а потом еще и пуля выкатилась из ствола. Капитан отдал приказ: «Готовсь!». И. Ти. заторопился, но пуля снова выкатилась из ствола. Кто-то ударил его по затылку саблей плашмя. Он содрогнулся от удара, обернулся и увидел лошадиную челюсть и разинутый в крике рот капитана Hönnerträger'a. «Пли!» Раздалось четыре выстрела и вдогонку холостой выстрел И. Ти. Когда дым от выстрелов рассеялся, И. Ти. увидел, как пытается встать на ноги умирающий человек, хватаясь за голову связанными руками. Но тут Хельвина и Хельга прикончили его выстрелами из своих дамских пистолетиков, скрытых в лисьих муфтах.

Женщины и дети, стоявшие справа, при звуке выстрелов зарыдали. Мужчины горестно склонили головы. Внезапно из тумана показался курьер на белом коне. В руках у него был белый пакет с большой золотой печатью. «Я не опоздал?» – вскричал курьер, подергивая вожжами чтобы

утихомирить ретивого коня. И. Ти. взглянул на свои часы, но рука Микки Мауса, служившая стрелкой, бесполезно болталась внутри пластикового корпуса. Трое солдат унесли окровавленное тело, сняв повязку с лица. Стала отчетливо видна голова казненного с глубокими залысинами. Лицо было обезображено ранами от выстрелов, уцелел только один глаз, но И. Ти. все же узнал в казненном Достоевского. За мгновение до того, как и этот единственный глаз залила черная жижа из простреленного лба, он узнал И. Ти. И. Ти. был в этом уверен. В ужасе он бросился бежать, но куда бы он ни бежал, прыгк всегда указывал на него: капитан Hörnerträger и рядовые – Пристойле, Тфуттинутти, Салли и Калин – следовали за ним. Потом он проснулся.

ГЛАВА ПЯТАЯ НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЧАСОВНЕ

На следующий день в часовне колледжа состоялась особая служба, как и распорядился президент колледжа. Только немногие посвященные имели доступ к последним сведениям о состоянии декана Колдбурна. Общая путаница происходила также оттого, что никто не знал, задравная будет служба или заупокойная. Умер ли Колдбурн или еще цеплялся за жизнь – никому не было известно.

К одиннадцати часам утра около ста человек собралось у дверей церкви. Ровно в одиннадцать почтенные мужи и жены науки начали заходить вовнутрь. Как и положено в таких торжественных случаях, администрация колледжа, зажиточные спонсоры и прочие лучшие представители общества заняли первые три ряда. Даже выдающийся Джонатан Стаутон и судья Уильям Корвин почтили своим присутствием собрание. В следующем ряду разместились директора отделений, которые, следуя врожденному чувству приличия, свойственному людям их положения, заняли предназначенные места. Пятый ряд остался незанятым, символизируя собой зияющую пропасть, отделяющую сильных мира сего от простых смертных.

Остальные ряды, подальше и похуже, были заняты рядовыми сотрудниками колледжа, допущенными в церковь. Некоторые из них рассаживались, руководствуясь врожденным чувством, что их место рядом с администрацией, другие же не руководствовались никакими чувствами вообще. Остальных (в основном это были преподаватели без постоянного места в колледже) пригласили послушать трансляцию службы по местному радио в спортивном зале.

Как только все заняли свои места, откуда-то сверху грянул похоронный марш в джазовой обработке, время от времени прерываемый басовитым выкриком «Алилуйя!». Эти выкрики вызвали некоторое недоумение в первых рядах и сдержанные смешки в задних. Но проявления ве селости сами собой пресекались, как только все увидели элегантный черный гроб, стоявший открытым слева от возвышения. Большие показные букеты и венки стояли тут же, поднятая крышка гроба была накрыта знаменем колледжа. На знамени был изображен облаченный в латы рыцарь, стоящий на Башне и окруженный аллигаторами, злобно разинувшими пасти, и классический девиз: «Mens agitat lutum». Каждый пытался вытянуть шею подальше, чтобы увидеть тело лежащего в гробу, но гроб стоял слишком высоко.

Погребальный джаз оборвался со скрежетом, как будто кто-то толкнул иголку проигрывателя. Два трубача, одетых на средневековый манер, вышли из-за занавеса и заиграли фанфары. В это время на кафедре появился неизвестный. Он был одет в черную мантию и шапочку. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, а левый почему-то зеленый. Ростом высокий. И. Ти. сразу узнал его.

Трубачи удалились. Воланд повернулся в их сторону и сказал: «Спасибо. Это было очень мило. Очень, очень мило». Потом он повернулся к публике, собравшейся в церкви: «Дамы и господа, коллеги, ученые! Позвольте представиться. Меня зовут Воланд. Президент Ламбада, как вы знаете, сейчас в Южной Африке, где вкладывает кучу в золото и брильянты. Меня попросили замещать декана

Колдбурна пока он не поправится или же наоборот. Конечно, это несколько необычно, что на такой ответственный пост назначен исследователь из другого... ну, со стороны, но я вас уверяю, что я вас не разочарую, выполняя свои обязанности. Те из вас, кто претендовал на эту должность (тут он обвел правым глазом первые четыре ряда) помните, что мое назначение временное, и у вас по-прежнему есть все шансы занять впоследствии это должность. По сути, перед нами вечность. Президент Ламбада просил меня передать это персональное послание декану Колдбурну, который теперь покоится, точнее, отдыхает здесь. Воланд расстегнул мантию с кровавым подбоем, достал из кармана телеграмму и прочел ее: «Держи хвост пистолетом, Уилбур! Если уж мы пережили налоговую проверку, то выдержим и это!».

Публика выразила солидарность с пожеланиями президента колледжа улыбками и аплодисментами. Раздался гром колоколов и пушек Увертюры 1812 года Чайковского, что значительно повысило градус общего ликования. Наконец Воланд поднял руку, жестом остановив волну солидарности, как дирижер обрывает финальную ноту – решительно, но мягко.

– Одну минуту. Здесь есть еще кое-что. Минуточку. Ага: «Скажите, чтобы он послал комплект бит для игры в гольф»... А! Вот здесь: «Если этот ублюдок Гримм не раскошелится на новый спортзал, мы выставим ему счет за разработку средств на падеж скота...»... Хм... «держи хвост пистолетом.»... Извините, господа, я был уверен, что тут есть строки о первопроходцах науки, о высоких академических стандартах, поисках истины, защите высоких идеалов. Но похоже, что ничего такого в этой телеграмме нет. Извините. Давайте продолжим. Это торжественный момент...

При этих словах один из трубачей выскочил из-за занавеса и подал Воланду какой-то знак, очевидно напоминающий о чем-то, что он упустил.

– Ах, да! – спохватился Воланд. – Вчера вечером Фрэнки Даймонд получил назначение, от которого не смог

отказаться, и умчался из наших мест, как опшаренный. Поэтому я хочу представить вам мисс Геллу, временного заведующего по женским вопросам.

Рыжая девица с хорошенькой фигуркой в черно-белой мини-юбке из змеиной кожи и зеленой блузке вышла из-за занавеса. Девица заулыбалась. Всем хороша была девица, но ее портит причудливый шрам на шее. Пожалуй, уже не молоденькая, но с потрясающими ножками, эффектно подчеркнутыми высокими сапожками на каблуках.

– Мисс Гелла будет работать с фрау Фрейлин по всем направлениям – над чем там они работают. Как я уже сказал, это торжественный момент. Молния ударила в наши ряды, сразив одного из лучших, кто когда-либо восходил по крутым ступеням Башни. Как знак нашего уважения безукоризненному служению делу науки декана Колдбурна мы приготовили этот небольшой сюрприз, который вы видите. – Гелла скользнула к гробу и начала с необыкновенным изяществом указывать на каждую деталь, о которой говорил Воланд, обольстительно улыбаясь при этом публике. Воланд продолжал:

– Господа, этот гроб выполнен по особому заказу. Обратите внимание на брильянтовый треугольник на каждой стороне корпуса, хромированные края. Внутри гроб оборудован стереосистемой, обит натуральной кожей, имеется система круиз-контроля, воздушные подушки, охранный и аварийный сигнализация и прочие удовольствия, которых хватит лет на триста или же прямо до второго пришествия.

Теперь, дамы и господа, я прошу всех вас наклонить головы и закрыть глаза. Забудьте на мгновение о плохих рецензиях на вашу последнюю книгу, о прибавке к жалованию, которую вы, по соображениям высшей справедливости, должны получить, но не получаете, и о коллегах, которые не должны получить прибавку, но получили – позвольте всем этим земным заботам отступить на минуту. Они отступили? Просто дайте им исчезнуть, как исчезает туман, скрывающий величественную саванну. Теперь сосредоточьте свое внутреннее зрение на образе Уилбура Колдбурна. Представьте его себе таким, каким вы

его знаете. Прошу вас запомнить этот образ. Сосредоточьтесь на Уилбуре, каждый из вас. Что вы видите? У нас таким образом получится что-то вроде съезда баптистов, знаете, когда каждый рассказывает о своем свидании с Богом.

С этими словами Воланд спустился с кафедры и стал ходить вдоль центрального прохода, заставляя наклонить головы тех, кто послушался его.

– Теперь как только я буду называть ваше имя, отвечайте мне, что вы видите. Чилингворт!

– Я вижу молчаливого человека, сэр, – послушно раздался голос из средних рядов.

– Молчаливого человека?

– Да, сэр. Человека, который по большей части сидит в своем кресле и молчит.

– Да уж, вонистину мудрая позиция, нечего сказать.

Элисон!

– Я вижу человека в костюме и галстуке.

– Необходимейшие качества! Он дельный малый.

Граймз!

– Я вижу преданного колледжу человека, сэр, – раздался голос из задних рядов.

– Полезное приобретение для колледжа! Знает, когда сомкнуть ряды и никогда не кусает руку, которая его кормит. Паркинсон! Что вы видите? Что делает декан?

– Он держит зонтик над президентом колледжа на церемонии начала учебного года.

– Уважение к старшим и готовность помочь – вот его человеческие качества. Восхитительно! Сандерсон! Что вы видите?

– Я вижу, как он обрызгал меня грязью, проезжая мимо меня на своей спортивной машине, когда я ехал на занятия на велосипеде.

Это был голос Ханса Сандерсона, сидевшего рядом с И. Ти. Головы коллег вздернулись, чтобы узнать имя отступника. Несколько человек нервно сглотнули. Лысина И. Ти. порозовела, а руки вспотели, хотя он и перебирал китайские пластиковые четки, чтобы успокоиться.

– Должно быть, занятой человек! Не теряет зря времени! Лес рубишь – щепки летят, – воскликнул Воланд. – Соргум, что вы видите?

– Я вижу как он поздравляет коллектив с однопроцентным повышением зарплаты, – раздался авторитетный голос с первого ряда.

– Да, копейка рубль бережет. Похоже, он знал цену деньгам. Маркграф!

– Я вижу, как он подгребает к себе свою зарплату с повышением на двенадцать процентов. Большим ковшом, сэр, – ответил голос из задних рядов. Головы снова дернулись, и недоуменные взгляды начали шарить по залу, как лучи прожектора.

– От каждого по способностям, каждому по потребностям. Диксон!

– Я вижу, как президент Ламбада треплет его по плечу за удачное сокращение расходов.

«Аминь!» немедленно прошелестело в первых рядах.

– Хэмпри!

Ответа не последовало.

– Хэмпри!

– Сэр, я вижу... Я вижу студентов, сидящих в проходе и на подоконниках. Много студентов, очень много студентов, толпы. Но я не вижу Уилбура Колдбурна.

– Попробуйте еще, Хэмпри, – подбодрил его Воланд.

Вдруг раздался голос из четвертого ряда:

– Я вижу, как Уилбур Колдбурн зачитывает рекордные показатели выпускников университета на церемонии вручения дипломов в прошлом году. Мы превысили все мыслимые квоты по числу студентов.

Вступил еще один голос:

– А что, если мы выпускаем недоучек?

– Коллеги, помните, что у нас не парламентские дебаты. Мы только выносим суждение о том образе, который мы видим перед нашим внутренним взором, – заговорил Воланд успокаивающим тоном. Он подошел к старенькой

мисс Диксон, сидящей в первом ряду и начал ловко перебирать ее душевные струны:

– Мисс Диксон, скажите, не правда ли, трогательный вырисовывается образ? Образ человека, который подвигается в высших эшелонах власти, но не чуждается и физического труда. Мудрый человек, который лучше других знает, что несчастье одного – удача для другого.

По щекам мисс Диксон потекли крокодиловы слезы.

– Да, – всхлипывала она, – я бы так хотела, чтобы он был здесь, с нами! Бедняга!

Воланд подал ей кружевной платочек, который он произвел как бы исключительно из воздуха посредством магии.

– Пожалуй, мисс Диксон, нет сейчас другого такого места как это, где хотел бы быть декан Колдбурн. У меня есть сюрприз для вас. Идемте со мной, – Воланд подал ей руку и проводил к гробу.

– Загляните внутрь, мисс Диксон! Я думаю, ваше желание осуществится.

Тут мисс Диксон издала душераздирающий крик.

– Он мертв! А-а-а! – она прижала кулачки к своему испуганному старческому личику и не отрываясь смотрела в гроб.

Воланд подошел к гробу и поднял за отвороты пиджака (один из которых был украшен розой) тело декана. Из его носа торчали пластиковые трубки. По церкви прокатился ропот, прерываемый отдельными криками. Мисс Гелла проводила потрясенную мисс Диксон на место, а Воланд продолжал:

– О нет, мисс Диксон, давайте не будем забегать вперед. Он еще не мертв. Поверьте мне, это действительно так. Это просто маленькая трехдневная кома. Господа, не волнуйтесь! Как вы видите, он подключен к системе поддержания жизни и опытные парамедики всегда рядом на случай необходимости.

Из-за занавеса появилась странная парочка в белых халатах. Один был долговязый жуликоватого вида. На носу у него было совершенно бесполезное пенсне, в котором одного стекла вовсе не было, а другое треснуло. На нем был

жоккейский картузик и клетчатые брючки, подпернутые так высоко, что виднелись сомнительной чистоты белые носки. При внимательном взгляде на вторую фигуру становилось понятно, что это огромный черный кот с кавалерийскими усами. На голове у обоих красовались медицинские смотровые зеркальца. Они подошли к гробу и играючи подняли кислородные баллоны, к которым тянулись пластиковые трубочки из ноздрей Колдбурна. К несчастью, баллон выскользнул из рук длинного и со страшным грохотом упал на пол. Когда баллон подкатился к краю возвышения, покачался на краю, упал вниз и с шипением покатился по проходу между рядами, по церкви прокатился вздох. Клетчатый пополз за баллоном, а потом они вдвоем с котом снова попытались присоединить к нему пластиковые трубочки. Воланд завершал свою речь:

– Да, господа, мы знаем, что быть здесь с вами – это не только ваше желание, но и желание Уилбура. И мы преодолели все препятствия, чтобы сделать возможным ваше воссоединение. Мы хотим, чтобы Уилбур знал, как мы к нему относимся и поэтому мы не постояли за расходами, чтобы приготовить для него наш сюрприз. Если старина Уилбур выкарабкается (одному дьяволу известно, произойдет ли это, но, возможно, с вашей помощью...), ему не понадобится это уютное, по особому заказу исполненное напоминание о нашей заботе и участии. Но кто знает, возможно, наш подарок пригодится ему через год или... через полчаса?...

В то время как Воланд заканчивал свою речь, эксцентричная парочка не на жизнь а на смерть сражалась за Колдбурна. Кот взял огромные мехи и раздувал их изо всех сил, по всей вероятности вентилируя легкие почти усопшего. Долговязый взял из рук трубача два жезла и засунул их в гроб. По мере того, как он сжимал их в руках, свет в церкви постепенно тускнел – весьма странное явление, учитывая, что жезлы не были связаны ни с какими проводами. Затем потемневшую церковь сотряс страшный грохот, и из гроба взметнулся снап голубых искр. Раздались крики. Многие повскакивали со своих мест. Кто-то закрыл лицо руками, другие в ужасе кинулись к выходу, но он был закрыт еще

вначале, чтобы не вошли студенты. За первой вспышкой последовало еще несколько. Под потолком метались летучие мыши. Наконец свет снова зажегся, освещая последнее усилие ненормальных медиков, которые, поняв что теперь их все видят, неожиданно захлопнули крышку гроба и смущенно улыбались опарашенной публике.

– Ну, вы видите? – обратился к публике Воланд, – Все под контролем. Давайте все поблагодарим декана Колдбурна за то, что он был с нами, несмотря на столь сложный момент своей жизни, за то, что он был так мил.

Воланд, странные медики, мисс Гелла и трубачи в средневековом наряде бурно заплодировали. К ним присоединилась сконфуженная публика. Большая часть присутствовавших стала возвращаться на свои места, ведомая тем же врожденным чувством (или отсутствием такового), как и вначале собрания. Медики и трубачи попытались поднять гроб, но он оказался слишком тяжелым. Кот включил электропилу и начал распиливать гроб посередине. Полетели щепки, осколки костей, кровь, еще осколки костей и щепки, пока гроб не был распилен до конца. В публике раздались истерические крики и плач. Ужас присутствующих не знал предела.

– Не волнуйтесь, господа! Это просто трюк – старый, как мир трюк с распиливанием! – успокаивал публику Воланд, в то время как со сцены утащили половинки гроба. – На этом наша сегодняшняя программа закончена. Не забудьте, что завтра по тринадцатому каналу будет транслироваться церемония вручения ежегодного приза «Учитель года»!

Свет сделался ярче, заиграла музыка (кажется, «Когда святые маршируют») и сотрудники колледжа и администрация стали покидать церковь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ЗА ПИВОМ

И. Ти. и Ханс Сандерсон направились в ближайший бар, чтобы хоть как-то собраться с мыслями. Оба молчали, выжидая, кто заговорит первым, пораженные зрелищем, которому только что стали свидетелями. Ханс пытался осмыслить, как можно было устроить такой удивительный сеанс черной магии в часовне и зачем вообще был предпринят такой спектакль в связи с «маленькой трехдневной комой» Колдбурна. И. Ти. видел во всем произошедшем подтверждение тому, что в дела колледжа вмешались силы тьмы, но боялся затрагивать эту тему.

– Потрясающее шоу. Интересно, а кто был в костюме кота? Вот и говори после этого о черном юморе, – нарушил наконец молчание доктор Сандерсон.

И. Ти. уставился на него. Наконец он произнес:

– Боюсь, что это не был костюм.

– Пошел ты к черту....

Барменша поставила перед ними по кружке пива.

Ханс продолжал:

– Интересно, как они устроили эти вспышки?

Наверняка к гробу были подведены провода...

– Не было там никаких проводов, – ответил И. Ти.

Он помолчал, продолжая сверлить Ханса глазами. – Воланд был там, у речки, когда Колдбурна стукнуло молнией. Это он устроил все, Ханс. Удар молнией. Я был там.

– Да бросьте, И. Ти., вы разыгрываете меня.

И. Ти. молча выпил. Доктор Сандерсон уставился в рюмку. Внезапно на короткий миг на поверхности напитка показалась замерзшая рожа с одним клыком и бельмом на глазу. Ханс зажмурился и тряхнул головой. Снова заглянул в рюмку. Рожи не было.

Мгновение спустя к бару полыхая разноцветными огнями и воя подкатила карета скорой помощи. Сирены смолкли, а огни продолжали гореть, окрашивая стены бара, лица посетителей и бутылки то в синий, то в красный цвета. В бар вошли два медицинских работника. Внимательный

глаз немедленно бы опознал в одном из вошедших давешнего кота. Другим, разумеется, был типчик в клетчатых брюках. Они сели у стойки напротив И. Ти. и Сандерсона.

Ханс не мог поверить своим глазам. Барменша обслужила странную парочку, глядя на них с подозрением, как будто сомневаясь, что они оставят чаевые. Бар был полупустой, но все, кто там был, оторвались от своих кружек и глазели на странных посетителей. Ханс зашептал на ухо И. Ти.:

– Вы полагаете, что это ОН, а это – его помощники?

– Это Он, Ханс. Он здесь. В этом нет сомнений. Это так же точно, как дважды два – четыре. И когда Колдбурна шарахнуло молнией, разговор шел о Мармеладове и о Достоевском. Вы читали рукопись Мармеладова?

– Нет! Каким образом? Я не читаю по-русски! Ее ведь никто не читал? ...Или вы читали?

– ?

– Тогда зачем вы спрашиваете? Вы-то почему ее не прочли?

– ?

– Я не так быстро читаю по-русски. У нас было собрание, а у меня еще занятия. Голосование состоится завтра утром. Даже если я ее прочту – предположим, что теория покажется мне убедительной. Но это не значит, что Мармеладов прав. А что, если я не соглашусь с ним?

– Да, конечно. Тут нужен независимый эксперт.

– Едва ли это возможно. Hörnerträger всех прибрал к рукам, – ответил И. Ти.

– Ну, тогда мы можем сделать вид, что читали эту рукопись! Сами состряпаем защиту.

– Нет, у нас даже для этого недостаточно времени. К тому же... – И. Ти., кажется, в задумчивости проглотил кубик льда. – А что если кто-нибудь из них ее прочел? Маловероятно, конечно, но все-таки...

И. Ти. и Ханс переглянулись. Потом оба погрузились в размышление о возможных неприятных последствиях. Наконец доктор Сандерсон нарушил молчание.

– Да, пожалуй, вы правы. Такую возможность исключать нельзя. Должен быть другой способ.

В это время странная пара решила покинуть бар и направилась к выходу. Проходя мимо доктора Сандерсона, клетчатый подмигнул ему через треснутое стекло и посоветовал по-дружески: «А вы попробуйте спросить у гадалки, доктор Сандерсон». А огромный кот дружески потрепал доктора по плечу.

Ханса прошиб холодный пот, он выпучил от ужаса глаза и икнул.

– Это была кошачья лапа! А глаза! Вы видели! Это не костюм, И. Ти.!

Оба почтенных профессора смотрели в окно, как кот и долговзый шут забрались в машину и, включив сирену, уехали.

– Гадалка! – воскликнул И. Ти. – Ханс, вот оно! Мы можем спросить у ясновидящей про Мармеладова!

– Сэм Гауан говорит, что обе его тетки – ясновидящие. Он ими клянется. И всегда звонит прежде, чем кушать лотерейный билет.

– Точно! Мы можем съездить к одной из них, – согласился И. Ти.

– Нет, подождите, мы можем съездить к обеим. А потом сравнить результат.

– А что, если одна позвонит другой, пока мы едем?

– Я знаю, что мы сделаем. Я поеду к одной, а вы езжайте к другой. И появимся у них одновременно. Вы у одной, а я у другой. Так получим совершенно независимые результаты.

Во второй половине дня доктор Сандерсон и И. Ти. выяснили, что Элли и Нэлли Бельмо, тетки Сэма Гауана, жили одна в Юпитере, другая – на Зефирных Холмах. В свои восемьдесят два года сестры-двойняшки подрабатывали, заманивая игроков, надеявшихся сорвать куш, влюбленных, страдающих от неразделенной любви и одинокие сердца, скитающиеся в надежде найти родственную душу. Ханс и И. Ти. подбросили монетку, чтобы выяснить, кто из них кого навестит. И. Ти. досталась Элли, которая жила в Юпитере

(что было довольно далеко). Он решил лететь самолетом. Ханс должен был отправиться к Нэлли на кадиллаке И. Ти., а потом вечером встретить его на аэродроме.

Но сначала нужно было пойти на второе собрание по рассмотрению вопроса о работе Мармеладова. Это собрание сыграло решающую роль в судьбе Мармеладова, да и для нашего рассказа куда как немаловажно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГЕНЗЕЛЬ И ГРЕТЕЛЬ

Когда И. Ти. и Ханс прибыли в офис Hörnerträger'a, телефоны уже всюду звонили. Как обычно, они слегка опоздали – генетически обусловленный недостаток, который вызывал неизменное раздражение заведующего отделением, понятия не имевшего о генетике. Над кожаным креслом заведующего висели впечатляющего размера олени рога.

Каждый был занят своим делом: Пристойле принимал факсы, аккуратно отрезая их ножницами, фрау Фрейлин принимала телефонные звонки, делая пометки у себя в блокноте. Hörnerträger, Хельвина и Икота прослушивали звонки по громкой связи, причем Hörnerträger с Хельвиной делали пометки, а Икота просто сидел и слушал. Салли и Жан Жак Калин у компьютера распечатывали сообщения, приходившие по электронной почте и тоже отвечали на звонки.

Специально для Мармеладова, который славился тем, что строго ставил оценки, Hörnerträger придумал новую, основанную на последних достижениях технического прогресса методу оценки профессиональных качеств. Суть ее заключалась в том, что выбиралось сто случайных имен из числа настоящих или бывших студентов Мармеладова, которым отправлялось письмо с просьбой позвонить, послать письмо по электронной почте или отправить факс, в котором бы высказывалось мнение о преподавательских качествах Мармеладова с тем, чтобы оценить дальнейшие возможности его преподавания в колледже. Опрод должен

был продолжаться от 15.00 до 16.00. Разумеется, гарантировалась полная анонимность. Уже в половине третьего телефоны начали звонить, и все преподаватели (за исключением Ханса и И. Ти.) были на местах. Hörnerträger указал опоздавшим кресла в противоположных углах кабинета (его обычная тактика – разделяй и властвуй). И. Ти. и Ханс послушно заняли указанные места и подключились к выслушиванию жалоб, доносящихся из динамиков.

Динамики эти вообще служили украшением кабинета, ибо сделаны были в форме фигурок Гензеля и Гретель. Они улыбались с полки, словно счастливы были выбраться из темного леса и очутиться в безопасном мире пластмассы. Гензель говорил более толстым голосом, тогда как Гретель скорее пищала.

– Он считает, что русский – это единственный предмет, – жаловалась Гретель, – он не понимает, что у нас еще пять других. Не все хотят учить иностранный язык. Он не понимает этого. А потом он еще мечет громы и молнии из-за того, что мы не соответствуем его безумным ожиданиям.

– Доводилось ли вам слышать или быть свидетелем тому, что он вел себя на занятиях неподобающим образом? – Хельвина пыталась записывать как можно быстрее.

– Да, я слышала кое-что такое. Я имею в виду, что о нем ходят такие слухи, – ответила Гретель.

– Хорошо. Спасибо, что позвонили нам, – проговорила Хельвина, и Hörnerträger нажал рычаг. Телефон немедленно зазвонил снова. Еще один студент звонил, чтобы высказаться о Мармеладове.

– Я хочу кое-что рассказать про Мармеладова, – снова начала Гретель. – На его занятиях всюду звучит нецензурная брань и сексуальные намеки, – карандаши Hörnerträger'a и Хельвины забегали по бумаге. – Он делает гнусные намеки на женские задницы и все время твердит о маленьких девочках. Этот человек сексист!

– Твою мать! – прошипела Хельвина, карандаш которой сломался в столь ответственный момент. Икота передал ей свою ручку.

Голос из динамика продолжал:

– Он унижает женщин, это несправедливо. Я имею в виду, это по-настоящему несправедливо.

– Он пристаёт к своим студенткам? – расспрашивала Хельвина.

– Он целует их.

– Боже мой! – воскликнула Хельвина, лихорадочно делая пометки.

– Скажу не только за себя, но и за других: нужно избавиться от профессора Мармеладова. Он ненормальный. У меня от него просто мурашки по коже.

– Спасибо за звонок. Будьте уверены, что мы максимально серьезно отнесемся ко всему, что вы сообщили, – ответил Hörnerträger, отключая динамик.

фрау Фрейлин слушала этот звонок в перерыве между своими.

– Все одно и то же. Посмотрите мои записи, – она выложила три исписанных листка. Hörnerträger прочел их вслух:

«Гадкий старик... У него невозможно хорошо учиться... Увольте Мармеладова... Он высмеивает гомосексуалистов и людей с физическими недостатками... Ему надо почаще бриться... Он лучший учите... Он негибкий ... Он не хочет понимать, что большинство из нас учат русский только потому, что он входит в программу обучения, а вовсе не потому, что мы хотим его знать... Он делает сексуальные намеки... Неорганизован. Шутит к месту и не к месту. Меняет планы занятий... Дает нам тесты без предупреждения... Лучший учитель из всех ... Профессор Мармеладов по-настоящему пробуждает желание учиться... Ему надо почаще мыться... Он алкоголик... Он садист».

Затем Hörnerträger вернулся к Гензелю и Гретель, которые отчаянно мигали огоньками уже около минуты. Гензель заговорил:

– Алло! Я хотел бы сказать несколько слов в поддержку профессора Мармеладова! Я знаю людей, которые распускают о нем всякие сплетни, но на его занятиях я научился большему, чем на всех остальных вместе

взятых. Говорят, что он несправедливо ставит оценки. Но я думаю, что так говорят только бездельники.

– Были ли свидетелем сексуальных домогательств с его стороны? – твердила все о своем Хельвина.

– Нет. Разговоры слышал, но ничего такого не видел.

– Спасибо, что позвонили, – Hörnerträger выключил телефон и посмотрел на часы.

Когда Салли и Пристойле сообщили, что факсы и электронные письма также сходны по содержанию, Hörnerträger решил, что теперь налицо неоспоримые свидетельства, позволяющие судить о преподавательской деятельности Мармеладова. В конце концов, в их распоряжении были еще мнения, которые студенты дают в конце каждого семестра. Hörnerträger решил, что пора перейти к решению вопроса о преподавательских навыках Мармеладова.

– Ну что ж, – начала Хельвина, – боюсь, что возможно только одно заключение. Юрий Ильич работает непрофессионально. Как мы с Хельгой вчера уже говорили, это не первые жалобы его студентов.

– И студентов, – поддакнула фрау Фрейлин.

– Хотите сказать, он и мальчиками интересуется? – спросил Ханс.

– Нет, – ответила фрау Фрейлин, – но моя подруга Мэри Инделикадо, которая работает у нас в офисе, занималась у Юрия и слышала своими ушами подобные намеки. И ее приятель, который тоже был на занятиях, подтверждает это. Кроме того, у меня есть по крайней мере два звонка от студентов, которые подтверждают эти обвинения.

– Единственное заключение – Юрий Ильич должен покинуть наш коллектив, – воодушевленно заявила Хельвина.

В офисе теперь было тихо: телефоны выключили, факс и принтер больше не шумели. Гензель и Гретель, улыбаясь, застыли на полке.

– Да, это безобразие. Он не понимает, в каком веке он живет, – согласилась Хельга и налила себе кофе.

И. Ти. решил, что пора ему заговорить:

– Хельга, я спрашивал Юрия Ильича, употреблял ли он на занятиях нецензурную лексику. Он ответил мне, что однажды рассказывал студентам историю о том, как одно русское нецензурное слово может иметь дюжину значений в зависимости от того, с какой интонацией его произнести.

– Ну и что же это за слово? – спросил Тфуттинутти.

– Вообще-то я не спрашивал..., – неуверенно ответил

И. Ти.

– И. Ти., вы же преподаете русский язык! Если это словечко так уж часто употребляется, вы должны его знать! – поддел его Десять Галлонов.

– Ну вот! О чем я говорила! – перебила фрау Фрейлин, игнорируя замечание Салли. – Вот вам и сексуальные намеки! Не было необходимости говорить об этом слове. Но он говорил! Это что, было так необходимо?

– Возможно нет..., – смущенно ответил И. Ти.

Вероятно, он просто посчитал, что это интересно...

– Все равно, даже если он не произносил ругательства, это сексуальные намеки. Совершенно ни к чему затрагивать вопросы пола, если в этом нет острейшей необходимости для учебного процесса. Он должен научиться сдерживать свою сексуальность при общении с другими людьми. Подобное поведение отпугивает и оскорбляет женщин.

– И не только женщин, – добавил Пристойле.

– Даже если это имеет прямое отношение к уроку, все равно не следовало употреблять ругательства перед студентами, – настаивала на своем Хельвина.

– Но он только отвечал на вопрос студентов, – протестовал И. Ти. – К тому же, он сначала предложил закрыть уши тем, кто хочет. То есть, кого оскорбляют подобные выражения.

– Возможно, некоторые студенты побоялись закрыть уши и слушали, хотя в душе не хотели этого, – спорила Хельвина. – Давление группы, знаете ли.

– Давление труппы? – смущенно переспросил Ханс.

– Давление группы, – повторила Хельвина. – К тому же, Мармеладов создаст крайне враждебную атмосферу на занятиях.

– Неужели? – скептически перебил И. Ти. – Я думаю, что это другие создают враждебную атмосферу, выдвигая подобные обвинения. За последние три года я что-то не припомню ни слова о сексуальных намеках в студенческих отзывах о нем.

– Возможно, – отвечала Хельвина. – Но это не значит, что их не было.

– Все верно, И. Ти., – добавил Hörnerträger. – Вы ссылаетесь на отсутствие показаний, что равняется нулю.

– Но некоторые студенты защищают его! Разве это не свидетельства в его пользу?

– Давление какой группы? – совершенно некстати переспросил профессор Икота, но на него никто не обратил внимания.

– Послушайте, – сказал Пристойле, – Обе стороны не могут быть правы. Если один прав, другой не прав.

– Совершенно верно, – согласилась Хельга. – Сексуальные намеки имели место.

– Минуточку, минуточку. Давайте будем разумными и не будем делать поспешных выводов, – заговорил вдруг Hörnerträger отеческим тоном. – Думаю, что истина лежит где-то посередине.

Он выдержал многозначительную паузу, чтобы дать своим коллегам осознать, что видит свет в конце туннеля. Он поднялся со своего вертящегося кресла и подошел к динамикам.

– Гензель говорит нам одно, а Гретель – другое. И оба они говорят правду. Но истина лежит где-то посередине, – при этих словах Hörnerträger взял с нижней полки пресспапье (зеленого дракона) и водрузил его между Гензель и Гретель, чтобы продемонстрировать местоположение истины так наглядно, что только совершеннейший Dummkopf мог не уловить смысла.

– Совершенно верно, – встряла Хельга, – и она ближе к Гретель. – Она встала и передвинула дракона ближе к Гретель.

– Но если она где-то посредине, то она просто ужасна. Вы не согласны со мной, Альфонсо? – возразила Хельвина.

– Да, боюсь что так, – согласился он.

Все молчали, в том числе Гензель и Гретель, которые беспокойно косились на зловещего змея, свернувшегося между ними.

– Итак, – заговорил опять Hörnerträger, – Полагаю, что мы достигли определенного согласия в оценке преподавательской деятельности профессора Мармеладова.

– Боюсь, что так, – согласился Калин.

– К сожалению, – поддакнул Салли.

– Подведем итоги. Кто согласен, что Мармеладов виновен?

Все подняли руки, кроме И. Ти. и Ханса. Гензель и Гретель, конечно, не могли принять участие в голосовании, но они уже сказали свое слово. Видя, что он почти один в кругу поднятых рук, Ханс тоже поднял руку, но не выше плеча, как будто у него от генетической мутации одна рука короче другой. Таким образом, получался неполноценный голосок. Однако заведующий плохо разбирался в генетических дефектах конечностей, и посчитал голос доктора Сандерсона за нормальный.

– Очень хорошо. Я запишу, что..., – начал Hörnerträger, но его вдруг перебил И. Ти.

– Послушайте все. Хельвина и Хельмут, я понимаю, что вы отчаянно ненавидите Юрия Ильича. Не знаю почему. Может, он вас чем-то оскорбил, а я об этом не знаю. Возможно, он просто вам не нравится. Хельга, я понимаю, вы считаете, что должны защищать поправленную женственность, но послушайте меня. Бог свидетель, что дьявол вмешался в дела нашего колледжа. Будущее этого учебного заведения и, возможно, наши жизни поставлены на карту. Колдбурн – только первая жертва. И если вы Бога не боитесь, то побойтесь хотя бы дьявола.

Наступило долгое молчание. Все обдумывали слова И. Ти. Росистые глаза под нахмуренными бровями уставились в полированную поверхность стола, а потом слегка расширились и обратились к лицу с раздвоенным подбородком, председательствующему за столом. Точно таким же образом анютины глазки в клумбочке поднимают взор к золотому солнцу, когда грозовые тучи надвигаются с запада. Наконец Hörnerträger сказал:

– Итак, как я и говорил, я отмечу, что по этому пункту голосовали практически единогласно. Мармеладов преподает непрофессионально и далеко не успешно. Я также отмечу, что только профессор Пух голосовал против, считая, что сверхъестественные силы на стороне Мармеладова.

– Минуточку! – настаивал И. Ти. – Разве мы не должны оценивать преподавание Юрия Ильича по иным критериям, нежели мнение студентов?

– А чем, вы думаете, мы сегодня занимаемся? Мы же – его коллеги, и мы оцениваем его работу.

– Да, но позвольте, мы же опираемся при этом исключительно на мнение студентов! Почему бы тогда не просить новобранцев оценить своих сержантов?

– В любом случае, это часть процесса оценки деятельности коллегами. Это официальная позиция деканата.

И. Ти. почувствовал свою беспомощность. К тому же, Ханс дезертировал из его лагеря. Hörnerträger напомнил всем, что третье и окончательное голосование по поводу дальнейшей работы в колледже профессора Мармеладова состоится на следующее утро в одиннадцать часов. На сей раз будут оцениваться качества Мармеладова как ученого и исследователя. Все внешние отзывы уже получены; Hörnerträger положил их на стол для ознакомления. Салли и Пристойле стали было их листать, но не встретив знакомых имен, отложили в сторону. И. Ти. и Ханс начали читать, но отзывы сплошь состояли из обычных в таких случаях общих формулировок, конкретных замечаний было очень мало. К тому же, в глубине души оба знали значительно более короткий путь к истине, и это внутреннее сознание делало внешние отзывы совершенно ненужными.

В течение нескольких минут все покинули офис, возвращаясь к совершенно другим заботам – забрать по дороге детей, захватить в банк, почистить бассейн – оставляя заведующего отделением наедине с его бумагами. Он же остался работать, осененный оленьими рогами, подсчитывая результаты своего высокотехнологичного обследования. Суммируя данные опроса студентов, он тщательнейшим образом взвешивал каждое слово, исправляя снова и снова, с тем, чтобы придать отчету вид максимально объективного и вместе с тем лишить Мармеладова малейшего шанса. Слова бежали по бумаге ровными, аккуратными рядами, как хорошо вымуштрованные солдаты. Это была кульминация почти трех лет интриг, окончательное наступление в девятисотдневной кампании по осаждению и умерщвлению мечом и голодом крепости ненавистного врага. Наконец имя настырного старика будет предано забвению. Казалось, победа у Hörnerträger'a в руках. Он покинул корпус Гримма в 7.13, довольный своей работой, предвкушая последнее сражение, которое было запланировано на завтра.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БАБУШКА НАДВОЕ СКАЗАЛА

Вдалеке над заливом уже полыхал огненный закат, когда мы с И. Ти. ехали в аэропорт. Наш план заключался в том, чтобы проводить И. Ти. в Юпитер, после чего Ханс должен был отправиться на Зефирные Холмы. Потом, тем же вечером, Ханс встретит его в аэропорту. И. Ти. попросил меня отвезти Ханса на Зефирные Холмы, поскольку у доктора Сандерсона была дурная привычка засыпать за рулем. В молодые годы он умудрился врезаться в пару автомобилей, асфальтовый каток и школьный автобус. Страховка стала ему больше не по средствам.

Мы приехали на аэродром как раз к отлету. Пилот, ас из асов по виду, уже запустил пропеллер и, поплеывая на очки, натирал их до блеска, ожидая пассажира. Увидев И. Ти., бредущего к самолету, он вылез из кабины и помог ему

завратиться на сиденье. Мы наблюдали из машины, как И. Ти. пытался справиться с летными очками. Перед тем, как взлететь, летчик помахал пакетом с бумагами в сторону диспетчерской, где доброволец из службы гражданской авиации стоял наготове с рупором. Тот прокричал что-то в рупор, но из-за шума ревущего мотора ничего не было слышно. Тогда пилот опустил свои очки и показал два больших пальца. «Это значит, он готов», – перевел Ханс. Он изучал язык жестов и никогда не упустил случая попрактиковаться. Служащий с вышки помахал пилоту в ответ. «Это значит все хорошо, увидимся позже», – перевел Ханс.

Одномоторный биплан стал разгоняться и наконец взлетел как раз там, где бугры и выбоины взлетной полосы уступали место ровному и плоскому клеверному полю. Летчик, видимо, действительно ас, едва не снес дуб в конце поля, ловко обломав несколько веток колесами шасси. Убедившись в том, что И. Ти. благополучно отбыл, мы отправились на Зефирные Холмы.

По дороге Ханс объяснил мне, в чем состоял смысл вечернего визита к двум ясновидящим. Я заметил, что их действия свидетельствуют о преданности коллеге и далеко выходят за рамки служебных обязанностей.

– Да уж, черт побери, – ответил Ханс, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза.

Тут меня осенило:

– А почему бы вам просто не прочесть книгу Мармеладова? – спросил я.

– Это не так просто, Гэйб, – пустился в объяснения доктор Сандерсон, вытаскивая «Марс» из кармана рубашки. Глаза он не открыл. – Это наука, понимаешь? В науке иногда нужно сразу постичь суть. В некоторых случаях наука не может ждать вечно. Понимаешь? Вот тогда щепки начинают лететь. Вот тогда тыходишь в лабораторию и находишь свою двухголовую собаку или своего Франкенштейна. В некоторых случаях ты должен быть на острие науки. Понимаешь, что я имею в виду?

Должен признать, что пока мы мчались тогда по шоссе я не совсем понял, что он имел в виду, но с тех пор я много размышлял над его словами и сейчас понимаю, что не имею понятия о том, что он хотел сказать.

Я спросил его, правда ли, что ученые, как говорят, должны писать книжку за книжкой как ненормальные, если только хотят выжить в академических кругах. Доктор Сандерсон ответил, жуя свой «Марс» и по-прежнему не открывая глаз. Да, Гейб, это правда. Publish or perish. Это один из способов убраться инакомыслящих. Если ты не нравишься – тебе просто говорят, что ты мало публикуешься.

– И что, у всех, кто работает в колледже, много книжек?

– У Тфугтинутти выходит большая книга о жизни и творчестве нескольких итальянцев, которые писали о жизни и творчестве дюжины писателей-немчиков. У фрау Фрейлин есть зубодробительный труд о коллекции безделушек какого-то австрийского автора. Не помню, как его зовут.

– И чем же эта книга так примечательна?

– А тем, что весь тираж надо закопать трактором «Джон Дир». – Он смял в руке фантик от шоколадки и бросил его на заднее сиденье.

– А «Белорусом» нельзя?

– Нет, это не по-американски, Гэйб. Только «Джон Дир». Поверь мне, я давно это пережевываю. ...Потом еще Пристойле. Он написал труд о причастиях прошедшего времени активного залога в португальском языке пятнадцатого века. Теперь выходит второй том: причастия прошедшего времени пассивного залога в португальском языке пятнадцатого века. Икота только что выпустил рецензию на польскую поваренную книгу. Поэтому он называет себя иконоборцем, новым Архимедом. Он придерживается теории, что образование должно быть прикладным, практическим. Иначе нет смысла вкладывать деньги налогоплательщиков в просвещение.

– А что Hörnerträger?

– Hörnerträger? Он редактор журнала «Über alles». Это делает этого немца королем и канцлером сосисок, Гэйб. Он

их делает, он их и ест. Если ты ему не нравишься, будь уверен, что твоя работа будет отклонена. И потому все наши колбасники лизнут ему задницу.

– Но можно же опубликоваться в другом журнале?

– Нет, если хочешь есть сосиски.

– А как же наука? Я имею в виду, если кто-то сделал открытие...

– Усовершенствуй мышеловку, и тропа к твоей двери не зарастет. Так происходит в химии или в других прикладных науках, где результаты открытия говорят сами за себя. А литературная критика? Кто ее читает? В лучшем случае, несколько аспирантов. Это никого не волнует. Hörnerträger может все.

– Но ведь есть другие журналы, где можно печататься?

– Есть, Гэйб, но там сидят другие Hörnerträger'ы и все они друг друга знают, понимаешь? Это как английский клуб или братство. И все они цепляются за деньги – гранты, повышение зарплаты, раскрутка. И держатся друг за дружку. Дают положительные рецензии, блестящие рекомендательные письма, положительные отзывы на заявки на получение грантов. Делиться с другими не так уж и хочется. Они примут человека со стороны, но только если он может помочь им получить что-то. Люди со стороны обычно отнюдь не сильные мира сего. И потому нет никаких резонов пускать их в свое братство. Возможно, это достойно и щедро, но не разумно, потому что это означает, что придется поделиться. Понимаешь, о чем я говорю?

– А вы читаете работы друг друга?

– Нет. Сейчас век узкой специализации. Не можем же мы читать все.

– А как же вы судите о работах?

– Обычно все и так достаточно очевидно, Гэйб, если только ты держишь нос по ветру, понимаешь? Слушаешь, что люди говорят.

Доктор Сандерсон зевнул.

Тут меня разобрало любопытство.

– А вы, доктор Сандерсон, вы что-нибудь публиковали?

Увы, усталость победила, наконец, доктора Сандерсона, и он уснул. Я продолжал обдумывать историю с Мармеладовым в то время, как мы ехали в тишине. Наступила ночь, и зарницы бесшумно вспыхивали вдали над заливом.

Въехав в Зефирные Холмы, мы без труда нашли дом Нэлли Бельмо. Громадных размеров рекламный щит с хрустальным шаром привел нас от шоссе прямо к дому гадалки. Мы втиснулись позади ее электромобиля, который был припаркован у входа и подключен к розетке в стене дома.

Нэлли была чуть больше метрика ростом, чуть горбатая. Ее приемная, маленькая и темная, освещалась единственной электрической свечой, которая мерцала на столе рядом с электрическим хрустальным шаром. Нэлли усадила нас за стол и принесла китайское печенье с предсказаниями судьбы и чай. Большая кошка скептически смотрела на нас со своего места на видеоманитофоне. Дела продвигались медленно, клиентов было немного, поэтому Нэлли, как показалось, обрадовалась нашей компании.

– Ну, что же вы хотите узнать о своем будущем, ребята?

– Вообще-то, мисс Бельмо, мы хотели бы узнать о прошлом, – ответил доктор Сандерсон.

– Ну что ж, если это было не так давно, возможно я смогу припомнить, – согласилась Нэлли.

– Это было сто пятьдесят лет назад, мисс Бельмо.

– О, это больше, чем я могу припомнить!

– Но вы ведь ясновидящая, не так ли? Вы же можете видеть параллельные миры?

– Вообще-то я гадалка. То есть я предсказываю будущее. А вы хотите, чтобы я гадала о вашем прошлом?

– Не о моем, мисс Бельмо. Мы хотим, чтобы сказали, правда ли то, что написано в одной книге. Книгу эту написал человек по фамилии Мармеладов, он из Скотопригоньевска. Она о человеке по фамилии Достоевский, который жил

больше ста лет назад. Мы просто хотим знать, правда ли то, что там написано.

Нэлли смотрела на нас подозрительно. Муха летала под потолком.

– Этот парень, Дасти, он был ковбой?

– Нет, мисс Бельмо, он был известный писатель. Вы читали «Преступление и наказание», роман о студенте, который топором убил старуху-процентщицу и ее сестру?

– Ребята, у вас что, неприятности с законом? – с легкой тревогой спросила старушка.

Доктор Сандерсон начал терять терпение.

– Пока еще нет, – ответил он, – Но мы очень расстроимся, если не получим информацию, которая нам нужна.

Я разломил свое печенье, чтобы снять напряжение, царящее в комнате. Доктор Сандерсон разломил свое, и напряжение потихоньку рассеялось.

– Послушайте, мисс Бельмо, – продолжал убеждать упрямую старушку доктор Сандерсон, – Если уж вы можете разговаривать с этим парнем (он указал на портрет Элвиса Пресли, сладко глядящий со стены), тогда и с Достоевским вы можете поговорить. Верно?

– Вы можете заплатить наличными, доктор Сандерсон?

Доктор Сандерсон посмотрел на меня.

– Ммм..Я заплачу, – вмешался я, припомнив, что доктор Сандерсон так же неохотно расстаётся с наличными, как дитя с конфеткой. – Конечно, я заплачу наличными, – я полез за бумажником. – Сколько это будет стоить?

– Это зависит от того, смогу ли я найти его и даст ли он нам информацию, которая нам нужна. Это будет стоить 49.95 – это только за связь. Затем, если мы получим то, что хотели, это будет стоить еще 49.95

Это было дороговато для меня, но И. Ти. пообещал, что возместит мне все расходы, включая бензин и пиво. Доктор Сандерсон хотел было торговаться, но я остановил его и согласился на ее условия.

– Итак, – продолжила Нэлли, вы хотите знать, истинно ли то, что написано в книге об этом Дасти ?

– Достоевском, – поправил ее доктор Сандерсон.

– Дасти Ифском. А написал ее мистер Мармелад?

– Мармеладов. Он преподает русский в Волшебном Королевстве.

– А как я узнаю этого Дасти Ифского, когда увижу? – спросила Нэлли.

– Ну, ответил доктор Сандерсон, – у него высокий лоб и длинная борода. Серьезный взгляд.

– Впалые щеки, – добавил я.

– Точно. Одет он в темный костюм – такой, знаете, как носили сто лет назад. Он по-настоящему серьезный. Не такой малый, которого футбол позовешь смотреть.

Нэлли налила нам еще чаю и отхлебнула из своей чашки. – Никто никогда не спрашивал меня о таком человеке, сколько я тут работаю. Вы уверены, что о нем вообще кто-то слышал? В «Ридерз дайджест» его издавали?

Доктор Сандерсон пожал плечами. Молния вспыхнула где-то вдали и раздался гром. Все стихло. Потом вдруг не то летучая мышь, не то птица стукнула по стеклу крылом, от чего доктор Сандерсон подпрыгнул на месте. Нэлли опять отхлебнула чаю, и мы услышали поскрипывание с верхнего этажа, как будто там медленно расхаживал кто-то грузный. Мы оба сидели неподвижно, уставившись в потолок.

– О, не обращайтесь внимания, это насос. Он все время так шумит. Мы уже привыкли.

Мы оба ожидали, что Нэлли наконец уже обратится к медной кнопке, включающей хрустальный шар, и попытается найти там ответ на наш вопрос с помощью сверхчеловеческих экстрасенсорных способностей. Но ничего подобного она делать не собиралась.

– На Хэллоуин у меня обычно действует специальное предложение – два сеанса по цене одного. И всегда десятипроцентная скидка для пожилых.

Мы пили свой чай и ждали, когда же Нэлли начнет. Но тут в соседней комнате зазвонил телефон. Нэлли вышла,

а мы обменялись удивленными взглядами. Пока Нэлли болтала по телефону, мы решили изучить предсказания из наших печений. Мое гласило: «Уходя ты будешь беднее, чем пришел». Предсказание доктора Сандерсона было проще: «Сукин сын!». Мы тихонько рассмеялись. Нэлли, вероятно, не подозревала, что в ее рисовом печенье встречаются подобные предсказания.

Тут из темной комнаты появилась Нэлли и присоединилась к нам. – Это был он, – сообщила она.

– ??

– ??

– Это был мистер Дасти Ифский.

– По телефону? – скептически поинтересовался доктор Сандерсон.

– Ну да, по телефону. Иногда они звонят, иногда присылают телеграммы, иногда по телевизору появляются.

Мы ошарашенно смотрели на нее.

– Ребятки, на дворе двадцатый век! Иногда они присылают свои послания экспресс-почтой. Иногда звонят. Надоедает, когда на таких-то расстояниях звонят за мой счет!

– Ну, так что же он сказал, мисс Бельмо? – спросил доктор Сандерсон, возбужденный близостью разгадки мучительного вопроса.

– Ну, сначала он сказал «здравствуйте», «как вы поживаете». Я сказала, что поживаю отлично, только вот артрит разыгрался. Она налила нам еще чаю. Мы выпили его одним глотком одновременно.

– Ну, потом что он сказал? – настаивал доктор Сандерсон.

– Он спросил вернул ли мистер Липевексель мне двенадцать долларов и пятьдесят центов, которые он мне был должен.

– Кто такой мистер Липевексель? – спросил я.

– Это мой сосед. Я сказала что нет, не вернул. Он сказал: «Все они такие, эти немцы». Я сказала да, боюсь, что так.

– А потом что он сказал, мисс Бельмо?

– Потом он сказал до свидания и повесил трубку.

Мы молчали.

– А он ничего не сказал о книге Мармеладова? – с недоверием спросил доктор Сандерсон.

– А, ну да, конечно сказал!

– Ну?

– Не могу как следует припомнить... Минуточку...

Нет.

– Мисс Бельмо, это вопрос жизни и смерти!

– Ах да! Он сказал, что это вопрос жизни и смерти.

Он сказал, что половина книги верна, а половина – нет.

– Какая половина, мисс Бельмо? Какая половина?

– Ну, там главы верны через одну. Одна верна, а другая нет.

– Великолепно! – воскликнул доктор Сандерсон и в порыве эйфории потряс мне руку.

– Мисс Бельмо, а он не сказал, какие главы верны – четные или нечетные, – влез я в разговор.

– Минуточку... – Нэлли начала загибать пальцы, пытаясь припомнить. – Нет, не могу.

– Мисс Бельмо! – настаивал доктор Сандерсон.

– Ну да! Первая, третья, пятая и седьмая верны. Да.

Первая, третья, пятая и седьмая. Это должны быть первая, третья, пятая и седьмая, поскольку я определенно помню, как он говорил про третью, седьмую и первую, кажется.

Доктор Сандерсон громко чмокнул Нэлли в ее наруганную щеку. Я выложил на стол три полсотни и секунду спустя мостовая уже горела у нас под колесами, когда мы мчались к шоссе. Еще двадцать минут спустя мы вышли из пиццерии с большой пиццей и пивом в дорогу и помчались по шоссе обратно в Скотопригоньевск. Над нами в летнем небе тянулись гряды облаков, и зарницы исполняли свои танцы дервишей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ПОЛЕТ

Долгий, полный всевозможных событий день изрядно утомил И. Ти. После сеанса у Элли Бельмо он летел в Скотопригоньевск тем же курьерским самолетом. Зарницы вспыхивали пугающе близко, но он вверил свою судьбу в надежные руки пилота и уж совсем было собрался уснуть, как вдруг странный силуэт в отдалении привлек его внимание. Это был как будто крошечный вихрь, но слишком угловатый. При вспышке следующей зарницы И. Ти. смог его рассмотреть. Он походил на ковбоя на брыкающемся жеребце. На мгновение снова стало темно, но затем вдруг что-то треснуло, полыхнула молния и небеса взорвались раскатом грома. Тут И. Ти. прошиб пот, и озноб пробежал по позвоночнику, мягкому как свежая моцарелла, когда его глаза встретились с глазами наездника. Такие горящие, мстительные глаза И. Ти. видел только в ночных кошмарах, а теперь вот они смотрели на него. Он чувствовал это. Он каким-то образом почувствовал, что ему не скрыться от этих глаз. Он поглубже опустил в кресло, надеясь вопреки надежде, что буря пройдет мимо и что огонь его не заденет. Он знал, что не сделал ничего плохого – во всяком случае настолько плохого, чтобы заслужить подобное. Он же просто Винни-Пух. Огонь не заденет его. Он закрыл глаза, а потом закрыл своими пухлыми ручками летные очки. Но когда он глянул сквозь пальцы, он увидел, к своему ужасу, что адский наездник приближается, мчась по облакам как по бульжникам, отчаянно погоняя своих покрытых пеной коней.

Скача рядом с самолетом, наездник обнажил зубы в страшной улыбке. У него были длинные усы и долгая борода. Его пламенеющие волосы развевались по ветру, он метал молнии в шасси. Огненные зигзаги изрешетили шины шасси. Затем Илья швырнул еще одну молнию, и колесо разлетелось в куски.

Ощувив толчки, пилот оглянулся посмотреть, что происходит, и увидел воздушного пирата, мчащегося в

облаках рядом с его самолетом. Он прибавил скорости. Илья отстал, но бросил вдогонку молнию, которая сожгла левую сторону хвостового оперения самолета. Самолет задрожал от удара, и зубы И. Ти. выбивали дробь в такт вибрации фюзеляжа. И. Ти. слышал свист молнии, пролетевшей мимо его левого уха. Он отчаянно захотел нырнуть еще глубже в кресло, но глубже уже было некуда. Тогда И. Ти. мертвой хваткой вцепился в подлокотники, так как вся хвостовая часть заходила ходуном. Но ужасный колесничий снова метнул молнию, и И. Ти. обожгло пальцы. Пилот завалил самолет на левый бок, и они нырнули на сотню метров вниз в темные облака. На какое-то мгновение стало тихо. Но тут еще один страшный удар сотряс хвостовую часть самолета. Крылья вспыхнули, как лампочка, и гудели, как тетива лука.

Пилот сплюнул и задрал нос самолета, намереваясь сделать мертвую петлю. Но бесстрашный преследователь не растерялся. Его победный смех раскатился по небу. Он продолжал метать молнии в несчастный самолет. Самолет задрожал и начал терять высоту, кренясь вправо. Пилот попытался выровнять самолет, и ему это уже почти удалось, когда внезапно одна из молний попала в вертящийся пропеллер. Искры полетели во все стороны, а И. Ти. почувствовал, что самолет стал резко падать вниз. Пылающая колесница мчалась рядом. Злобный возникший победно хохотал, его волосы развевались по ветру, как пожар. Его сверкающие глаза встретились с глазами И. Ти. на краткий миг прежде, чем один из коней задел крыло копытом, отправляя самолет в бездну. Колесница отстала, а в небесах все разносился леденящий душу смех.

Пилот попытался выбраться из самолета, но молния в семьсот тысяч вольт пригвоздила его к приборной панели. Земля надвигалась с бешеной скоростью. И. Ти. пытался отстегнуть ремни, но было уже слишком поздно.

Тут он проснулся – как раз в тот момент, когда самолет приземлился в Скотопригоньевске, подпрыгнув только два или три раза на самых глубоких выбоинах, прежде чем полностью остановиться. Хотя И. Ти. чудовищно мучил геморрой, но почувствовав под колесами землю, он

почувствовал облегчение, сравнимое разве что только с тем, какое почувствовал, вероятно, Лазарь, очнувшись на смертном одре. Он заплодировал пилоту за успешную посадку – как пассажиры коммерческого рейса – и терпеливо дожидался помощи, чтобы выбраться из кабины.

Мы около часа ждали на аэродроме возвращения И. Ти. Было уже за полночь. По дороге домой И. Ти. и доктор Сандерсон обсуждали результаты поездки:

– Итак, что же сказала Элли?

– Нет, сначала вы скажите, что сказала Нэлли!

– Ну... Нет, сначала вы!

– Элли сказала, что половина книги верна, – выдал

И. Ти.

Я не мог поверить своим ушам.

– Вы шутите! Нэлли сказала то же самое! –

воскликнул доктор Сандерсон.

Лицо И. Ти. засветилось, как у школьника.

– Черт побери, если...

– Постойте, – прервал доктор Сандерсон, –

Наполовину верна?

– Точно так. Главы истинны через одну.

Я не мог поверить своим ушам.

– Черт побери! – воскликнул доктор Сандерсон.

Мы рассмеялись. Мы ликовали. И. Ти. и доктор

Сандерсон чокнулись бумажными стаканчиками с пивом.

Речь шла о новом направлении в литературоведении. И оно найдет больше приверженцев, чем деконструкция, реконструкция и подход «между ног», сбивший с ног столько ученых по всей стране в последнее время.

Но тут доктор Сандерсон резонно спросил:

– А вы не думаете, что они могли как-то сообщаться друг с другом?

– Каким образом?

– По телефону, например. Элли случайно никому не звонила, когда вы были там?

– Нет. У нее нет телефона. Вообще говоря, у нее и электричества – то нет. Нет телевизора или радио. Ничего. К

ее дому не проложены никакие провода. Она говорит, что не верит в провода. Она живет в другом веке...

– Может быть, по телефону-автомату? В котором часу вы прибыли?

– В 9.13, как мы и договорились.

– И мы также. А когда вы уехали?

– В 10.05. Она заставила меня попробовать ее варенье.

– Это после того, как мы уехали. И так, сговориться они не могли.

– Тогда все точно, – сказал И. Ти., вылезая из машины.

Я включил фары на полную мощность, чтобы осветить ему дорогу к дому. Потом мы с доктором Сандерсоном поехали к себе на велосипедах. Пока я ехал домой, мне в голову пришла мысль, что они могли установить телепатическую связь. Впрочем, эта идея показалась мне заумной.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

PUBLISH OR PERISH!

Итоговое собрание для обсуждения дальнейшего преподавания Мармеладова в колледже началось на следующее утро в одиннадцать часов. И. Ти. и доктор Сандерсон оба опоздали (что поделалось, врожденный недостаток). Hörnerträger со значением посмотрел на часы, когда два бездельника наконец появились в дверях и заняли единственные оставшиеся места на противоположных концах стола.

– Должен вам еще раз напомнить, – начал Hörnerträger, обозревая театр военных действий, раскинувшийся перед ним, – что все, что говорится на этом собрании – сугубо конфиденциально. Ничего из того, что говорится здесь, не подлежит разглашению.

– Именно так, – встрял Тфуттинутти, – Мы здесь можем говорить все, что захотим. И никто нам ничего не делает.

– Да, это то, что называется академической свободой, – согласился Салли.

– Я уже сказала все, что хотела сказать, – проворчала Хельвина. – Он нецензурно выражается и отпускает грязные шуточки. Пора положить этому конец.

Доктор Сандерсон изумленно поднял брови:

– Шутит на тему секса? – спросил он.

– Да, его студентки постоянно жалуются, – подтвердила Хельвина.

– И вы никогда не говорили ничего Юрию Ильичу? Приберегали эту информацию для сегодняшнего собрания? – допытывался И. Ти.

– А что бы я ему сказала? Я все надеялась, что это неправда.

– А вы уверены, что это правда? – спросил доктор Сандерсон.

– Вчерашние звонки вполне красноречивы, – ответила Хельвина.

– Юрий Ильич говорит, что кроме одного единственного слова никогда не использовал нецензурной лексики. И это единственное слово он употребил так, что его слышали только те, кто не закрыл уши, – возразил И. Ти.

Повисло неприятное молчание. Все припомнили обвинения, прозвучавшие вчера.

– Минуточку! – доктора Сандерсона осенила новая идея. – Почему тогда в программу включают литературу с нецензурной лексикой?

– Это другое, Ханс, – возразил Десять Галлонов. – Это искусство. Никто не может ограничивать свободу выражения себя в искусстве.

– Ну что ж, давайте допустим на минуту, что Юрий Ильич действительно позволил себе употребить некое ненормативное выражение на занятиях. Вы говорите, что если я напишу рассказ, полный самых грязных ругательств, которые только есть на свете, то читать и обсуждать его –

можно. А если я на своих занятиях произнесу слово «дерьмо» (извините за выражение), то вылечу с работы?

– Совершенно точно, – подтвердил Пристойле.

– Позвольте, – вмешался Калинин, – «дерьмо», строго говоря, не ругательство. Это просто вульгаризм.

– Ну хорошо, – согласился доктор Сандерсон, – давайте возьмем настоящее ругательство. Допустим, я скажу «хуесос». Значит, если я произнесу на занятиях слово «хуесос», меня выгонят с работы. При этом я совершенно безбоязненно могу читать и обсуждать со студентами самый гнусный рассказ о хуесосах.

– Видите ли, – пустился в рассуждения Десять Галлонов, – это зависит от того кто написал этот рассказ. Вы или кто-то другой.

– Вы хотите сказать, что некоторые люди имеют право на свободу выражения, а другие – нет?

Десять Галлонов был загнан в угол:

– Ну, иногда да, – пробормотал он.

– Это зависит от того, является ли этот кто-то известным писателем, или нет, – добавила фрау Фрейлин.

– И еще от того, обсуждаете ли вы эти ругательства на занятиях или просто задаете студентам прочесть, – вставила свой комментарий Хельвина.

Но Пристойле поправил ее:

– Нет, Хельвина, вы можете обсуждать нецензурные выражения в тексте, если вы не сами его написали.

Даже Икота вступил в дискуссию:

– Хм, на самом деле, я полагаю, что их можно обсуждать, даже если вы автор. Это зависит от ваших намерений. Если вы делаете это с явным намерением оскорбить студентов, то это недопустимо.

– Ради бога! Как вы себе это представляете? Как вы можете что-то знать о чужих намерениях?! – возмутился И. Ти.

– Гммм... – Десять Галлонов задумался. Возникла пауза, и тут Тфутгинутти подвел итог обсуждению:

– Итак, возвращаясь к вопросу Ханса о том, все ли имеют равную свободу слова, я бы ответил так: у вас есть

свобода слова, но вы должны оставаться в рамках поведения, принятого в колледже.

– Другими словами, у Ханса есть свобода слова, откуда он говорит то, что велит колледж? – заключил И. Ти.

– ???

– ???

– ???

– ?????

– ??!

– ??

– ??!!

Хельвина заговорила.

– Вообще-то не забывайте, что в книгах действуют вымышленные персонажи. И если автор использует в их речи брань, то это не значит, что он и сам должен так разговаривать.

– Вы хотите сказать, что придуманные люди имеют свободу слова, а настоящие – нет? Звучит как-то сомнительно. Как бы вы не пытались представить эту проблему, вы подходите к ней с позиции двойных стандартов. Один стандарт для тех, кто пишет литературу, другой – для тех, кто преподает ее. А что делать, если мы и сочиняем и преподаем литературу? И разве мы не являемся в какой-то мере авторами, когда придумываем, как объяснить студентам тонкости иностранного языка?

– !!...

– !...

– !?...

– ??

– ??!

– !!!?...

Все молча переглядывались. Наконец Пристойле отозвался:

– Однако, на самом деле, иностранный язык – это не род литературы.

И. Ти., вдохновленный прочностью позиции доктора Сандерсона, парировал:

– Но иностранный язык – форма выражения. Почему только так называемые люди искусства имеют право на свободу выразить себя так, как они хотят?

– В любом случае, – сказал Пристойле, – большинство из нас просто не сталкивалось с этой проблемой. Мармеладов, по всей видимости, сделал нечто такое, что вызвало критику.

– Совершенно верно, – добавила фрау Фрейлин. – Он напросился на скандал.

– Я полагаю, что нет ничего страшного в том, чтобы употребить на занятиях грубое выражение, если предупредить студентов о том, что ты собираешься его употребить, и спрашиваешь, не возражает ли кто-нибудь из них против этого, – рассуждал Тфуттинутти.

– Нет, – ответила фрау Фрейлин, – и так тоже нельзя, потому что некоторые люди могут под давлением общего настроения не сказать, что они против, хотя они на самом деле против.

– А как насчет того, чтоб пукнуть? – иронизировал доктор Сандерсон. – Допустимо ли подпустить на занятиях?

– Это зависит от того, нарочно ли вы это сделали или случайно, – ответил Пристойле, не уловив в вопросе Сандерсона иронии.

Тут доктор Сандерсон заметил на лице И. Ти. выражение крайней сосредоточенности, словно тот обдумывал некий непроницаемый аргумент.

– Ну, что бы кто из вас ни думал по этому вопросу, – решил прекратить прения Hörnerträger, – позволю себе напомнить, что мы собрались для решения совсем другого вопроса. Вчера мы вынесли решение о профессиональных качествах Мармеладова как преподавателя. Хочу добавить только одно: ни один из вас не должен проводить свои собственные изыскания по этому вопросу в обход меня, – при этих словах он строго посмотрел на И. Ти.

Вдруг И.Ти. пукнул. Хельвина вздрогнула и поморщилась. Другие не реагировали.

Hörnerträger продолжал: – Сегодня же мы собрались для того, чтобы оценить Мармеладова как ученого, оценить его научную деятельность.

И. Ти. и доктор Сандерсон заговорчески переглянулись.

– Должен сказать, – начал Пристойле, – что преувеличенное мнение Юрия Ильича о своем исследовании кажется мне неприличным.

– И мне, – поддакнула фрау Фрейлин.

– Боюсь, что должен согласиться, – присоединился Тфуттинутти. – Этот человек должен научиться скромности!

Десять Галлонов поджал губы и теребил подбородок, что изображало одобрение мнения его коллег.

Доктор Сандерсон решил выступить в поддержку Мармеладова.

– Минуточку, – возразил он, – что с того, что Юрий Ильич однажды сказал, что сделал величайшее открытие в истории достоеведения? Я помню, что когда десять лет назад начал работать над своей первой книгой, я думал, что пишу о чем-то очень значительном, и только позже...

– Первой книгой? – прервал его Hörnerträger.

– Вы ее закончили? – язвительно поинтересовалась Хельвина.

– Я переключился на другой проект, – на этот раз вылазка доктора Сандерсона во вражеский стан позорно провалилась.

И. Ти. попытался выступить в защиту коллеги:

– Когда я писал свою диссертацию, я считал, что мои идеи – дар человечеству, сравнимый разве что с даром Прометея. Потом я отказался от них.

Десять Галлонов улыбнулся сквозь сломанные передние зубы и поинтересовался:

– И. Ти., вы защищаете Мармеладова или наоборот?

Воцарилось недолгое молчание, во время которого каждый обдумывал сказанное.

– Дело в том, – заговорил Тфуттинутти, – что каждый должен придерживаться профессиональной этики. Очень неприлично со стороны Юрия Ильича делать столь

вопиющие заявления. В конце концов, мы же в Волшебном Королевстве.

Hörnerträger поддержал атаку:

– Да, похоже, что в этом пункте все достигли согласия. Я делаю следующую запись: «непрофессиональные, нескромные заявления». Старательно выписав это, Hörnerträger пригласил высказываться дальше. И. Ти. и доктор Сандерсон обменивались нервными взглядами. Дальнейших комментариев по поводу исследования Мармеладова не последовало. Все разглядывали свои отражения в полированной столешнице.

– В таком случае я предлагаю оценить внешние отзывы на исследование Юрия Ильича. – Hörnerträger потянулся к небольшой стопке писем и факсов, лежащих перед ним в папке Мармеладова. – Мы получили внешние отзывы. Надеюсь, что у вас у всех уже было время, чтобы ознакомиться с ними. Тфуттинутти и я прошлись по ним частым гребнем. Мы выяснили, что шесть из них положительные, в то время как три – отрицательные.

– Да, и эти три отзыва принадлежат самым выдающимся ученым, – добавила Хельвина. – Имя Пьера Канина известно во всех университетских издательствах нашей страны. У него есть серьезные сомнения относительно исследования Мармеладова. Все слышали о Григории Фридбендере. Он утверждает, что у Достоевского нет никакого Ильи-пророка. Это плод воображения Мармеладова. Фридбендер обвиняет Мармеладова в искажении фактов и в неуважении к общей традиции изучения Достоевского.

– Я должна заметить, что у меня тоже есть серьезные сомнения, – поддакнула фрау Фрейлин. – Я слышала, что он очень много пьет.

– Пьер Канин прочел только несколько коротких статей Мармеладова – в лучшем случае, – возразил И. Ти. – Он не читает по-русски, а значит, он не читал рукопись книги о Достоевском.

– А вы читали эту рукопись, И. Ти.? – спросил Hörnerträger с пытливым блеском в глазах.

Лицо и лысина И. Ти. приняли самый темный из оттенков розового цвета. Он опустил глаза и начал перебирать под столом свои пластиковые четки.

Пристойле решил подпустить еще яду:

– И. Ти., мы также должны помнить, что мы не только оцениваем исследование Мармеладова само по себе. Мы также оцениваем его исследовательскую деятельность с точки зрения того, поднимают ли его работы престиж Волшебного Королевства, содействуют ли его работы установлению имиджа нашего учебного заведения как исследовательского центра, как будущего флагмана научной деятельности Юга. И если он не может напечатать одну единственную свою книгу, то он негодный матрос на нашем флагмане передовой мысли. Заметьте, что даже те, кто написал положительные отзывы о его работе, впервые услышали это имя. Он неудачно рекламировал себя, а значит, неудачно рекламировал колледж.

– Рекламирал? Колледж выставлен на продажу? – иронически осведомился доктор Сандерсон. – И кто же его покупает?

– Студенты, – ответил вполголоса Тфуттинугти.

– Их родители, налогоплательщики, – продолжил список покупателей Пристойле.

– Альфонсо абсолютно прав, – поддержал Hörnerträger. – Только опубликованные работы имеют значение, а не то, что пишется в стол. Именно поэтому я никогда не читаю работы своих коллег до тех пор, пока они не изданы.

– Но у Юрия Ильича много статей, – заступался И. Ти.

– И. Ти., почему вы называете эти бумажки статьями, если они никогда не публиковались? К тому же, у него нет ничего соответствующего по объему в печати, неужели вы не понимаете? – оборвал Пристойле, начиная терять терпение. – Ни одной ничтожной монографии в шестьдесят страниц, ничего! Это прежде можно было обойтись несколькими статьями, а теперь, если вы хотите получить должность, у вас

в арсенале должна быть книга, а еще лучше – две, три, четыре...

Тут доктора Сандерсона посетила мысль, которая прежде не приходила ему в голову.

– Минуточку! – воскликнул он. – А кто сказал, что в пятисотстраничном томе больше гениального, чем в семистраничной статье?!

– Довольно циничное заявление, – ответил Тфугтинутти, чья монография в пятьсот одну страницу, «Труды и дни», только что вышла из печати и заняла место на полке в книжном киоске колледжа.

– Не будьте анархистом, Ханс, – добавила фрау Фрейлин.

Десять Галлонов решил расставить все точки над «и»:

– Так уж принято в академических кругах, по крайней мере для целей оценки, что гениальность более или менее равномерно распределяется по опубликованным страницам каждого отдельно взятого ученого или даже каждой области науки. Поэтому, упор на количество печатных листов.

На лица всех присутствующих легла тень, когда они задумались над глубоким внутренним смыслом сказанного. Но затем эту тень прогнали теплые слова председательствующего:

– Publish or perish, И. Ти., вы же знаете. Нравится вам это или нет, но это факт академической среды. Мармеладов не публиковался – погибнет! Для пущей убедительности H \ddot{o} nertr \ddot{a} ger стукнул кулаком по столу. К несчастью, с убеждением он перестарался, так как стекло треснуло.

Все взгляды сосредоточились на треснувшем стекле, в то время как И. Ти. попробовал другую тактику защиты.

– У Юрия Ильича есть литературные сочинения.

– Литературные сочинения не считаются, – возразил Пристойле.

– Считаются, но они должны публиковаться, – поправил его Десять Галлонов. – Что из них он публиковал?

– Ничего, кроме эротического стихотворения в «Вестнике Скотопригоньевска», – ответила Хельвина.

– Эротическое стихотворение? – переспросила фрау Фрейлин.

– Да, в воскресном выпуске, – разъяснила Хельвина.

– Это позор для отделения и для колледжа.

Все рассматривали свои отражения в поверхности стола. Наконец, доктор Сандерсон нарушил молчание:

– Хорошо, допустим, Юрий Ильич совершил нечто порочащее репутацию колледжа. Но давайте также допустим,

– только допустим, – что Юрий Ильич действительно сделал большое открытие в русской литературе, как он утверждает.

– Да бросьте, Ханс, – попробовала было перебить его Хельвина.

– Хельвина, позвольте человеку высказаться, – остановил ее Hörnerträger. – Это демократическая процедура, в конце концов!

Доктор Сандерсон продолжал:

– Если мы допустим, что оба эти факта верны одновременно, то согласитесь, что быть нарушителями привычных норм и правил – обычное явление для первооткрывателей и оригиналов?

– Нда, Карл Маркс был революционером и держал любовницу под одной крышей со своей женой, – прокомментировал профессор Нуты. – Я бы сказал, что это очень порочно.

– Чарльз Дарвин обидел очень многих людей, – добавил Икота.

– Как и Элвис Пресли! – поддакнул Десять Галлонов.

– Я об этом и говорю, – развивал свои идеи доктор Сандерсон, – Что колледж должен в данном случае выбрать, что ему нужнее: истинные ученые или послушные рекламные агенты, которые никогда ничего большого не сделают.

Снова воцарилось неловкое молчание. Снова все разглядывали свои отражения в поверхности стола, раздумывая над словами доктора Сандерсона.

– Пойдите-ка, Ханс, – возразил наконец Калин, – вы что, хотите сказать, что мы все – просто кучка жалких, не имеющих отношения к науке неудачников?

Доктор Сандерсон был сбит с толку прямолинейностью подобного логического построения. Он не предвидел такого поворота своей мысли. Он попытался напрячь мозги, чтобы выбраться из этой логической ловушки, но мысли его снова и снова возвращались к бару, где они с И. Ти. встретили помощников Воланда. Наконец он сказал:

– Нет, Жан-Жак, я хотел сказать, что...

Коллеги смотрели на него с подозрением. Спустя несколько минут Пристойле произнес:

– Я предлагаю наконец проголосовать и забыть об этом чертовом деле.

Hörnerträger собирался было что-то сказать, но тут И. Ти. и доктор Сандерсон обменялись понимающими взглядами.

Настало самое время вступить тяжелой артиллерии.

– Послушайте меня, пожалуйста, все, – начал И. Ти.

– Я не знаю, как об этом сказать... дьявол среди нас..

– И. Ти.! Прекратите! – засмеялся Десять Галлонов.

– Нет, вы не понимаете! Это серьезно! Дьявол здесь среди нас. То, что Колдбурна ударило молнией – не просто несчастный случай. И это выступление Воланда в часовне. Это все проделки дьявола. То, что вы делаете с Мармеладовым – смертный грех. Дьявол вас накажет.

Хельвина цинично хмыкнула. Остальные издали короткие смешки, словно хотели прочистить горло.

– Послушайте, – продолжал И. Ти., вы можете не верить в дьявола. Немногие верят в него в наше время. Или верят, что встреча с дьяволом ждет их только в загробной жизни. Но дело в том, что...

Доктор Сандерсон решил вмешаться, чтобы поддержать позицию И. Ти.:

– Я тоже не верил, как и все вы, – сказал он. – Но вчера я убедился, что все это правда. Нет никаких сомнений. Мы имеем дело с другим измерением, с непонятной стихией.

– Хотите сказать, грядет эпоха Водолея? – пошутила фрау Фрейлин.

Все засмеялись. И. Ти. и доктор Сандерсон остались невозмутимыми.

– Да, нет же, действительно.. – пытался объяснить доктор Сандерсон.

– Я вчера летал в Юпитер, – продолжил И. Ти.

– Мы обращались к двум ясновидящим, – пояснил доктор Сандерсон. – Независимо друг от друга. У них не было возможности договориться между собой об ответе.

– Совершенно верно, – подхватил И. Ти., – И обе дали одинаковые ответы на вопросы об исследовании Мармеладова о Достоевском.

– Именно так, – добавил доктор Сандерсон. – Так получается, что книга наполовину верна.

– Да, – подтвердил И. Ти. – Главы верны через одну.

И. Ти. и доктор Сандерсон впились взглядом в своих коллег, ожидая, что их слова произведут эффект разорвавшейся бомбы. Ничего подобного. Все сидели скрестив руки на груди или развалившись в креслах, вооруженные до зубов непроницаемым скептицизмом, который мог быть порожден только двадцатым веком с его новыми информационными технологиями.

– Две ясновидящие на двух разных сеансах независимо друг от друга, – произнес доктор Сандерсон в надежде, что его слова все же будут услышаны.

Последовало дальнейшее молчание, тяжелое, как запах мочи и кала в карцере сумасшедшего дома. Это было отвратительное молчание – молчание скандала. Кто-то посмел перешагнуть раз и навсегда принятые границы приличия. И. Ти. и доктор Сандерсон поняли, что победа у них в руках. Скоро-скоро раздастся гром, поверженный враг выйдет из тени, запросит пощады, размахивая белыми носовыми платочками, с крошечными пятнами крови из томатного сока.

Наконец Hörnerträger пришел в себя и спросил:

– Итак, книга неверна наполовину?

– Она наполовину верна, – поправил И. Ти.

– Ну ведь тогда она наполовину неверна, верно? – настаивал Hörnerträger.

– Даже если она наполовину неверна, она же верна наполовину. Это же достижение, – продолжал спорить И. Ти.

– Вы хотите сказать, половина достижения, – заметил Пристойле.

– Могу я узнать, какие главы верны? Четные или нечетные? – осведомился Hörnerträger.

– Четные, – ответил И. Ти. в то же самое время, как доктор Сандерсон сказал:

– Нечетные.

Оба замерли от неожиданности. Доктор Сандерсон почувствовал, что бледнеет. Уши И. Ти. горели. Они уставились друг на друга в полном недоумении, не понимая, как могли упустить из виду столь важную деталь. Они даже не заметили смеха своих коллег.

Hörnerträger с торжествующим видом начал заключительную речь:

– Вчера отделение современных языков практически единогласно проголосовало, что в области преподавания доктор Мармеладов не обладает достаточными профессиональными навыками, что недопустимо для преподавателя столь престижного учебного заведения, как наше. Сегодня мы рассмотрели другой аспект деятельности доктора Мармеладова – его научную деятельность и публикации. По нашему общему мнению, серьезным недостатком научной деятельности доктора Мармеладова является отсутствие сколько-нибудь значительных публикаций, изданных в сколько-нибудь известных издательствах. Я также отметил, что общее неодобрение вызывает чрезмерное высокомерие доктора Мармеладова – его hubris – трагический недостаток, который сгубил так много классических героев. (Я при этом совсем не хочу сказать, что доктор Мармеладов классический герой.) Таким образом, мы пришли к согласию относительно того, что доктор Мармеладов не соответствует высоким стандартам Волшебного Королевства. Но это только моя оценка ситуации, которую я доложу декану. Теперь мы должны окончательно проголосовать по поводу возможного

предоставления доктору Мармеладову постоянное место в нашем колледже. Ибо, как говорит старая поговорка, глас народа – глас божий. Пожалуйста, возьмите по листочку бумаги и проголосуйте.

В то время, как Hörnerträger начал передавать всем листочки бумаги, дверь открылась ровно настолько, чтобы в нее просунулось улыбающееся лицо Зои Зингер. Она помахала листком бумаги и доложила, что только что по факсу прислали еще один внешний отзыв.

Hörnerträger поспешно вырвал факс из ее рук и нахмурился. Внимание присутствующих сосредоточилось на лице заведующего, в то время как он проглядывал факс, озвучивая некоторые абзацы: «С большим удовольствием... мм.. взял на себя смелость... наказание...» и тому подобное. Наконец он оторвался от факса и глянул на выжидающие лица коллег.

– Это какой-то розыгрыш, – проворчал он, подозрительно глядя на И. Ти. – В любом случае, мы не просили об этом отзыве, и он не может быть принят к рассмотрению.

– О, да бросьте, – проворковала Хельвина, потянувшись за факсом. – Это не может быть так уж важно.

– Да, – поддакнула фрау Фрейлин. – Позвольте нам взглянуть.

Hörnerträger отказался передать факс своей лучшей половине и аккуратно положил его под свою записную книжку. – Нет, – сказал он, – правила этого не позволяют. Мы должны голосовать, не подвергаясь давлению извне.

– А после голосования мы сможем взглянуть? – живо поинтересовался Пристойле.

Hörnerträger колебался. Тут остальные голоса поддержали: «Да, а после голосования? Что плохого?».

После долгой паузы Hörnerträger неохотно согласился.

– Хорошо, те, кто хочет посмотреть факс, могут это сделать после голосования.

Все быстренько заполнили свои бумажки. Голоса были посчитаны, пересчитаны, и затем пересчитаны еще раз, на

тот случай, если на одной из бумажек «да» поменялось на «нет» по своей воле. В конечном итоге – двое за, шестеро против. Один воздержался.

И. Ти. проиграл битву. Они с доктором Сандерсоном сидели молча и неподвижно, в то время как их ученые коллеги столпились над факсом. Хельвина зачитала его вслух:

«...С большим удовольствием писал отзыв на работу профессора Юрия Ильича Мармеладова. Я взял на себя смелость послать этот отзыв в надежде, что мои комментарии будут восприняты в истинном свете – то есть как размышления писателя, которому профессор Мармеладов посвятил столь значительную часть своей жизни и деятельности. Мое письмо является внешним отзывом в полном смысле этого слова – я бы даже сказал потусторонним, – но в то же время это внутренний отзыв, написанный заинтересованным лицом, стоящим в самом водовороте Ваших дискуссий, и я прошу Вас быть снисходительными. Во-первых, должен сказать, что у меня была возможность заглядывать через плечо Юрия Ильича, когда он писал свою книгу. Таким образом, я хорошо знаком с рукописью, которая, как Вы знаете, написана на моем родном языке. Когда Юрий Ильич впервые начал раскрывать отсылки к Глье-пророку в «Преступлении и наказании» и «Селе Степанчикове», я воспринял это со смешанным чувством. Я стоял и смотрел, как постепенно мои персонажи предстают перед холодным, безразличным взглядом публики нагими. Но мне радостно было видеть новое освещение человеческого духа, потому что знания об Глье-пророке канули в небытие в безбожные советские времена. Я испытал такую радость, какую испытывают поднимая древнюю икону из подвального мрака и пыли на свет божий. Понятие греха вышло из моды, и космическая дилемма порочности божьей вселенной представляет мало интереса в эпоху заботы о том, чтобы вовремя смазать конвейер или изобрести микрочип, который будет вечным.

Хотя читатели всегда озадачивались и боролись с моей духовной темой, я не могу сказать, что меня это пугало или удручало. В конце концов, желание автора донести до читателя ясную и четко сформулированную идею уравнивается

желанием насторожить, мистифицировать читателя, обрядить эфемерное и вечное в одежды реальности.

Я всем сердцем поддерживаю открытия Юрия Ильича настолько потому, что иногда они успешны, но потому, что его работа — преданный труд во имя любви, которая будет продолжаться и после того, как Вы оплюете его и вытрете об него ноги, и переживет Вас и Вашу Башню. Я выступаю в его защиту и в защиту любого, кто, как Юрий Ильич, пытается преодолеть границы времени, пространства, знания и себя самого. Я молюсь, чтобы быстрее настал день, когда Он призовет на суд живых и мертвых. Тогда я раскрою объятия Юрию Ильичу и его собратьям. Мы вместе пойдем по извилистой лунной дороге в новый Иерусалим. Если не к свету, то, во всяком случае, к покою.

Искренне ваш,

(подписано) Федор Достоевский».

Когда Хельвина начала читать, ее коллеги встречали взрывом хохота каждую строчку. Постепенно она начала читать все быстрее, глотая концы предложений и читая все более и более скучным голосом. К концу письма лица ее коллег стали несколько постными. На них отразилось недоумение. С самого начала Hörnerträger украдкой поглядывал на И. Ти. и доктора Сандерсона, очевидно подозревая, что именно эти двое недовольных написали странное письмо и подстроили так, что оно прибыло во время собрания. Однако их лица столь искренне выражали удивление и любопытство во время чтения факса, что он не знал, что и подумать.

За чтением последовала неловкая пауза. Были улыбки, фырканье, смешки, покачивание головами, пожимания плечами, но не прозвучало ни одного слова. Подозрения Hörnerträgers начали распространяться и на других коллег, которые могли бы написать письмо как шутку в ответ на эскападу И. Ти. с участием потусторонних сил, но как они могли знать заранее? Он отверг эту гипотезу. Наконец он строго спросил:

— Кто это устроил?

— Какая нелепость! — негодуяще воскликнула фрау

Фрейлин.

– Удачный розыгрыш, – прокомментировал Пристойле.

– Может быть, это Юрий Ильич послал, – весело рассуждал Нути.

– С какого номера послан факс? – спросил Hörnerträger.

– 7000, – ответила Хельвина.

– Просто 7000?

– Просто 7000.

– Таких номеров, кажется, не бывает?

Все удрученно молчали.

– А какой там код?

– Там нет никакого кода.

– ?? ??

– Разве этот факс не следует положить в папку Юрия Ильича, как и остальные? – спросил доктор Сандерсон.

– Нет, это исключено. Мы не просили об этом отзыве. Это самодеятельность. Наше дело сделано. Теперь я должен написать декану о результатах нашего голосования.

Он смял факс в своем маленьком кулаке.

Преподаватели покидали комнату заседаний, шутя и посмеиваясь. И. Ти. и доктор Сандерсон остались стоять у противоположных концов стола, разделенные и побежденные. И. Ти. перебирал четки, испытывая непреодолимое желание пойти и помыть вспотевшие руки. Смятое письмо Мастера лежало на гладкой поверхности стола и постепенно разворачивалось.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ КАК ГОЛОСОВАЛ ПРОФЕССОР ИКОТА

В день голосования профессор Икота вдруг почувствовал себя нехорошо. Он не любил оказываться в ситуациях конфликтных или сколько-нибудь щекотливых. Лично он ничего не понимал в происходящем. Юрий Ильич всегда казался ему честным человеком. С другой стороны, очевидно, что Пристойле и остальные были на стороне Hörnerträger'a и

Хельвины. Неужели он что-то упустил? Подобная ситуация изрядно раздражала его нервы.

С одной стороны – Юрий Ильич: почему бы и не проголосовать за него? С другой стороны, Hörnerträger пошел войной на него. Профессор Икота не чувствовал твердой опоры под собой. А что, если Hörnerträger каким-то образом узнает, как он проголосовал? Что тогда? Но Мармеладов все-таки человек, нельзя быть таким бесхребетным, когда речь идет о судьбе человека...

Профессор Икота начал покрываться испариной. Лучше бы уж он не ел вторую порцию отрубей с изюмом на завтрак. У него скрутило живот. Он скрючился на стуле и скопил глаза на свое отражение в столешнице. Все-таки нельзя быть таким невоздержанным. Спазмы стали нестерпимыми. Профессор Икота тихонечко извинился и поспешил в туалет.

Надо заметить, что туалеты в корпусе Гримма оснастили по последнему слову техники. Едва профессор Икота вошел, свет зажегся автоматически. Он поспешил в ближайшую кабинку. Странно. Внезапный неудержимый позыв в туалет сменился, кажется запором. Профессор Икота тужился, изучая свежие каракули на двери. Ничего. Он отвлекся от надписей и сосредоточил все свои усилия на том, чтобы освободить кишечник. Он чувствовал себя как бомбардировщик, который во что бы то ни стало должен выполнить свою задачу и уничтожить объект. Он так тужился, что на лбу вздулись вены. В такие моменты он всегда задумывался над тем, что кто-то может за ним подглядывать или установить в туалете видеокамеру. Он взглянул на потолок. Профессору Икоте почему-то пришла в голову мысль о легчике-камикадзе.

Неожиданно все получилось, но как-то не так, как должно быть. Раздался легкий звон, как будто хрустальные шарики рассыпались по мраморному полу зоологического музея. Он приподнялся, чувствуя невероятное облегчение, но им тут же овладел порыв животной паники. Что-то с ним было не так. Инстинктивно он знал, что что-то потерял. Профессор заглянул в унитаза и – точно – к своему ужасу

увидел на дне нечто, похожее на клавиши флейты. Позвонки! Его собственный позвоночник! Он беспомощно осел около унитаза. Запустил внутрь руку, чтобы вытащить утерянное. Конечно же, есть способ вернуть позвоночник на место! Ведь пришивают же отрезанные пальцы и руки. Даже члены и скальпы. Значит, и позвоночник должны вернуть на место. Но как только профессор сунул руку в грязную воду, сработал автоматический слив и его родные позвонки, тонко позвякивая, унеслись в трубу.

Профессор Икота вынужден был уцепиться руками за унитаз, чтобы не упасть. Он раздумывал, не позвать ли на помощь, но потом решил, что, пожалуй, звать на помощь в его положении слишком пикантно. Он на четвереньках дополз до раковины, подтянулся, держась за край, и встал на ноги, чтобы отмыть вонь с рук. Теперь ему предстояло решить, как вернуться на собрание. Оставшись без основной опоры своего тела, профессор рухнул на пол, не пройдя и двух шагов. Идти он не мог, это ясно. Жалобно причитая, он выкатился в коридор. Там он догадался снять ремень и сделать из него петлю. Набрасывая это импровизированное лассо на дверные ручки и светильники, он добрался до своего офиса. И тут его осенило. Он схватил свою верную указку и примотал ее ремнем вдоль спины как пшину. Сверху, как обычно, надел пиджак. Теперь он мог вполне устойчиво стоять и медленно ходить всего лишь слегка кренясь. Таким образом, он смог вернуться на собрание к началу голосования.

Салли передал ему бюллетень. Нечего и говорить, что профессор Икота теперь видел все в совершенно ином свете. Что ему теперь Мармеладов? И что такое проблемы Мармеладова в сравнении с его собственными? Кто больше нуждался в поддержке – он или Мармеладов? Профессор Икота написал «воздерживаюсь» без малейших колебаний. Он сложил свой бюллетень и передал его Hörnerträgerу.

После собрания профессор Икота сразу направился к машине и, поправив указку так, чтобы она позволила ему сесть за руль, поехал к своему костоправу. Но когда он уже выворачивал со двора колледжа, ему пришло в голову, что

костоправу попросту не с чем будет иметь дело. Он развернулся на сто восемьдесят градусов и направился в больницу.

В больнице он получил номерок и стал ждать, когда его пригласят. Наконец его осенило, что система с номерками – отличный способ отделить тех, кто действительно нуждается в срочной медицинской помощи от прочих больных. Он осторожно поднялся, снова поправляя указку, и подошел к молоденькому практиканту, который, казалось, имел некоторые полномочия.

– Извините, сэр. Дело в том, что я, кажется, потерял свой позвоночник.

– Позвоночник, вы сказали?

– Совершенно верно. Позвоночник. Спинной хребет.

– Вы уже были у терапевта?

– Нет, я хотел было поехать к хиропрактору, но ...

– Да нет. Я имею в виду психотерапевта.

– Психиатра?

– Ну да. Видите ли, вы говорите, что потеряли позвоночник...

– Да нет же, действительно. Послушайте. Сегодня за завтраком я съел две порции отрубей с изюмом, а потом у меня страшно скрутило живот, я пошел в туалет...

– Все это очень интересно, но что стало с вашим позвоночником?

– Ну вот теперь у меня вместо него указка, – профессор Икота попытался вытащить нижний конец указки, чтобы показать практиканту.

– Это костыль?

– Нет-нет. Это указка.

– Вот эта антенна? Это указка?

– Вот так я стою. Нет позвоночника, – профессор Икота указал на свою спину.

– Да где же вы могли потерять позвоночник?!

Профессор Икота прижал ладонь ко рту и шепотом сказал:

– В туалете. Его смыло в унитаз.

Практикант хихикнул:

– В унитаз, да? Посидите здесь и, что бы ни случилось, не ходите больше в туалет. – Все еще усмехаясь, практикант исчез за вращающейся дверью.

Около получаса спустя профессор Икота сидел на приеме у терапевта, доктора Дерриды. Тот был одет в зеленый пиджак, белые слаксы и кроссовки. Он начал говорить спокойно отеческим тоном, изучая историю болезни профессора.

– Меня зовут доктор Деррида. Но вы можете называть меня Жак. Я вижу, вы тоже доктор?

– В некотором роде. Я доктор наук...

– Не спинной доктор? – пошутил Деррида.

– Нет, не спинной доктор. Ph.D. – доктор философии, что называется.

– Вы, должно быть, лечите философии? И каков процент успешно исцеленных? – тут доктор Деррида бросил шутить и принял серьезный вид. – Так вы говорите, что потеряли позвоночник?

– К сожалению. Всего около часа назад. День был очень напряженный. Мы должны были голосовать. А я съел две порции отрубей с изюмом на завтрак...

– Скажите, у вас нет проблем с алкоголем?

– Нет. Сегодня я выпил только две-три чашки кофе. Иногда я не могу заснуть, но...нет, проблем с алкоголем нет.

– Вы принимаете какие-нибудь лекарства? Таблетки?

– Нет, ничего такого.

– У вас когда-либо прежде возникала подобная проблема?

Профессор Икота был несколько обескуражен таким вопросом:

– Доктор, у людей бывает один позвоночник. И потерять его можно только один раз.

– Действительно. Тут с вами не поспоришь. Просто я подумал что вы, может быть, прежде лишились нескольких позвонков.

– Ну да. Пара штук здесь, пара штук там. – Беспозвоночный профессор выдавил улыбку. Доктор тоже

улыбнулся. Внезапно профессор перешел в нападение. – Доктор, мой позвоночник смыло в унитаз. Мне необходима медицинская помощь. К кому мне обратиться?

– Извините, профессор. Я пошутил. Я полагал, что может, вы теряли его по частям. Знаете, пара штук здесь, пара штук там. Итак, у вас никогда прежде не было подобных проблем? Никаких проблем со спиной?

– У меня были проблемы. Боли в спине. Я ездил на сеансы к хиропрактору, чтобы облегчить боль, знаете ли. Но ничего подобного никогда не было, конечно.

– Вы не испытывали переутомления в последнее время?

– Да в общем нет. Вот только сегодня день был очень напряженный. Как раз перед тем, как я потерял позвоночник, мы должны были голосовать на отделении...

– Понимаю. Скажите, профессор, а не может ли быть так, что ваша утрата позвоночника – всего лишь галлюцинация, вызванная грузом ваших профессиональных обязанностей или враждебным окружением?

– Я молю бога, чтобы все это оказалось галлюцинацией. Но поверьте, что я запускал руки по локоть в собственное дерьмо и это не галлюцинация. Они до сих пор воняют. Понюхайте. Ну что ж вы, давайте! Это не галлюцинация!

Обнюхав руки профессора, доктор, кажется, поверил.

– Ну хорошо, – сказал он, – давайте теперь взглянем на ваш позвоночник. – Доктор провел рукой по спине несчастного профессора. – Кажется, немного смещен.

– Это моя указка. Я использую ее, чтобы поддерживать себя в стоячем положении.

Доктор забрался профессору Икоте под пиджак и пробежался пальцами вдоль спины. Он молчал, продолжая поиски утраченного позвоночника.

– Ну что, доктор? Что вы теперь скажете? Как вам моя галлюцинация?

Десять минут спустя профессор Икота со своей указкой сидел в кабинете доктора Проппа, начальника

ортопедического отделения. Доктор Пропп указывал на плакат на стене, вещая:

– ...Итак, спинномозговые нервы *spinales* образуются в результате слияния корешков спинного мозга чувствительного заднего (*radix dorsalis*) и двигательного переднего (*radix ventrales*). Всего насчитывается тридцать одна пара спинномозговых нервов: восемь шейных, двенадцать грудных, пять поясничных, пять крестцовых и копчиковая. Извините, профессор Икота, это у вас случайно не указка?

Прежде, чем Икота успел ответить, доктор Пропп выдернул жизненно важную опору из-под пиджака и Икота осел, как сдувшийся мяч, на стуле. Доктор Пропп продолжал, орудуя указкой с большой ловкостью:

– Позвоночный столб является механической опорой всего тела у всех позвоночных, включая человека. Он состоит из соединенных между собой позвонков крестца, копчика, межпозвоночных дисков, суставного и смазочного аппаратов. Обычно у человека тридцать два, в некоторых случаях тридцать четыре позвонка. В вашем случае, профессор Икота, их, возможно, было меньше. Теперь мы никогда об этом не узнаем. В позвоночнике различают пять отделов: шейный, состоящий из семи шейных позвонков. Первые два шейных позвонка называются атлант и аксис. Далее следует грудной отдел, состоящий из двенадцати грудных позвонков; поясничный – из пяти поясничных позвонков; крестцовый, состоящий из пяти сросшихся крестцовых позвонков; копчиковый, состоящий из трех-пяти копчиковых позвонков. Позвоночник имеет изгибы в сагитальной плоскости. В шейном и поясничном отделах позвоночник образует изгиб, направленный выпуклостью кпереди – лордоз, а в грудном и крестцовом отделах – изгиб назад – кифоз. У новорожденного имеется слабо выраженный грудной кифоз, а также небольшой поясничный лордоз. На третьем месяце ребенок начинает поднимать голову и появляется шейный лордоз. Когда ребенок начинает сидеть, образуется грудной кифоз. При переходе в вертикальное положение возникает поясничный

лордоз. Окончательное формирование всех изгибов позвоночника заканчивается к восемнадцати годам. Изгибы позвоночника обеспечивают его рессорные свойства. Боковые изгибы позвоночника во фронтальной плоскости – сколиоз – носят характер паталогических изменений.

– Но доктор Пропп, у меня больше нет позвоночника. Какое отношение все это имеет ко мне?

– Я как раз перехожу к этому. Во-первых, необходимо поставить диагноз. В конце концов, нельзя быть уверенным, что заболевание, которое привело к выпадению позвоночника, не приведет к выпадению других частей вашего скелета. Что, если следующими выпадут кости ног или черепа?

– Боже мой, неужели все это может случиться?

– Знаете, какой только чепухи не происходит на свете. Редко, правда, но бывает.

– Я знаю.

– У меня есть гипотеза относительно того, что случилось с вашим позвоночником. Но прежде, чем что-то говорить, я должен вас понаблюдать какое-то время. А там посмотрим.

– Доктор, вы можете быть откровенным со мной. Что я потеряю дальше?

– Ну, вам еще есть что терять. Ожидаете прибавки к жалованью? Отпуск? Гранты? Продвижение? Или просто быть на дружеской ноге с коллегами и заведующим? Как вам кажется потерять все это? Профессор, вам еще есть что терять.

Слова доктора звучали как предсказание. У Икоты мурашки бы побежали вдоль позвоночника, если бы... но мы, впрочем, не живем в стране «Если бы». Наш мир холоден, как кафель. Это холодное фарфоровое царство людских трагедий, желчной зависти, черного обмана, злословия, лжи, поноса, клеветы, сплетен и непостижимой человеческой подлости по отношению к ближнему своему. Нет никакого «Если», и мурашки не побежали вдоль позвоночника профессора.

Доктор продолжал:

– Примерно семьдесят пять процентов случаев заболевания сколиозом оцениваются как идеопатические. Это значит, что причины заболевания неизвестны. Но у меня есть кое-какие соображения на этот счет. Вот, возьмите вашу указку. И помните, что то, что я сейчас скажу, только гипотеза, не более того. Гипотеза, основанная на тех немногих фактах, которыми я располагаю. На том, что я знаю о вас, о строении вашего тела, вашем образе жизни et cetera, et cetera. Я подозреваю, что начальная стадия сколиоза в вашем случае развивалась на фоне crotalus cerastes, или, проще говоря, синдрома бокового смещения. Говоря обычным языком, ваша спина изгибалась так и эдак, чтобы обеспечить максимальную гибкость. Это спровоцировало кифоз, постепенно увеличивающийся лордоз, что и привело к разрушению связей между позвонками и дальнейшему их выпадению. Добавьте к этому психоз, определенный доктором Дерридой. Вы подсознательно боялись выпадения позвоночника, но подавляли свой страх. Инцидент в туалете – всего лишь, момент, когда ваше подсознание сообщило вам, что нельзя его игнорировать дальше, что-то вроде катарсиса. Это тот способ, который ваше подсознание избрало, чтобы сообщить вам, что ваш позвоночник не мог больше изгибаться то в одну то в другую сторону в зависимости от обстоятельств и предоставил вас самому себе.

«Да что вы такое говорите?» читалось во взгляде профессора Икоты.

«Вот так-то, друг мой», читалось во взгляде доктора Проппа.

– Понимаю, – выдал наконец несчастный Икота. – И что же дальше?

– Ну что ж. Давайте подберем хороший бандаж и будем надеяться, что состояние ваше не будет ухудшаться. Вас беспокоит боль?

– Только когда я вспоминаю, как мои позвонки позвякивали, улетая в трубу.

– У вас есть страховка?

– Да, страховка от колледжа.

– Отлично. Тогда я выпишу вам рецепт на обезболивающее. Это поможет вам уснуть.

Час спустя профессор Икота, снабженный отличным поясом для спины, уже ехал домой. Рядом с ним на переднем сиденье красовалась большая бутылка с ярко-розовыми, похожими на детские конфеты, пилюлями. Он то и дело выпивает одну, когда вспоминает, как лишился позвоночника. Иногда он принимает таблетку просто для профилактики. Чтобы не вспоминать.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ БУТЕРБРОД С ВЕТЧИНОЙ

После собрания И.Ти., совершенно опустошенный, сидел в своем офисе. Он медленно перебирал китайские пластиковые четки. До лекции оставалось еще два часа, которые надо было как-то убить. Он чувствовал, что должен делать что-то, чтобы помочь Юрию Ильичу, но все уже было кончено. Что он мог сделать теперь, после того, как они уже проголосовали за то, чтобы выгнать Мармеладова? От нечего делать, И.Ти. решил взять у Зои рукопись книги Мармеладова «Гайный код Достоевского», которая хранилась в его деле. Войдя к себе в кабинет, он нашел под дверью маленький розовый конверт. «Неужели любовное послание?» – взволнованно подумал И.Ти., вскрывая конверт. Он почувствовал, что лицо его вспыхнуло, а сердце застучало в два раза быстрее. В конверте была маленькая записка, написанная на розовой бумаге:

Некоторые студенты говорят, что профессор Мармеладов целует своих студенток. Они говорят так просто от злости, что он ставит им те оценки, которых они заслуживают. Это правда, что профессор Мармеладов иногда целует женщин, но только руки. Он ведь родом из Старого Света. Он всегда делает комплименты красивым женщинам и говорит, что мир женщины – это мир сердца. Они его за это ненавидят и называют неандертальцем. Я не хочу называться свое имя.

И. Ти. задумался. Разочарование от того, что в конверте лежала не любовная записка, вскоре сменилось радостью, что теперь у него есть ответ на обвинения Hörnerträger'a. Первым порывом И. Ти. было бежать к нему и показать записку, но потом он представил реакцию Hörnerträger'a. Письмо не подписано. Кто поручится, что И. Ти. не сам его написал? Как улика этот бесполезный клочок бумаги ничего из себя не представляет. Контраргументы Hörnerträger'a встали перед ним как тюремный забор с мотками ключей проволоки. Возведя в своем сознании сей непреодолимый барьер, И. Ти. быстро пришел к выводу, что единственный способ действовать в этой ситуации – не делать ничего. Такой способ действия – а это был его излюбленный способ действия в любой ситуации – вернул ему ощущение комфорта, и поднявшееся было из-за письма беспокойство начало потихоньку стихать.

И. Ти. закрылся у себя и выключил свет, чтобы его не беспокоили. Эту предосторожность он предпринимал всегда, кроме официального приемного часа в понедельник и среду. Да и этот час он изрядно укорачивал, опаздывая минут на десять и исчезая на пять минут раньше. Теперь же он поудобнее устроился и начал листать рукопись Мармеладова. Постепенно он начал разбирать почерк Юрия Ильича, что местами было особенно тяжело из-за плохого качества копии или винных пятен и прожженных сигарами дыр в страницах. И. Ти. быстро пролистал рукопись до шестой главы, в которой разбирались «Братья Карамазовы» – этот роман И. Ти. знал лучше других, как раз сейчас он изучал его со своими студентами. Он удивился тому, что за этой главой следуют главы об Иване Бунине и Иване Гончарове, однако вернулся к главе шестой и погрузился в дебри рукописного текста, неверного, напоминающего мшистые леса русского севера. И. Ти. осторожно пробирался сквозь эти дебри, надеясь все же выбраться обратно к началу своей лекции.

А в это самое время дальше по коридору Гого Хамелеонов, преподаватель по обмену из Москвы, поднял свой маленький кулачок, чтобы постучать в дверь Hörnerträger'a. Звали его, на самом деле, Игорь, но

американские студенты превратили его в Гого. (Go! Go!) Он только что узнал от Зои о голосовании по поводу Мармеладова и решил, что пора ему поймать свою рыбку в мутной водице. Его не радовали долгие московские летние вечера или волшебные тополя, которые выстроились вдоль широких бульваров, ведущих к окраинам столицы. Его не радовали голуби на Комсомольском пруду или тот потрясающий вид на суетящуюся Москву, который открывался с площади, где можно отдохнуть в тени бессмертного Пушкина. Ничего этого он не хотел, он хотел одного – остаться в Скотопригоньевске. Он выслуживался и прислуживал ради этого. Единственное, что им двигало теперь – желание закрепить свои позиции. А потом, быть может, он заберется и повыше.

По мере того, как приближался день голосования по должности Мармеладова, он терял сон. Его низкая должность (всего лишь инструктор по обмену из Москвы) давала очень скудный заработок. Он вынужден был прирабатывать в мутных водах озера Апопка, где его основным делом было изображать утопающего на занятиях спасателей. К унижению от того, что его снова и снова тащили из воды и оживляли на берегу, добавлялся страх перед аллигаторами, которых так необычайно много развелось в это лето. А теперь вот пришло время взять все в свои руки.

Хамелеонов трижды постучал в дверь Hörnerträger'a и вскоре уже как бы сам собою сидел перед громадным дубовым столом заведующего. Hörnerträger разговаривал с Хамелеоновым, не отрываясь от печатания, объяснив, что он готовит важное письмо для декана. Касательно судьбы Мармеладова.

– Да, – робко заговорил Хамелеонов, – я слышал, что профессор Мармеладов уходит из колледжа.

– К сожалению, это так. Профессор Пристойле говорил мне, что и вы не можете сказать о нем ничего хорошего.

Хамелеонов прочистил горло.

– Профессор Пристойле – честный человек, –
ответил он.

– Ну что ж, должен сказать, что и Хельвина так
считает. В письме декану я отразил ваше мнение –
разумеется, анонимно.

– Рад оказать содействие, – откликнулся Хамелеонов.

– Если в будущем я смогу что-либо сделать для вас...

– А вы не думали о постоянной работе у нас?

– Нет, никогда прежде... Но сейчас, когда вы сами
заговорили об этом, я мог бы предложить некоторые пути
увеличения числа студентов на нашем отделении. Во-первых,
снизить чересчур высокие требования Мармеладова к
студентам. Особенно первого курса. У нас студентов будет,
как сельдей в бочке. Профессор Мармеладов отпугивает
студентов своими суровыми оценками. Студентам можно
внушить любовь к языку, только если ставить им
положительные оценки. Они нуждаются в поощрении. Они
молодые и хрупкие, и требуют нежного обращения. Я бы
предложил систему, в которой отсутствуют «2» и «1», а есть
только «3» как средне негативное поощрение для самых
злостных прогульчиков.

– Ну, может, все-таки изредка «2» или «1» для
студентов, которые пропустили целый курс?

– Точно! Я уже применял в качестве эксперимента
систему оценок, где используются только «5», «5-», «5--», «5---
», «5----», «4+». Результаты вполне удовлетворительные. Во
всех отношениях. Не только отношение студентов стало
лучше, но и инструктор также получил более высокие
оценки студентов.

– Это именно то, чего я и Хельвина добивались от
Мармеладова. Джентельменская «3» для тех, кто посещает
занятия и прилагает хоть какие-то усилия к учебе. Но
Мармеладов – каков упрямец! Он не понимает в управлении
отделением того, что понимаем мы, немцы. Прежде всего,
отделение должно работать, как хорошо отлаженный и
хорошо смазанный механизм. И где же, позвольте спросить,
отлаженный механизм, если студенты забросали

заведующего жалобами на несправедливые оценки какого-то русского преподавателя? Где смазка, я спрашиваю?

Хамелеонов выразил восхищение заведующему за озарение и интуитивное понимание тонких материй. Они говорили все с большим увлечением, пока Hörnerträger заканчивал письмо. Оба были рады, что нашли в лице друг друга единомышленников. На самом деле, удовольствие Хамелеонова подогревалось нервным страхом, что он может поскользнуться и упасть, так круго поднимаясь вверх. Он мог нечаянно высказать мнение, которого не разделяет заведующий. Удовольствие же заведующего подогревалось той по наследству передающейся пронизательностью, которая свойственна всем заведующим отделениями вне зависимости от возраста, национальности или партийной принадлежности, и которая обнаруживает себя при общении с низшими чинами в академической иерархии.

Общая приятность разговора была поддержана любезным предложением Хамелеонова облизать конверт, в который Hörnerträger заключил письмо с решением судьбы Мармеладова. Hörnerträger же, в свою очередь, доверил Хамелеонову отнести письмо, и Хамелеонов с должной поспешностью отправился в офис декана на другом этаже Башни.

Несмотря на проплывающие облака, день был изнурительно жаркий, и пот с Хамелеонова лил ручьями, когда он добрался до офиса декана. На двери красовалась большая золотая табличка с надписью «Профессор Воланд, временный декан факультета гуманитарных наук», повешенная за угол поверх таблички с именем Колдбурна. Хамелеонов поднял было свой маленький кулачок, чтобы постучать в дверь, но заметил большой бронзовый молоток в форме головы дракона с кольцом в носу. Когда он взялся за кольцо, драконья пасть защелкнулась, закусив его палец, как мышеловка. Хамелеонов едва смог вытащить свой палец, который пульсировал от адской боли. Он стоял, посасывая палец, и тут дверь медленно отворилась, и маленький, но необыкновенно широкоплечий субъект с бельмом и

торчащим изо рта клыком поприветствовал Хамелеонова несколько в нос:

– А, мистер Хамелеонов! Мы ждали вас. Входите, входите. Какое удовольствие...

Приземистый малый протянул грубую мозолистую руку. Хамелеонов протянул в ответ свою, ожидая рукопожатия, но странный привратник только выдернул из его левой руки письмо.

– Какое счастье получить эту музейную редкость. Это бесценное сокровище, – объяснял он мрачно, несколько гнусая из-за клыка.

Воланд сидел за столом Колдбурна с бокалом розового шампанского в руках. На колене у него сидела рыжая девица. Ее рыжие волосы, казалось, горели огнем в солнечном свете, льющемся через окно. На ней было маленькое зеленое платьице, не скрывающее красного шрама на шее. Коренастый тип с клыком и бельмом положил письмо на стол Воланда.

– Спасибо, Аззелло, – сказал Воланд, отставляя шампанское в сторону и открывая запечатанный конверт острием турецкого кинжала, блистающего на солнце. – Присаживайтесь, мистер Хамелеонов, – и он указал туда, где длинный, как жердь человек в клетчатом картузе и пиджаке предложил Гоге стул. Стул был резной, с высокой спинкой, как в монастыре. Или как электрический стул.

– Располагайтесь поудобнее, – сказал длинный с мерзкой улыбочкой, подмигивая через треснувшее стекло пенсне. Аззелло передал Хамелеонову бокал шампанского. Воланд читал письмо с веселым оживлением, время от времени охая, ахая и посмеиваясь от удовлетворения.

– Любопытный документ! – воскликнул он, дочитав до конца. – Должен сказать, ваш заведующий блистательно владеет словом! А его мастерство проведения процесса оценки деятельности подчиненных нужно признать непревзойденным! Другие заведующие могли бы многому у него поучиться. Особенно впечатляет мастерская техника отбора анонимных жалоб студентов с тем, чтобы создать видимость неминуемого скандала. Немногие на его месте

додумались бы до этого, поверьте! Герр Hörnerträger одарен редким талантом. Особой похвалы заслуживает его таинственная способность замалчивать некоторые неприятные моменты, останавливаясь только на том, что годится для его целей. Оптимальный вариант: минимальное усилие с максимальным повреждением. Его претензия, что Мармеладов мало печатается – молниеносный блицкриг, а намеки на «напряженность в отношениях» со студентами и некоторыми временными преподавателями особенно привлекли мое внимание. Так кто же эти преподаватели, мистер Хамелеонов?

Гого прочистил горло, слегка покраснел и начал:

– Ну, у нас есть несколько преподавателей французского и немецкого...

– Да, но я уверен, что эта «напряженность в отношениях» существует не у преподавателей французского и немецкого. *Вы* чувствуете «напряженность в отношениях» с профессором Мармеладовым?

Гого снова прочистил горло:

– Да, сэр, кажется, есть некоторые проблемы. Методы профессора Мармеладова не приносят хороших результатов. Его требования к студентам неоправданно высоки. Мы с профессором Hörnerträger'ом разработали план, который поможет увеличить число студентов по меньшей мере в три раза. Квоты для изучающих русский язык могут быть увеличены. На занятиях будет использоваться видео. Это позволит сэкономить деньги, уменьшить число отчисленных за неуспеваемость и повысить число выпускников... Но Мармеладов закрыт для экспериментов такого рода.

– Молодой человек, ответьте мне: когда мы отошлем Мармеладова, – вы хотите занять его место? Разумеется, на вас ляжет полная ответственность за программу курса русского языка, если ваш заведующий одобрит эту идею...

Гого не мог поверить своим ушам. Все происходило так, как если бы испорченная кассета, которую он сотни раз прослушивал в мечтах, вдруг заиграла наяву отчетливо и чисто. Он переглотнул и, собрав все достоинство, каким наделал его господь, ответил:

– Сэр, почту за честь. Конечно, я не из тех, кто хочет залезть повыше да побыстрее...

– Что вы думаете об «открытии», которое, как полагают, сделал Мармеладов? Что-то об Илье-пророке у Достоевского?

– На самом деле, ничего нового. В России давно все об этом знали – настолько давно, что никто не потрудился даже написать об этом. Хотя многие исследования по Достоевскому затрагивают тему Ильи-пророка. Мармеладов, кажется, преувеличивает значимость своей работы. Если бы у меня было время и финансирование, я бы сделал те открытия, о которых говорит Мармеладов.

– Ну что ж, безусловно, убедительно, что практически все отделение единодушно в оценке этого старого чудака..., – взгляд Воланда внезапно стал рассеянным, начал искать на столе и в ящиках что-то, очевидно, очень важное, что он потерял.

– Гелла, – спросил он рыжеволосую девушку, которая продолжала сидеть у него на колене, перебирая его волосы, – где мой ржаной хлеб с ветчиной?

– Должно быть, вы оставили его на верхней площадке Башни.

Воланд продолжал рыться в ящиках стола.

– Странно, я был уверен, что оставил его здесь.

Нет...

Он вытащил игрушку йо-йо из среднего ящика, затем рогатку и, наконец, длинный, канареечно-желтый шарф. Наподобие тех шарфов, которые фокусники тащат из волшебных цилиндров, казалось, он не имеет конца. Тут он добрался до самого нижнего ящика, запустил в него уже обе руки и извлек оттуда черного кролика, которого быстро пересадил на колени Геллы.

– Нет, его здесь нет. Хммм... Гелла, должно быть, права. Я думаю, он все еще на верху Башни.

– Хотите, я его принесу, сэр? – вызвался Хамелеонов. Его распавшееся воображение быстро выткало героический гобелен беспримерных пропорций: Хамелеонов и Воланд плечо к плечу как почетные гости местного

Ротари-клуба. Воланд показывает диаграмму в виде круто ползущей вверх кривой, представляющей число студентов, и члены клуба одаряют восторженными взглядами и благодарными аплодисментами Хамелеонова, который застенчиво продолжает пить свой коктейль.

– Но подняться на вершину Башни очень нелегко. У слабого человека может закружиться голова. Я не могу просить вас об этом...

Хамелеонов поднялся с электрического стула.

– Нет ничего сложного, сэр. Я буду счастлив принести вам ваш бутерброд с ветчиной.

– О нет, пожалуйста! Лучше позовем Бегемота и пусть он принесет. Я не думаю, что вы сможете одолеть такой крутой подъем. Коровьев, а ты что думаешь?

– Вполне согласен, мессир. Подъем слишком крутой.

– Видите? – заключил Воланд. – Вам это не по зубам.

Но Хамелеонов уже направлялся к двери. Коровьев окликнул его:

– Подождите минуту! Допейте сначала свое шампанское.

Хамелеонов взял недопитый бокал шампанского, выпил его залпом и поспешил к двери. Вскоре он уже поднимался по крутой витой лестнице, ведущей на вершину Башни. Он преодолел первые два пролета, и пот лил с него ручьями. После третьего пролета он почувствовал внезапную усталость, которой никогда раньше не испытывал. «Наверное, это из-за шампанского», – подумал он. На четвертом пролете его сердце начало колотиться все сильнее. Он хотел только одного: лечь на лестницу и спать, спать, спать.

Но нет! Ветчина на ржаном хлебе! Каждый удар сердца отзывался ударом в голове. Лестница начала пульсировать в унисон с пульсацией в голове. Она то становилась широкой, как лестница в соборе, то узкой, как в подземелье. Такой узкой, что Хамелеонов едва мог протиснуться вперед. Идти становилось все труднее и труднее. Гого продвигался все медленнее и медленнее. Потом, наконец, он упал на колени и пополз на карачках,

свесив голову и воздев ягодицы к небесам. Лестница начала изгибаться как волны на океане, сдвигаясь и раздвигаясь, как мехи гармони. Иногда, когда зияющие каньоны открывались перед ним, приходилось сцепляться ногтями за ступеньки. Ужас овладел им. Его сердце скакало то вверх то вниз, как вантуз в канализационной трубе. Его взор застилали разноцветные облака, зрение помутнело.

Последний витой пролет лестницы тянулся и тянулся вверх, как гармонь, но Гого продолжал упорно ползти вперед. На короткий миг он позволил себе остановиться, чтобы перевести дух и дать отдых усталому сердцу. Он прижал щеку к холодному бетонному полу в неуверенности, хватит ли у него сил взобраться наверх. Сомнение овладело им и, вызвав волевым усилием видение конечной цели, он полез дальше. Зловещие фигуры в темных нишах Башни шевелились, как будто готовились броситься на него, вооружившись кинжалами.

Наконец, он, поскользнувшись, преодолел последнюю ступеньку – и вот он, вожденный бутерброд с ветчиной, лежащий на серебряном блюде. Она безмятежно покоилась на кирпичном пьедестале на вершине Башни. Рядом стоял шезлонг. Казалось, радуга воссияла над кирпичным алтарем, перекинувшись через маленький флагшток с треугольным флагом, и уходя прямо в небеса. Хамелеонов прищурился, глядя на благословенную ветчину с ржаным хлебом, над которой, словно мираж в пустыне, струился воздух. Струи воздуха переливались нежными цветами. Хамелеонов поднялся на ноги и направился к предмету своей миссии. В это время куранты пробили два. Хамелеонов подпрыгнул на месте от испуга, но потом взял себя в руки и подошел к вожденной ветчине. Как только он дотронулся до нежных, прохладных кусочков хлеба, куранты заиграли мелодию часа, которой оказалась «Волшебный миг». Хамелеонов поднес бутерброд к ноздрям, чтобы вдохнуть божественный аромат. Но что-то в этом бутерброде было не так – что-то неуловимое, загадочное и трудно определяемое. Гого очень аккуратно приподнял верхний кусочек хлеба, чтобы заглянуть внутрь. Сперва в

нервных клетках его мозга зародилось крошечное сомнение, которое быстро переросло в явное подозрение. Затем внезапно его подозрение переродилось в ужас, потому что кусочек ветчины начал распухать и превратился в скользкого визжащего поросенка! Перед носом Гоги оказался вдруг волосатый, хрюкающий пятачок. Хамелеонов попытался было удержать поросенка, но мерзкая тварь стала чрезвычайно скользкой от майонеза, горчицы и кетчупа, вывернулась из его рук и спряталась за кирпичным алтарем. Хамелеонов погнался за поросенком, который норовил забиться в угол, вырываясь из его объятий. Когда наконец проклятая тварь запрыгнула на алтарь и скотским взглядом уставилась на своего преследователя (латук и помидоры все еще украшали ее щетинистую голову), Хамелеонов решил сделать геркулесово усилие и изловить ее. Он изо всех сил бросился к свинье. Она скакнула со своего пьедестала, бросившись к лестнице, но неожиданно ее копытца поскользнулись на гладком цементном полу. Понимая, что если он не схватит эту сволочь сейчас, то не схватит никогда, Хамелеонов прыгнул и уцепился за задние ноги свиньи. Но это, кажется, только помогло ей разогнаться. Проклятое создание помчалось вниз по винтовой лестнице, волоча за собой Хамелеонова. Хамелеонов попроцался с жизнью, но не выпустил добычу из рук. Он пересчитал лицом все ступеньки, катясь вниз на животе наподобие корыта, привязанного к задним ножкам свиньи. К первому этажу он и вовсе потерял сознание. Из разбитого носа и рта текла кровь, а лестница была усеяна выбитыми зубами. Ветчина, нечего и говорить, ускакала, унося на ушах латук и помидоры. Куда-то в сторону Кабаньей речки, кажется.

Зубы Хамелеонова были впоследствии вставлены один за другим на проспекте Карла Маркса превосходным московским дантистом. Восстановленная мостами челюсть поразительно напоминает шоссе Санта Моника. Он использует специальную жидкость, чтобы поддерживать свои мосты в чистоте. Теперь он боится лестниц, предпочитая лифты. И никогда не говорит о своей попытке подняться на Башню, но в его печальных глазах можно

иногда прочесть следы осознания, что Башня оказалась круче, чем он полагал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ МОСТЫ МОСТИТЬ

В то время, как Хамелеонова увозили в больницу, другой посетитель беседовал с мисс Геллой, временным заведующим по женским вопросам, чей офис был как раз рядом с офисом Воланда. Фрау Фрейлин не теряла времени, наводя мосты с новой начальницей. Она сидела в кресле перед столом мисс Геллы. Шкура леопарда лежала на полу как раз позади ее кресла, вытянув когти в ее сторону. Собственные глаза фрау Фрейлин были настолько сосредоточены на ее добыче, что она не заметила когтей и сверкающих глаз кошки джунглей.

– Я нахожу, что это очень достойно, – начала она, – что заведующим по женским вопросам назначили женщину. Фрэнки был голубой, конечно, и это говорит в его пользу, но это еще не то. Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду... Я хочу сказать, что некоторые вещи понятны только женщинам.

– ...Например? – спросила Гелла.

– Ну... климакс.

– ... А, я понимаю, что вы имеете в виду! Или возьмите брильянты. Вот еще одна вещь, которую мужчины отказываются понимать. Если бы только вы видели брошь, которую мы нашли на прошлой неделе в маленьком магазинчике в Румынии! Она великолепна! Черная вдова – оникс на паутине из брильянтов. Шестьсот шестьдесят семь маленьких брильянтиков! О, я бы все отдала за эту брошь! Но Воланд отказался платить. Сказал, что камней в ней «несколько чересчур». Чересчур! Мужчины ничего не понимают, когда дело доходит до брильянтов, – заключила Гелла, постукивая кулачком по столу.

– Да, мне кажется, я понимаю ваше возмущение, – посочувствовала фрау Фрейлин. – Женщины были отлучены

от средств производства на долгое время. В этом заключается какая-то горькая ирония, если учесть наши репродуктивные способности.

– Репродуктивные способности! Точно! – согласилась Гелла.

Хельга почувствовала, что нашла, наконец, верные слова. Она продолжала:

– В наше время женщины наконец-то добиваются того, чтобы им были представлены некоторые полномочия, а мужчины возражают против этого. Вы ведь тоже только просили некоторых полномочий?

Воцарилось минутное молчание. Гелла пыталась прочесть мысли фрау Фрейлин.

– Ну вообще-то все, о чем я просила, дорогуша, была та брильянтовая брошь. И я бы не променяла эту брошь ни на унцию ваших полномочий. Но как вам будет угодно.

– Вы и доктор Воланд женаты?

– О, Боже! Родственные узы этого не допускают! У нас особое соглашение.

– У нас с мужем тоже свободные отношения...

– Да, когда мы прилетели в Скотопригоньевск, мы из самолета видели ваш хваленый дом. И как вы умудрились освободить своего мужа от него? У вас очень свободолюбивый муж, знаете ли, кем бы он ни был!

– Ну да, действительно, мой муж – человек широких взглядов. Он не из сексистов как этот Мармеладов...

– Мармеладов?

– Да, Юрий Мармеладов. Одна молодая женщина из нашего комитета по женским вопросам в чем только не обвиняет Мармеладова! Я прямо рассказала об этих жалобах на голосовании по его должности.

– Прежде, чем мистер Мармеладов смог на них ответить?

– Мисс Гелла, нет никаких поводов для сомнений в истинности этих обвинений. Мы получили подобные же из нескольких источников. И какие же мерзости он делал! Как представитель комитета по женским вопросам – и представитель всех женщин нашего колледжа – я не могла

стоять в стороне и видеть, как творятся эти безобразия. Я должна была предпринять решительные действия.

– Без сомнения! Я хочу сказать, что мы, женщины, должны бороться любыми средствами, какие только есть в нашем распоряжении. Нам приходится царапаться... пинать в пах... нож в спину... Мы – слабый пол, в конце концов.

– На самом деле, недавние исследования показали, что женщины сильнее мужчин. Просто дело в том, что сила всегда измерялась по мужским стандартам. А теперь мы знаем, что женщины более выносливы, например.

– Я вполне согласна. Вы бы видели Воюнда, когда мы идем за покупками. Ну, знаете, в универмаг? Я могу делать покупки часами, а он выдыхается через двадцать минут. И никакие исследования не нужны, чтобы это подтвердить. Мы женщины давно это знаем.

– Мисс Гелла, а что вы думаете о будущем нашего комитета по женским вопросам?

– Ну что ж, я полагаю, что столько, сколько будут существовать женщины, будут существовать и женские вопросы. Мы-то с вами отступать не собираемся?

– А возможно ли расширить наше влияние в ближайшем будущем? Представить кандидатскую программу по женским делам и получить полное финансирование?

– ... Ну, может это должна быть мадам покрупнее? Сможет ли такая пигалица, как вы, справиться с делами?

– ??

– Этот Мармеладов у вас как бородавка на носу?

– Я – активистка. Я активно борюсь за наше дело. Права женщин и не меньше. Права мужчин и не больше. Этот Мармеладов целует женщин и говорит им, что они красивые. Я хотела бы, чтобы колледж сделал сильное заявление в связи с этим. Нет ли какого-нибудь способа, чтобы направить деньги, выделенные на него, на нашу программу?

– Конечно. Просто попросите мистера Мармеладова подписать вам чек.

– Да бросьте вы, я говорю серьезно.

– И я тоже. Я вообще чрезвычайно серьезна. Вы не пробовали?

– ??

– Вы же не знаете, даст он вам денег или нет до тех пор, пока не попросите? Послушайте, дорогуша, позвольте мне дать вам один совет. Знаете, как женщина женщине. ... Найдите себе мужика – знаете, нормального на сей раз, с гормонами.

Фрау Фрейлин поднялась, чтобы уходить. Ей не очень понравился наведенный мост. На самом деле, она даже несколько нетвердо держалась на ногах. Настолько, что споткнулась о леопардову лапу, уходя. Она только сейчас заметила устрашающие стеклянные глаза и жуткие клыки, слегка вскрикнула и сердце ее забилось быстрее. Когда она открыла дверь, Гелла поманила ее пальцем, перебирая изумрудную подвеску в золотой оправе:

– Ах да, мисс Фрейлин. Этот мистер Мармеладов ... мне он кажется интересным мужчиной... Когда увидите его, скажите ему, пожалуйста, что я бы очень хотела его видеть...

Фрау Фрейлин снедало пламя гнева. Когда она захлопнула за собой дверь, раздался взрыв. Мосты, построенные ею, вспыхнули за ее спиной. На улице студенческий оркестр репетировал «Марш полковника Боги». Пылающая гневом фрау Фрейлин проходила мимо. Девушка в лосинах и сапогах с кисточками вскинула свой жезл высоко в воздух. Когда он опустился, его резиновый конец воспламенился. Девушка бросила его на газон. Металлический жезл корчился в огне, пока, обгорев, не изогнулся подковообразно. От обожженной травы поднимался дымок. Зеваки собрались вокруг, чтоб полюбоваться на невиданное зрелище.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ

В тот день Пристойле должен был забрать свою пятнадцатилетнюю дочь Кэнди после занятий в хоре

баптистской церкви. Из-за голосования по Мармеладову он уже опаздывал минут на тридцать когда выворачивал с улицы Корята на дорогу, ведущую к церкви. Но Пристойле был осторожный малый, который избегал риска любой ценой. Хотя он и опаздывал, но не превышал скорости в сорок миль на шоссе, прямо, как стрела, прорезающая болота. Когда он подъехал к церкви, все уже разошлось, и Кэнди тоже нигде не было. Остался только органист, который продолжал играть со страстью гуляки в баре. Победоносные звуки «Приношения снопов» гудели в церковных стенах, словно поднимались из бездны.

Пристойле подошел к большой стеклянной двери и приложил руку козырьком к глазам, намереваясь заглянуть внутрь, но тут оказалось, что дверь не стеклянная, а, собственно, зеркальная. Его собственное отражение – лысеющий человек с клочковатой бородой – уставилось на него из темноты. Пристойле попытался открыть дверь, но она не поддавалась. На какое-то мгновение его взгляд встретился с отражением в зеркале, и в это мгновение его посетило дурное предчувствие, – как будто крошечная трещинка прошла по глянцевой поверхности той реальности, в которой он пребывал. Затем, к немалому удивлению Пристойле, его собственное отражение, нарушая все законы физики, услужливо открыло ему дверь изнутри.

– Кэнди уехала с руководителем хора, сэр, – вежливо сказал его отражение

Пристойле разинул рот от удивления. Он зажмурил глаза и потряс головой, подозревая что перед ним мираж, который немедленно рассеется. Но его всклокоченное отражение продолжало стоять перед ним, сочувственно изучая его лицо.

– Вы сердитесь? – спросил двойник тихо. Нотка искреннего участия прозвучала в его голосе. Он был одет точно так же, как и Пристойле, только смятый костюм давно нуждался в чистке. Почему-то, Бог знает почему, внимание Пристойле привлекло темное пятнышко на носке белой туфли его двойника – точно такое же, как и на его собственной, только темнее. Тот маленький пустичок,

который заметен только самому владельцу, но страшно раздражает. На какое-то время глаза его остановились на этом пятнышке, потом он осознал, что эта похожесть, по крайней мере, была в порядке вещей.

– Нет, все нормально, – ответил Пристойле, весьма смущенный странным поворотом событий.

– Вы сегодня голосовали? – спросил двойник.

Пристойле был поражен. Откуда этот подозрительный тип, почти его двойник, мог знать о сегодняшнем голосовании? Пристойле неподвижно стоял в дверях, отчаянно надеясь, что все участники хора сию минуту выпрыгнут из укрытий и странный, но такой знакомый незнакомец снимет ловко сделанную маску из латекса и откроет свое настоящее лицо. Но увы, хор не выскочил из священных теней, не раздался веселый смех, и не было маски.

– Войдите, давайте поговорим об этом, – предложил мятый незнакомец. – Знаете, сбросьте тяжесть с души.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – на ходу пробормотал Пристойле, направляясь к парковке, где стоял его сияющий черный БМВ. Но прежде, чем он дошел до трех крестов, возвышающихся на травянистом острове среди моря асфальта, назойливый незнакомец вновь наступил на него.

– Направляетесь обратно в город? – поинтересовался отвратительный тип, очевидно надеясь, что его подвезут. Пристойле решил, что пришел подходящий момент избавиться от незнакомца и с легкостью изменил курс.

– Нет, на самом деле я собирался в ту сторону, – ответил он, махнув рукой в сторону деревьев, видневшихся за тонкой полосой пастбища. С этими словами он направился через парковку, надеясь освободиться от неприятного спутника.

Но ничего не вышло.

– А, идете на кладбище? – спросил тот. – У меня есть там дела. Я составлю вам компанию, если вы не возражаете.

И бородатые близнецы направили свои стопы через пастбище. Пристойле про себя проклинал свой неудачный

план и перешел к другой тактике, чтобы избавиться от противной пиявки. Его гнев возрастал по мере того, как они пешком пробирались через грязь и свежий ароматный конский навоз. Его белые туфли насквозь промокли и почернели от грязи. Пристойле шел быстрыми, размашистыми шагами, все еще надеясь отделаться от нечаянного компаньона, но тот продолжал идти, увязая в грязи пастбища, тяжело дыша и размахивая руками, стараясь не отставать.

– Вы определенно не должны сожалеть о том, что говорили на собраниях. Это не должно вас мучить.

Пристойле с сомнением посмотрел на низкорослого толстяка, который старался обойти большую черную лужу. Откуда он мог знать, что собраний было несколько?

– Это меня и не мучает, – ответил он, стараясь говорить любезно.

– Рад это слышать. Вы просто сделали то, что должны были сделать, верно? Вы же сделали это не для того, чтобы укрепить свои отношения с Hörnerträger'ом (знаете, ради собственного продвижения). Вы просто сказали то, что любой ученый сказал бы на вашем месте: что вы бы не хотели, чтобы ваша дочь занималась у Юрия Ильича. Это же простая констатация факта. Верно? ...

Их взгляды встретились, но Пристойле ничего не ответил. Он чувствовал, что тут кроется какой-то подвох. Когда они дошли до края пастбища, клочковатый услужливо придержал колючую проволоку на заборе, чтобы Пристойле мог пролезть. Но как только круглый зад Пристойле оказался в заборе, любезный, но неловкий незнакомец нечаянно выпустил верхний ряд проволоки из рук так, что она хлопнула по заднему карману и проколола весьма чувствительные места повыше колена. Пристойле взвыл и упал на нижний ряд проволоки, изорвав штанину. Где-то в районе бедра показалась кровь. После недолгой борьбы Пристойле, с любезной помощью своего надоедливой спутника, удалось освободиться из колючих объятий забора. Неприятный разговор продолжился и тогда, когда они оказались в прохладной тени кладбища.

– В любом случае, у вас были все права высказать свое мнение по поводу высокомерия Мармеладова. Все права! Кто лучше вас может судить? Вы ведь читали Достоевского, верно? ... Верно?

Пристойле только метнул сердитый взгляд на своего собеседника. Он, кажется, истолковал этот взгляд как положительный ответ, кивнул и продолжал:

– Конечно, вы читали Достоевского. Правда, вероятно, еще в школе, но кто не согласится с вашим заявлением, что «величайшее открытие достоевведения» – чрезвычайно высокомерное утверждение. Да, оно высокомерно! Даже если оно истинно, оно высокомерно!

Они миновали мшистые надгробия и подошли к свежeweкопанной могиле. Рядом стоял экскаватор. Могила была большая и квадратная, стенки ее были аккуратно подровнены лопатами, которые остались воткнутыми тут же в кучи земли по обе стороны могилы. Незнакомец нелепо прыгал вдоль могилы с одной кучи земли на другую. Пристойле встал на ближайшую кучу и принялся созерцать работу могильщиков.

Назойливый болтун продолжал говорить, а Пристойле задумчиво пинал комья серой глины в могилу.

– А что мне оставалось делать? Воздержаться, как Икота? Что, если бы все воздержались? Что бы это было за голосование? И что бы подумал декан? Этот проклятый Икота никогда не ведет себя по-мужски! Заявляет, что не может судить о Мармеладове! У него было два года, чтобы ознакомиться с его теориями! Ему не хватило времени! Он должно быть, птичьего молока хочет!

Пристойле глянул на несносного гаера со своей стороны могилы и удивленно поднял брови, как будто переспросил: «Птичье молоко?»

– Птичье молоко? – эхом откликнулся на его мысли грязный и мятый двойник. – О, это просто такое русское выражение. Его часто использует Юрий Ильич. Никогда не слышали прежде? Впрочем, я сомневаюсь, что вас интересует русский фольклор. Не так ли, профессор Пристойле?

– Послушайте, – наконец резко ответил Пристойле, – я не знаю, кто вы такой и кто дал вам информацию. Но эти собрания – конфиденциальны, и вы не имеете полномочий знать, что на них происходило.

– Позволю себе с вами не согласиться. Эти собрания признаны конфиденциальными, чтобы защитить кандидата – для того, чтобы ложь и клевета, которая вами о нем говорится, не стала предметом общего обсуждения.

– Клевета! Вы обвиняете меня в клеветничестве?

– Разве я сказал, что вы виновны в клеветничестве, профессор Пристойле? Это было общее «вы». Оно не относится ни к кому в отдельности. В конце концов, против него собралась целая команда. Кажется, каждый в отделении собрался вколотить свой гвоздь в его гроб.

– Гроб? Вы намекаете, что мы были несправедливы?

– «Высокомерие»? ... И ваш страх за вашу дочь, помните? ... Кто говорит, что вы не были справедливы? ... Это наука, верно? Скальпель резонности. Острие науки. Кто говорит, что ампутация проведена нечисто? Вы же не каждый день такие операции делаете, в конце концов. Все в соответствии с высочайшими стандартами, верно?

– Послушайте, с меня довольно вашей иронии...

– Профессор Пристойле, Боже мой! Я боюсь, что вы не так меня поняли... То есть, я проделал дьявольскую работу, чтобы быть понятным. Я должен извиниться. Намерения мои были самыми благородными, и я хотел только самого лучшего для вас! Я хотел сказать, что я вас поздравляю!

– Поздравляете?

– Поздравляю!

– ??

– Поздравляю! Вы убрали его!

Неприятный незнакомец улыбнулся и кивнул в сторону могилы. Пристойле впервые заметил мраморное надгробие, частично скрытое грязью. Он смог прочитать часть надписи: «Юрий Ильич Ма..».

– Вы это специально подстроили! – прошептал Пристойле.

– Минуточку! Чья это была идея прийти на кладбище! Это была ваша идея, профессор Пристойле! Нет никакой возможности, чтобы я мог подстроить это! Нет, эта могила так же реальна, как мы с вами, профессор Пристойле. И мы оба знаем, кто убрал Мармеладова и как это было сделано.

– Вы не были на собраниях. Вас туда никто не приглашал. Эти собрания строго конфиденциальны. Вы не имели право там присутствовать и у вас нет права обсуждать наше решение. Я прошу вас воздержаться от дальнейших комментариев на эту тему. Согласно правилам Волшебного Королевства, эта тема не подлежит обсуждению вами и значит...

– Но вы же видите, я знаю, что там говорилось, и ...видите ли, у меня есть некие присущие мне нужды и потребности, понимаете? И у меня есть право удовлетворять свои потребности. Иногда у меня возникает потребность встать на перекрестке около часовни колледжа и начать кричать во все горло все, что я знаю... Хотите, чтобы я сделал это, профессор Пристойле?...

Пристойле пришел в ярость. Он выдернул из земли лопату, поднял ее и закричал:

– Закрой свою помойку, ты, сволочь! Гаденыш!

Но его оппонент только довольно улыбался и продолжал паясничать:

– Закрывать мою помойку! Но тут нет никакой помойки! Между нами могила, Пристойле!

– Заткнись! – завопил Пристойле.

– Между нами могила, Пристойле, – и на моей стороне больше! – противный незнакомец дотронулся пальцами правой руки до лацкана запачканного белого пиджака чуть выше сердца.

Лицо Пристойле вспыхнуло, и он гневно сощурил глаза. Он поднял лопату, чтобы пригрозить незнакомцу, который только смеялся и продолжал дразнить Пристойле:

– На моей стороне больше, на моей стороне больше, Пристойле!...

Пристойле перепрыгнул через могилу и нанес отвратительному шуту сокрушительный удар по голове. Острый край лопаты резал глубоко и чисто. Кровь аккуратной лентой выступила на левой стороне головы жертвы. Более темная кровь потекла из левого уха незнакомца, и он повалился в грязь. Быстрым движением грязной белой туфли Пристойле скинул неподвижное тело в могилу. Затем он забросал труп тридцатью лопатами серой глины, аккуратно протер ручку лопаты незапятнанным носовым платком и поспешно направился обратно к церкви. Никто не видел его на кладбище. Никто ничего не узнает. Это будет его маленький секрет.

Пока он ехал обратно в город (строго соблюдая ограничение скорости), он испытывал дурноту каждый раз, когда смотрел в зеркало заднего вида, ожидая, что с его отражением снова приключится какая-то катавасия. Но его опасениям не суждено было сбыться. Его отражение послушно повторяло каждое его движение, строго соблюдая все правила и высокие стандарты достоинства и приличий, которые приняты между цивилизованными людьми.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЛЕКЦИЯ ПРОФЕССОРА ПУХА

И. Ти. следовал за мыслью Мармеладова, с большим трудом пробираясь в дебрях рукописного текста. Рукопись представлялась ему темным, мрачным лесом, над которым сверкали зигзаги молний, бороздящих мутные небеса. И. Ти.то и дело вынужден был обращаться к начальным главам, чтобы сделать выписки, а затем возвращаться к «Братьям Карамазовым» (главе шестой). Он продвигался вперед с осторожностью, помня о том, что он на чужой территории и что, однажды уже, согласно старинной легенде, такие же иностранцы, как он, которых заманили в дремучую, сонную чащу, потерялись и погибли под равнодушными небесами.

Такая вылазка в дебри воображения другого человека была чем-то новым для И. Ти. В прошлом, когда ему

приходилось читать работы коллег, он пролистывал страницу за страницей до тех пор, пока не наткнулся на основную мысль, и затем произносил ожидаемый вердикт: очень интересно. Это «очень интересно» – вечный движитель, с помощью которого столь многие ученые добиваются туда, куда им нужно. Он может увести вас вниз, если вы хотите сказать, что вас действительно что-то заинтересовало или пробудило ваше воображение. И может вознести вас на заоблачную высоту когда вы отзываетесь так о работе, которая действительно представляет собой нечто выдающееся по идиотизму. А может просто везти вперед и вперед по прямому, ровному академическому пути, если вы и вовсе не затрудняете себя чтением работ своих коллег. Но сейчас, впервые за всю свою карьеру, И. Ти. чувствовал, что в его чтении был особый смысл, что это может быть вопрос жизни и смерти – не столько для Юрия Ильича, сколько для него самого. Он читал не так, как обычно, улавливая лишь основную мысль, но изучая всю флору и фауну леса, через который он шел, ища особые узелки и нити в узоре деревьев, ища что-нибудь, что позволит пройти по лесу и вернуться назад. Так он читал первый раз в жизни.

Но в три часа по полудню он вынужден был покинуть дебри мармеладовой рукописи и бежать на занятия. В этот раз он был вооружен по меньшей мере несколькими открытиями Юрия Ильича. Даже если было уже поздно для Мармеладова, возможно, для него самого еще не слишком поздно.

Как и обычно, примерно половина из трехсот сорока одного студента курса И. Ти. собралась на лекцию. Численность студентов на курсе доктора Пуха была самой высокой, потому как у него была репутация облака в штанах. Он был мягок, как детское одеяльце и редко ставил оценки ниже, чем «4-», следя за тем, чтобы все студенты удовлетворяли единственному строгому требованию – вовремя писать тесты.

В тот день, как и обычно, большинство студентов расселось на задних партах аудитории, чтобы болтать с друзьями или читать студенческую газету. Входя в

аудиторию, И. Ти.яснее ясного осознавал, что неладно что-то в Волшебном Королевстве. Он мельком видел как хромого и окровавленного Хамелеонова увозили в больницу на скорой. Затем издалека он видел, как на газоне горел жезл девушки из оркестра. Он знал, что все это проделки Воланда, его предупреждения, что все может быть гораздо хуже...

Входя в аудиторию, И. Ти.по привычке проверил, застегнута ли у него ширинка, что вызвало привычные смешки девушек, сидящих в центральном проходе. Взбираясь на кафедру, он нырнул рукой в пузатый портфель, чтобы проверить, на месте ли его «Братья Карамазовы», но вспомнил, что нес книгу в руках. Да, так и есть, она уже лежала тут же на кафедре, куда он ее и положил. И. Ти.слегка расставил ноги, заложил руки за спину и окинул быстрым взглядом задние ряды, где во время контрольных всегда сидели игроки университетской футбольной команды, и передние ряды, где репетиторы футбольных игроков тщательно конспектировали лекции. Затем он перевел вдохновенный взгляд в ту неопределенную точку пространства, где потолок встречается со стеной, и начал лекцию.

Как обычно, лекция И. Ти.звучала поверх зудящей болтовни студентов, которые продолжали переговариваться, вежливо понизив голос, изредка вслушиваясь в то, о чем он говорил. Можно сказать, что они слушали И. Ти.таким же образом, как он читал работы своих коллег. Но на сей раз И. Ти.пришел с чем-то новым. Возможно, было поздно спасать работу Мармеладова, но он попытается спасти собственную шкуру!

После короткой прерамбулы, в которой специально для прогульщиков и лентяев, обозначались основные моменты предыдущей лекции, И. Ти.сообщил, что сегодня он собирается перейти от абстрактных теорий о Достоевском «вообще» к различным аспектам «Братьев Карамазовых» – конкретным деталям, образующим полотно произведения.

Первая часть лекции И. Ти.

Во-первых, позвольте мне заметить, что критический момент ареста Дмитрия Карамазова, следующий за убийством его отца, происходит в селе Мокрое. Название этого села очень важно для понимания «Братьев Карамазовых». «Мокрое» ассоциируется с влагой, дождем, и арест происходит во время дождя. Затем, когда Дмитрий размышляет о своем аресте, он говорит, что если бы не было этого «грома», он не «поднялся бы над собой».

Эти мелкие детали – нити в сложной сети символов, которая окружает образ Ильи-пророка каким его воспринимали в России во времена Достоевского. Илья воспринимался как благодетель человечества, который развозжает по небу в огненной колеснице и посылает дождь. Но в то же время, он – суровый судья, который посылает огонь и мечет молнии, чтобы напомнить нам о наших грехах и грядущем Судном Дне. В народных русских поверьях известны два Илья: Илья Мокрый и Илья Сухой. Обращались к Илье Мокрому во время засухи, когда нуждались в дожде. К Илье Сухому обращались, чтобы дожди прекратились. Неслучайно Дмитрий Карамазов в бешеных поисках денег, еще перед арестом в Мокром, приходит в «Сухой поселок», ведомый туда батюшкой из церкви пророка Ильи. Там ночью он просыпается от адской головной боли, чуть не задохнувшись от угара. Весь этот эпизод – адское мытарство на пути к сознанию грехов и искуплению. Этим эпизодом Илья Сухой и Илья Мокрый вплетены в художественную ткань романа.

Почему, спросите вы, Илья приносит страдание? Ответом на этот вопрос является то, что в созданной Богом вселенной добро и зло – вечно присутствующие силы, а человек – грешное создание, которое может искупить свои грехи только путем страдания. Если вы хотите знать, почему Господь все так устроил, вы должны спросить об этом у него самого. Если вы не верите в Бога, я надеюсь, что у вас найдется друг, который верит, так вот, пусть он и выяснит все до конца. Я не знаю, почему Господь устроил мир так

несовершенно. Возможно, у него повязка на одном глазу – такое объяснение помогло бы разобраться в ситуации. Так мне однажды сказал один раввин, но я не знаю, так ли это на самом деле. В любом случае, я отказываюсь нести ответственность за несовершенство божьего творения.

Арест Дмитрия Карамазова – во время дождя – его первый шаг на долгой дороге страдания и искупления. Название села и дождь во время ареста – не случайные, ничего не значащие детали, как вы могли бы подумать. Они ведут начало из русской мифологии и фольклора. То же самое можно сказать и о сне-воспоминании Дмитрия по дороге в Скотопригоньевск после ареста. В полусне он припоминает погорельцев, детей и женщин, которых он видел однажды на дороге. В глазах у Дмитрия, хотя бы в подсознании, эти погорельцы – жертвы Ильи-пророка, властелина огня. Они воплощают собой жестокий мир Ильи-пророка, мир страданий, против которого восстали Дмитрий и Иван. Дмитрий – поруганное и брошенное дитя. Он ждет – и заслуживает – лучшего обращения со стороны отца – точно так же, как многие из вас ожидают лучшего отношения со стороны своих профессоров и многие из нас ожидают лучшего обращения со стороны Бога. Он мог позволить нам жить несколько сот лет вместо шестидесяти или семидесяти. Да и те не лучше ли были бы без рака и инфаркта? И главное, то, о чем спрашивает Иван: за что должны страдать невинные дети?

После своего ареста Дмитрий приходит к духовному осознанию, что его бунт против отца был также бунтом и против Бога. Это не значит, что старый Федор Карамазов был добродетельным человеком. Он был низкий, презренный человек. Но проблема его жестокости по отношению к детям как в капле воды отражает проблему «жестокости» Бога к Его детям. И также, как Бог приглашает Илью в качестве божественного полицейского, Федор Карамазов прибегает к помощи Николая Ильича Снегирева чтобы востребовать долги Дмитрия. Ильич – сын Ильи. Снегирев живет на Озерной улице со своей несчастной семьей инвалидов. Название улицы намекает на дождь,

приносимый Ильей, а сама улица соответствует Ильинской улице в Старой Руссе, где одно время проживал Достоевский. У Снегирева рыжие волосы (реминисценция огня) и густая борода, которую дети зовут мочалкой, когда дразнят его (опять вода). Его сын Илюша (опять Илья!) медленно умирает от туберкулеза. Он – живое воплощение жестокого порядка, установленного Богом, мира страдания, мира Ильи-пророка.

И. Ти.вдруг заметил, что некоторые студенты листают роман с изумлением. Худой юноша в очках поднял руку и гул голосов притих, когда раздался новый голос:

- Профессор Пух, в моей книге нет «Мокрого»!
- Какое у тебя издание, сынок? – спросил И Ти.
- Такое же, как и у вас, профессор Пух, – мальчик показал обложку книги. – У меня тут Дмитрий удирает в Лас-Вегас на пароходе в ту ночь, когда они хотят схватить его в борделе.

И. Ти.вспыхнул от смущения.

– Позвольте-ка мне взглянуть на вашу книгу, – он прочитал абзац, который мальчик подчеркнул розовым маркером. Так и есть, Дмитрий Карамазов в Лас-Вегасе. Девушка, сидящая напротив в центральном проходе, тоже сказала:

– А у меня Дмитрий бросает Грушеньку в Сухом Поселке и делит добычу со Смердяковым. И нет никакого дождя. Они со Смердяковым уезжают в Баден-Баден в прекрасный солнечный день.

В аудитории раздались смешки и хохот. Еще один студент нашел дальнейшее несходство:

– Доктор Пух, в моей книге маленького больного мальчика зовут Кит. Его отец англичанин, которого зовут Елейные Уста. Он продал бы душу дьяволу чтобы только получить повышение по службе. Его сына покусала бродячая собака, и у него случаются приступы бешенства, когда его отец заставляет его выгуливать собак своих начальников. Старый Федор Карамазов нанял немецкого доктора, который чудесно исцелил мальчика, а потом старик Карамазов дал деньги на больницу. И все дети кричали: «Ура Карамазову!».

Веселье нарастало. Смех стал свободнее. И. Ти. ходил по аудитории и проверял небывалые рассказы студентов. И точно, в каждой из книг текст отличался от того, который знал он. Ни одного совпадения! Редкие смешки переросли в общий хохот. Целый ураган смеха. Казалось, студентов больше забавляло недоумение и смущение И. Ти., чем нелепые различия в тексте. Они, вероятно, полагали, что профессор Пух по рассеянности просмотрел эти различия. Профессор Пух в своем репертуаре! Профессор Пух продолжал ходить среди студентов и смущенно сверять свой текст с их текстами; за ним следом неслись смешки. Студенты надорвали бока от смеха. Некоторые вскакивали со своих мест, пуская самолетик в И. Ти.

– Прошу внимания! Прошу всех успокоиться! – прокричал И. Ти. – Пожалуйста, минуточку внимания!

Громовое веселье напоминало грохот маленького водопада.

– Слушайте! Перед вами – отличный пример деконструкции. Каждый читатель видит текст по-своему. Но давайте вернемся к «Преступлению и наказанию»... э-э-э ... давайте повторим. Те, у кого с собой есть роман, достаньте. Дело в том, что Илья-пророк находится и в центре этого романа. Я не касался этого прежде потому, что ... потому что не было времени и ... потому, что если Илья центральный символ и в этой истории, то не такой уж он и центральный.

Студенты, которые слушали лекцию, обменялись удивленными взглядами.

Вторая часть лекции И. Ти. – о «Преступлении и наказании»

Открыв первую главу второй части, вы найдете эпизод, когда Раскольникова вызывают в полицейский участок после убийства старухи-процентщицы и ее сестры топором. Обратите внимание, что помощника полицейского надзирателя зовут Илья. У него рыжие волосы (опять огонь), у него молниеносный взгляд, и он «набрасывается всеми перунами» на содержательницу притона. Позже именно

этому Илье признается в убийстве Раскольниковов после того, как в грозу целую ночь шатался по городу. Кроме того, если посчитать, то станет ясно, что гроза и признание Раскольникова приходится как раз на двадцатое июля (по старому стилю), Ильин день. В этот день русские всегда ожидали грозу. Это был очень важный праздник в календаре русской церкви. Десятки тысяч людей собирались, чтобы совершить ежегодное паломничество в церковь Ильи-пророка у пороховых заводов в Петербурге. Гроза, предварившая признание Раскольникова, это огненное проявление Ильи-пророка...

– Профессор Пух! – тот же паренек в очках снова подал голос. – У меня Раскольников отказывается от признания. Его сестра берет вину на себя, но присяжные на суде не пришли к единому выводу.

Веселье возобновилось. Другой голос продолжил:

– А у меня Раскольников сдался в январе. Была снежная буря, но никаких молний.

Смех гремел над лысеющей головой И Ти, пока он одержимо листал страницы романа. Наконец он нашел сцену в полицейском участке. Но когда он попытался сосредоточиться на тексте, все буквы словно завертелись и затуманились. Затем они перестали вертеться и встали, как и положено, а потом опять затуманились. Текст менялся у него на глазах! Стоял дикий хохот. И Ти захотелось спрятаться под кафедрой. Клочки бумаги летели с задних рядов, но И Ти стоял, как громом пораженный. Он отпихнул книгу в сторону. Страницы перелистнулись на иллюстрацию, где Раскольников, промокший и жалкий, стоял перед помощником надзирателя, готовый признаться. Но внезапно рисунок ожи! Фигуры зашевелились, как в мультфильме! Лицо Раскольникова, смиренное и измученное, обернулось наглой, волчьей усмешкой, когда он вытащил топор из-под пальто и протянул его полицейскому, как будто собираясь сдаться. Но потом он внезапно крепко схватил топор и одним ударом расколол череп полицейского надвое. Он нацепил изрубленную шапку убитого на голову и уселся за

его стол, словно собираясь провести обычный рабочий день в полицейском участке.

И. Ти.согнулся и попытался спрятаться за кафедрой, но у него горели уши от хохота студентов. Студенты подкрадывались к кафедре и заглядывали со всех сторон. Он схватил портфель и бросился из аудитории. Ему вслед неслись выкрики, но он уже ничего не слышал. Образы Колдбурна, поджаренного молнией, и разбитого Хамелеонова пронеслись в его воображении. О, Боже! Будет ли он следующим? Неужели поздно попытаться спасти себя! Что он сделал, чтобы заслужить это? И где ему спрятаться?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ ИЗ ЧЕГО СОЗДАНЫ СНЫ

И. Ти.примчался домой, нацепил свою фланелевую пижаму (с медвежатами на кармашках) и нырнул в кровать. Он находился в состоянии, близком к шоку. Он зарылся головой в мягкие подушки и закрыл глаза. Если бы только все могло бы испариться, как наваждение. Если бы только он мог проснуться и оказалось бы, что все произошедшее – только сон. Что Колдбурна не ударило молнией и что помощники Воланда не распилили его труп пилой, что Хамелеонов не разбился до крови, что слова в романе не менялись под действием черной магии. В конце концов, вся эта чепуха соткана из такого же материала, из чего созданы сны... «Из чего созданы сны» – повторял он, стараясь утешить сам себя и перенестись на дорогу из желтого кирпича, ведущую в другую реальность.

Вскоре желание И. Ти.осуществилась. Он оказался на дороге из желтого кирпича. Он шел по ней как был, в пижаме с медвежатами на кармашках, прямым к таможне. Кроме него в том же направлении двигались еще люди – мужчины, женщины, дети, некоторые в пижамах, другие в нижнем белье, третьи и вовсе голышом. Молочный туман поднимался откуда-то снизу из-под босых ног и уносился к шару, светившемуся сквозь туман. Человек в форме, сидящий

в высокой будке, спросил паспорт И Ти. И Ти, к собственному удивлению, обнаружил его в кармане пижамы. Он не помнил, чтобы положил его туда перед тем, как нырнуть в постель. Офицер едва взглянул на паспорт. И Ти. даже показалось, что он узнал его как частого клиента.

– У вас есть предметы, подлежащие декларации? – спросил офицер с английским акцентом.

– Да, я хотел декларировать, что я голосовал за доктора Мармеладова и что я не виноват....

– Понимаю, – перебил его охранник. – «Виза» или «Мастеркард»?

– Боюсь, ни того, ни другого, – ответил И Ти.

– Нечего бояться, старина! – подбодрил его таможенник. – Я подпишу вам визу.

Офицер нацарапал несколько иероглифов на бланке и передал его И Ти.

– Ну вот, – сказал он, – это даст вам возможность попасть в такие места, куда редко удается попасть другим, куда мудрые люди не отваживаются заходить. Когда вы будете готовы отбыть, просто щелкните рубиновыми каблуками своих туфель и повторите несколько раз: «В гостях хорошо, а дома лучше, в гостях хорошо, а дома лучше...».

– Но у меня нету рубиновых каблуков, – сказал И Ти.

– Тогда вам следует подыскать хороший обувной магазин, – объяснил офицер. Он дружески подмигнул И Ти. на прощание. Долговязый тип в клетчатом костюмчике с пьяной улыбочкой провел его через турникет. Лицо клетчатого показалось И Ти. знакомым, но он не мог припомнить, где он его видел.

Вскоре толпа босоногих странников поредела и И Ти. оказался почти один. Время от времени в тумане то справа то слева возникали и исчезали чьи-то силуэты. Вдруг подъехала элегантная черная коляска и И Ти. забрался внутрь.

– К Федору Михайловичу Достоевскому, прикажите? – спросил кучер.

– Да! Как вы полагаете, застану ли я его дома в этот час? – спросил И Ти.

Кучер достал карманные часы, открыл и поморщился. – Трудно сказать, барин. Он может быть дома. Хотя, конечно, может и не быть.

Пока И. Ти. раздумывал над этим ответом, кучер стегнул пару серых и коляска помчалась по улицам Петербурга. Туман мало-помалу рассеивался, но клубился еще там и сям. Наконец карета остановилась. Кучер открыл И. Ти. дверцу. После того, как И. Ти. вышел, лицо кучера приняло то особое выражение, которое отмечает торжественный миг расплаты после того, как конечная цель достигнута, корабль благополучно миновал Сциллу и Харибду, а также голову Медузы, и пассажир живым и здоровым доставлен к месту назначения.

И. Ти. сунул руку в левый карман пижамы, где обнаружил только несколько рваных и мятых долларовых купюр.

– Принимаете доллары США? – спросил он.

– «Мастеркард».

– Это все, что у меня есть, – ответил И Ти.

– Нет «Мастеркард»?! – недоверчиво переспросил кучер.

– Это все, что у меня было с собой. Я... и понятия не имел....

Кучер смотрел на купюры в немом изумлении. И. Ти. передал ему доллары, пожал плечами, словно извиняясь, и направился к двери квартиры Достоевского, оставив кучера недоверчиво созерцать деньги.

На стук И. Ти. открыла изнуренная старая женщина. Ему едва не сделалось дурно, когда она вперилась в него взглядом своих острых, похожих на черносливины, глаз. Вероятно, его неортодоксальный вид показался ей подозрительным.

– Мадам, я приношу извинения за свой... гм... неофициальный наряд. Но мне необходимо срочно поговорить с мистером Достоевским.

– В последнее время у Федора Михайловича много посетителей. Зачем ты, сынок, хотел его видеть?

– Это имеет отношение к мистеру Мармеладову.

– Понимаю. А визитная карточка у вас есть, молодой человек?

– Н-нет... – И. Ти. сунулся в карман пижамы, но все, что он мог там найти, кроме визы – мятый бюллетень для голосования. Он передал бюллетень женщине и нервно сжал пухлые ручки, объясняя, что он только хотел сказать, что голосовал за Мармеладова. Что это его бюллетень. И что может быть, сударьяна покажет Федору Михайловичу этот бюллетень и все объяснит, и Федор Михайлович примет его.

Старуха взвесила мятый бюллетень на сморщенной ладошке и снова подозрительно посмотрела на И Ти. Затем она исчезла за дверью. И. Ти. расхаживал перед входом взад и вперед, нервно потирая потные руки. Он пытался сосредоточиться на предстоящей встрече с великим мастером, но мысли не желали его слушаться и разлетались, как воробьи. Вскоре старуха вновь появилась в дверях, на сей раз с оскорбленным выражением на старом сморщенном лице. Она вернула бюллетень И. Ти. со словами, сказанными тоном крайнего отвращения:

– У вас тут нос в этой бумажке, сударь!

И. Ти. не мог поверить своим пунцовым от смущения ушам. Он посмотрел на протянутый бюллетень, легонько потянул за один уголок. И точно, нос внутри! У него рот раскрылся от удивления, он попытался оправдаться перед обиженной женщиной:

– Мадам, я... я не имел представления.... Я уверяю вас, я не виноват....

Старуха тихо закрыла дверь, оставив И. Ти. с носом. И. Ти. слышал, как щелкнули запоры. Он осмотрел нос внимательнее. Вероятно, он был отрезан очень острым инструментом, потому что срез был ровный и гладкий. Нос был слегка красноватый, с прожилками, как нос пьяницы. И. Ти. дотронулся до него. Он был прохладный, плотный, и побелел в том месте, где И. Ти. надавил на него. Как будто

он уже видел этот нос у кого-то... Да, конечно, это же нос Мармеладова!

Что с ним делать? Не мог же он встретиться с Достоевским, держа нос Мармеладова в кармане. И. Ти. пришел в замешательство. Он понял, что раз в жизни должен действовать решительно. Он пошел по тротуару, неся нос в пригоршне, как птенца-сироту. Наконец он дошел до моста. Может быть, просто выбросить нос в канал и покончить с ним? Темная вода канала так и манила. И. Ти. склонился над парапетом и приготовился расстаться со своей омерзительной тайной. Она утонет в темной воде и исчезнет навсегда. Или не утонет? Может быть, нос всплывет? И что тогда? Сердце И. Ти. забилося. Ну что ж, он поплывет по течению в море. Или нет, он никуда не уплывет по этой стоячей, навевающей кошмары, канаве. Он будет просто болтаться в грязной воде, как поплавок. Его увидят. Женщины начнут кричать, и нос попытаются спасти, приняв за нос утопленника. Но длинные багры ничего не найдут под носом. Все будут разочарованы и смущены. Они вытаскают нос из воды сеткой на длинной палке, и сгрудятся вокруг, чтобы полюбоваться на странную находку. Нос станет их заботой. А И. Ти. будет от него свободен.

Но тут, когда И. Ти. уже совсем собрался выкинуть нос из теплого гнездышка в холодные воды канала, он вдруг заметил, как с другой стороны моста из тумана появилась какая-то фигура. В тот день И. Ти. видел много разных людей, но этот по некоторым причинам привлек его внимание и посеял тревогу. Это был полицейский. Настоящий полицейский в фуражке с околышем. И. Ти. инстинктивно завернул нос обратно в бюллетень и спрятал сверток в карман пижамы. Полицейский лениво проходил мимо, задержавшись на минуту, чтобы подозрительно оглядеть И. Ти.

И. Ти. развернулся и пошел в том направлении, откуда появился полицейский. Он украдкой оглянулся назад, семена дальше, и увидел, что полицейский сделал несколько шагов в его сторону, прежде чем отказаться от погони. Этим

он словно говорил: «И не вздумай выкидывать свои грязные фокусы тут, подлец!»

И. Ти. прошел мимо ресторана. Это натолкнуло его на мысль зайти, заказать еды, а потом сказать, что он нашел нос в борще или пирожках. Он даже мог бы отказаться платить. Получил бы бесплатный обед. Но нет, не годится. За этим может последовать разбирательство в участке, допрос, обвинение... Он отказался от этой идеи и пошел дальше.

Вскоре он подошел к зданию, где располагалась, помимо прочего, редакция какой-то газеты. «Вот оно!» – подумал И. Ти. Он мог поместить объявление в раздел «Потери и находки». Возможно, кто-то заявлял уже о носе. Кто-то, кому он нужен. В конце концов, такие происшествия бывают на свете, редко, но бывают. Он зашел в редакцию и после долгих поисков нашел нужный отдел. Служащий читал утренний выпуск, погрузившись в свои мысли. И. Ти. слегка откашлялся, чтобы привлечь его внимание. Тот не реагировал. Наконец И. Ти. заговорил: «Простите, сударь! Я хотел дать объявление».

Служащий, вздрогнув от неожиданности, вскочил со стула и помчался было к конторке, где стоял И. Ти, но маленькая, в половину роста дверь, преградила ему путь. Он исчез в задней комнате и спустя несколько минут появился из другой двери.

– Вы сказали, что хотели дать объявление-с?

– Да.

– О чем?

– О носе...

– Вы сказали о носе? Ну что ж, в конце концов, такие происшествия бывают на свете, редко, но бывают. Не так давно у нас тут был человек, который потерял нос. Хм... Ваш, кажется, более или менее на месте.

– О нет, я не терял нос. Я нашел.

– А! Это отдел «Потери». «Находки» дальше по коридору.

И. Ти. направился дальше по коридору, который изгибался как лабиринт – казалось, ему не будет конца. Кое-

где И. Ти. пришлось пробираться на ощупь. Пришлось перелезть через деревянные леса и даже иногда ползти на четвереньках по кирпичным туннелям. Наконец он добрался до ярко освещенной комнаты, где помещался отдел «Находки», о чем сообщала светящаяся вывеска над конторкой. Избавиться от носа представлялось теперь простейшей операцией. После беглого знакомства со всеми важными обстоятельствами, служащий сказал в утешение И Ти:

– Что ж, в конце концов, такие происшествия бывают на свете, редко, но бывают.

Служащий предложил следующий текст объявления:

НАЙДЕНО. НОС. МУЖСКОЙ. В КАРМАНЕ
ПИЖАМЫ ПОД МЕДВЕЖОНКОМ. ОБРАЩАТЬСЯ
В РЕДАКЦИЮ В ОТДЕЛ «ПОТЕРИ И НАХОДКИ».

– Если хотите-с, – добавил служащий, – мы можем оставить пока ваш нос у себя на хранении. До тех пор, пока за ним не придут.

– Что ж, это было бы чудесно, – ответил И Ти. (Какая удача!) – Как вы полагаете, за ним придут?

– Ну... Это нос, сударь. Полагаю, вряд ли тот, кто его потерял, может без него обходиться!

И. Ти. был вынужден согласиться.

Скоро он снова оказался на шумной центральной улице города. Он направился к Достоевскому. Это было где-то недалеко от того места, где он находился. Но внезапно его внимание привлекла витрина магазина, где он увидел пару туфель с чудесными рубиновыми каблуками, которые светились за темным стеклом. Это был обувной магазин Бастера Брауна – такой же, как в его детстве. На входе даже стояла та же волшебная машина с рентгеновскими лучами, которая просвечивала кости стопы...

И. Ти. вошел в магазин и примерил туфли. К сожалению, они были сорок четвертого размера, а И. Ти. носил сорок второй. Он покинул магазин разочарованным,

но решил найти другой магазин Бастера Брауна и такие же туфли своего размера.

Выйдя на улицу, он услышал крики и заметил людей, которые вытягивали шеи, чтобы посмотреть на проезжавшую открытую коляску. В ней сидел худой бородатый человек. Да! И. Ти. не сомневался. Это был Достоевский! Имя великого мастера перелетало с уст на уста. И. Ти. на мгновение застыл в нерешительности. Но затем пришел в себя и бросился следом за коляской так быстро, как только его маленькие толстенькие ножки могли нести его. Его босые ноги шлепали по камням мостовой как свежая камбала по полу рыбной лавки. На короткое мгновение И. Ти. поравнялся с коляской и сумел на бегу, задыхаясь, сказать несколько слов: «Федор Михайлович!... (тяжело дыша, задыхаясь, лоя ртом воздух) Сэр! ... (тяжело дыша, задыхаясь, лоя ртом воздух) Я голосовал за него, сэр...

Но Достоевский только удивленно поднял брови, глядя на сумасшедшего в пижаме, который бросился в нелепую погоню за его коляской. Силы И. Ти. иссякли, коляска катила вперед и скоро исчезла в тумане. И. Ти. пытался остановить экипаж за экипажем, но все кучера вопросительно глянув на странного человека в пижаме, проезжали мимо. Наконец И. Ти. встал посреди дороги, отчего кучеру пришлось остановить дыбящуюся кобылу. И. Ти. забрался внутрь и прокричал: «Следуй за тем экипажем! Это Достоевский! Я должен поговорить с ним!»

Кучер стегнул свою горячую лошадь, и они помчались по гулкой улице в жаркую погоню за исчезнувшим экипажем. Наконец они увидели преследуемый экипаж, но он, казалось, поехал быстрее и оставался наполовину скрытым в тумане. Последовала долгая погоня через мосты и верфи по длинной грязной дороге. Наконец они оказались у собора на окраине города. Коляска, за которой гнался И. Ти., остановилась у ворот. И. Ти. спрыгнул на землю и пошел к воротам, где безмолвные нищие сидели на своих рогожках, протянув руки за милостыней. Но когда они увидели святого простака, входящего в храм, босого, в пижаме с медвежатами на карманах, они осенили себя

крестным знаменем и стали совать монетки в карманы пижамы и в руки несчастного. Внутри стояла приятная прохлада. Священник вел службу, свечи горели у икон в золотых окладах. И. Ти. рассматривал верующих. Некоторые застыли в смиренном поклоне, некоторые стояли на коленях, крестясь и кланяясь долу. Под куполом мчался Илия в небесной выси на огненной колеснице.

И. Ти. не видел Достоевского среди молящихся, но знал, что он должен быть где-то здесь. Его взгляд был прикован к старику сурового вида с густыми бровями, одетому в старинную русскую одежду поверх ярко-красного кафтана. Рядом со стариком стояла молодая красивая женщина, чьи опущенные ресницы, казалось, скрывали бесконечную грусть. Она казалась погруженной в страдание, когда осеняла себя крестом и шептала безмолвную молитву. И. Ти. решил уйти. Он вышел наружу, проходя мимо все тех же нищенков, которые снова начали креститься и совать деньги в карман пижамы и безвольные руки идиота. Затем он стал ждать в тени недалеко от экипажа Достоевского. Вскоре суровый старик вышел из храма и сопроводил свою молодую спутницу к экипажу Достоевского. И. Ти. подошел к ним.

– Простите, спросил он, – это ведь экипаж мистера Достоевского?

Старик только изумленно глянул на сумасшедшего, достал кошелек и протянул И. Ти. красную банкноту.

– Это экипаж мистера Достоевского? – повторил И. Ти, не обратив внимания на деньги.

Старик начал смеяться, а экипаж тронулся и, описав круг, выехал на дорогу.

– Федор Михайлович скончался! – загремел его бас. Затем он рассмеялся диким, громовым смехом и исчез вместе со своей покорной спутницей вдали.

Сердце И. Ти. упало. Теперь он уже никогда не сможет рассказать обо всем Достоевскому, что это не его вина, что он не виноват! Никогда! Даже если впереди целая вечность. Он не знал, сколько может продлиться вечность,

но не сомневался, что очень долго. Его единственная надежда на спасение ускользнула сквозь пальцы.

Он отдал красную банкноту извозчику. Его лицо просияло, он стегнул кобыду. Они с бешеной скоростью помчались в Александро-Невскую Лавру. Становилось чрезвычайно холодно. Снег повалил хлопьями, завывал холодный ветер.

Когда они подъехали к Лавре, И. Ти. пришлось идти пешком, потому что экипаж не мог проехать из-за большого числа скорбящих. И. Ти. пробился к узкому коридору в толпе, который, вероятно, сделали, чтобы пронести гроб. Да! Так и есть! Мастера торжественно несли к его последнему пристанищу. Это был Достоевский, со сложенными руками, погруженный в возвышенные вечные размышления о восхождении по круто закрученной спирали, по которой пролегло его жизненное путешествие. И. Ти. продолжал проталкиваться вперед. Толпа почтительно расступалась перед босым деревенским дураком – точно таким, каких перевозносил великий мастер в своих романах. И. Ти. семеня рядом с гробом, который медленно и торжественно несли к воротам. Он сновал вокруг гроба потирая маленькие ручки, пытаясь привлечь внимание мастера, и даже пробежал под гробом.

– Мистер Достоевский, сэр! Я знаю, что вы слышите меня! ... Я надеюсь, что вы меня слышите ... Вы слышите меня? ... Сэр, я только хотел извиниться за недоразумение с носом Мармеладова. Сэр, я ничего не мог с этим поделать, уверяю вас. Я не имею представления, как этот нос оказался у меня в кармане! Сэр, я хочу, чтобы вы знали, что я голосовал за Юрия Ильича. Не участвовал в этой шайке. Я не виноват, что все так вышло, сэр. Я пытался....

В этот момент тяжелая рука закона легла на плечо И. Ти. – два дюжих полицейских стали оттаскивать И. Ти. обратно в толпу. Значительно позже, после долгой борьбы, И. Ти. снова пробился вперед. Уже готовились закрыть крышку гроба. Было очень тихо, и И. Ти. говорил вполголоса, почти шепотом:

– Мистер Достоевский, пожалуйста, поверьте мне! Нос – не моих рук дело. Я голосовал за Юрия Ильича! ... Что еще я мог сделать? ...

Покойник никак не реагировал на его слова. Неутешная боль переполнила И Ти, когда начали опускать крышку гроба.

– Федор Михайлович, – умолял он, – пожалуйста, поверьте! ... Вы мне верите? ... Верите, сэр?

И тут крышка закрылась. Но на краткий миг ее приподняли снова – совсем чуть-чуть – только для того, чтобы закрыть поплотнее. И в этот миг И. Ти. разглядел лицо мастера сквозь щелочку. Он насмешливо улыбнулся и лукаво подмигнул. Затем гроб закрылся уже навсегда.

И. Ти. охватили паника и ужас. У него кружилась голова. Он выбрался из толпы на Невский и только теперь заметил страшный холод. Он поежился и зашел в подъезд перед тем, как двинуться дальше. Дальше? Внезапно до него дошло, что теперь ему некуда идти. Он стоял посреди улицы, потирая замерзшие ступни о штанины пижамных брюк. Внезапно показались двое смуглых мужчин, видимо цыган.

– Эй, это же моя пижама! – воскликнул один из них.

– Ну да! Это точно твоя пижама! – откликнулся другой.

Две мрачные фигуры приблизились к И Ти. Волосатый кулак размером едва ли не с лысеющую голову И. Ти. возник перед его носом. Другая тяжелая рука начала стаскивать его пижаму.

– Нет! – закричал И Ти. – Прекратите! Это моя пижама! С медвежатами! ...

Он извивался, сопротивляясь, и пытался щелкнуть каблуками.

– В гостях хорошо, а дома лучше – кричал он.

Но его голые пятки издавали только едва слышный стук. Это было бесполезно. Все пропало. Единственное, на что он мог рассчитывать – спасти свою пижаму. Он кричал и извивался, а волосатая рука все крепче тянула пижаму, почти разрывая. И. Ти. упал в снег, крича и пинаясь. Медяки,

которые насовали ему в карманы нищенки, вывалились на тротуар, звеня и подпрыгивая.

– И Ти, проснитесь! Проснитесь, И Ти! – доктор Сандерсон тряс И. Ти. за плечо, стараясь разбудить его и рассказать о драматических событиях, которые произошли в Скотопригоньевске в тот вечер.

Отчет о драматических событиях, которые произошли в Скотопригоньевске в тот вечер, вы найдете в следующей главе.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ ДИСТАНЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В то время, как И. Ти. проходил через таможенно в надежде объясниться с Достоевским, в студенческом телецентре в полуподвале Башни готовились к ежегодной церемонии вручения премии «Лучший преподаватель колледжа».

Наряду с каникулами и большим футбольным матчем с «Горлорезами», командой сельскохозяйственного института из Бойнедельфии, это было одним из самых долгожданных и праздничных событий учебного календаря. В этом году страсти накалились до предела, потому что спонсоры продолжали увеличивать размер приза в течение последних недель, предшествующих марафону.

Доски объявлений на воротах колледжа и внутри ежедневно сообщали свежую информацию о размере суммы, которая перейдет на счет лучшего учителя Волшебного Королевства. На досках объявлений рисовали сундук с сокровищами под черепом со скрепченными костями и водопад золотых сверкающих монет. Сумма приза, которую писали на заветном сундуке, росла день ото дня, пока не достигла цифры в две тысячи девятьсот долларов в день церемонии. Приз был столь желанен не столько потому, что означал кругленькую сумму, но и потому, что означал изрядную прибавку к зарплате, которая сохранялась до самой смерти или до увольнения, что бы ни последовало раньше.

По мере приближения дня церемонии, беспокойство росло с каждым часом. Ставки никогда прежде не были так высоки, и вряд ли кто мог игнорировать слухи, что сумма удвоится или даже утроится к моменту окончания телемарафона. Все преподаватели из кожи лезли, чтобы максимально увеличить число студентов на своих занятиях и поразить студентов широтой эрудиции и заботой об их, студентов, комфорте и успехе. В это время занятия больше напоминали предвыборную кампанию, хотя все обещания представляли собой тщательно завуалированные намеки на годовой средний балл и предстоящие экзамены, а также водопад ежедневных положительных отметок. Несколько особенно рьяных студентов, которые не по своей вине унаследовали ген активизма (или крошечную, S-образную хромосому пресмыкательства) носили плакаты вроде: «Поддержи профессора Лаповку (бухгалтерское дело) – ему есть до нас дело!» или «Отдай голос за профессора Дира (Джек Дира, агрономия)! Группа немецких студентов носила черные повязки на руках с фамилией Hörnerträger'a и ходила гуськом через кампус в бар, чтобы выпить за землячество и братство.

«Вестник Скотопригоньевска» ежедневно печатал статьи о наиболее популярных претендентах. Хельвина послала свое досье в газету вместе с фотографией времен окончания школы, и была страшно разочарована тем, что статья о ней появилась без фото тридцатилетней давности. Но гораздо хуже было то, что статья помещалась рядом с рекламой супермаркета, расхваливающей свиное филе и говяжий язык!

На съемки телемарафона в студию было приглашено около ста пятидесяти студентов, преподавателей и благодетелей колледжа. Их тщательно отобрали и послали им специальные приглашения. Видеосвязь наладили с футбольным стадионом, где собралось большинство студентов, чтобы приветствовать своих претендентов и посмотреть представление на большом экране под табло. Телемарафон транслировался в прямом эфире, что давало возможность жителям Скотопригоньевска, фермерам,

живущим в ближайших окрестностях, и большинству преподавателей смотреть происходящее, комфортно расположившись дома. В прежние годы Колдбурн брал на себя обязанности мастера церемоний. В этом году Воланд любезно отклонил предложение вести церемонию, сославшись на то, что он стесняется камеры. Заменить своего коматозного коллегу в этой роли была избрана Эмили Диксон, немолодой социолог и верная опора программы по женским вопросам.

В тот вечер мне случилось проезжать мимо стадиона. Я услышал шум собравшейся толпы и решил посмотреть шоу. Но около турникета высокий худой человек в клетчатой спортивной куртке предложил мне «местечко в переднем ряду». Он заговорчески подмигнул и позвал меня пойти за ним следом, направившись в сторону Гусиной Трясины, что находилась недалеко от стадиона. Я очень удивился, заметив, что как бы быстро я не ехал на своем велосипеде, долговязый незнакомец каким-то образом умудрялся быть впереди меня на том же расстоянии, с легкостью удлинняя шаг, как будто у него резиновые ноги. Очень скоро мы прибыли в роскошный дом декана Колдбурна, который напоминал каменный замок, с трех сторон окруженный похожей на ров ирригационной канавой, известной как Гусиная Трясина.

Когда мы вошли в замок, меня представили просто как Гейба временному декану Воланду и его коллегам (хорошенькой мисс Гелле, Азазелло – несимпатичному парню с бельмом и торчащим клыком и огромному коту Бегемоту, который, обрядившись в белый фартук, готовил семгу на кухне). Мой высокий гид представился как Коровьев. Я удивился, что ему известно мое имя, потому что не помнил, чтобы я называл себя на стадионе. Я чувствовал, что оказался в весьма любопытной компании и начал подозревать, что это может быть как-то связано с необычным поведением И. Ти. в последние дни. Марафон вот-вот должен был начаться, и все мы расположились у телевизора с «маргаритами» и холодными закусками. Бегемот передал мне «маргариту», а Коровьев пододвинул поближе столик с

закусками. Воланд поставил ноги на маленькую скамеечку и повернулся ко мне.

– Насколько я понимаю, вы писатель, Гейб, – спросил он.

Я вновь удивился, что эти абсолютно незнакомые мне люди имеют доступ к информации обо мне.

– Ну, – ответил я, – на самом деле, я только написал пару пьес. Они никого не заинтересовали.

– Тогда, – ответил Воланд, – вам нужно внимательно посмотреть сегодняшнее представление. Но поменяйте жанр, Гейб. Поменяйте жанр, – он подмигнул мне.

Тут как раз Эмили Диксон появилась на экране и представила двух жонглеров. Все – и публика в студии и на стадионе – радостно приветствовали начало шоу. Жонглеры, видимо, были наделены воистину недюжинным талантом, потому как умудрялись перекидываться шестью булавами, жонглируя при этом еще тремя. Удивительный номер вызвал восторженное ура у студентов и преподавателей (даже, чего таить, и у администрации, которая, как всем известно, видала все, что можно видеть и еще чуть-чуть на оплаченных налогоплательщиками банкетах в других университетах и даже на других континентах).

За номером жонглеров последовала солянка из местных бизнесменов и лидеров студенческих организаций, которые демонстрировали огромные картонные чеки с цифрами своих вложений в общий праздник – начиная от восьмидесяти восьми центов (лавка Гарри «Все по 88») заканчивая тремястами долларов (от сестер Альфа-Омеги). Каждый бизнесмен тепло говорил о «детях Уилбура» и клялся внести большой вклад на будущий год, выражая искреннее желание продолжать служить сообществу колледжа. Некоторые ссылались на медленное развитие экономики и извинялись за скромное вложение, но все выражали солидарность в том, чтобы оказывать поддержку высшим целям и стандартам в обучении американской молодежи. Это желание было талантливо выражено Генри Барфилдом (Закусочная Барфилда за \$36,90):

– Отличное качество образования привело Скотопригоньевск туда, где он сейчас, и вероятно приведет туда, где он будет завтра. Статистика показывает, что качество знаний неизбежно следует за качеством обучения. Я всего лишь держу закусочную и сам не видал этой статистики, но другие люди видели, и они заверили меня, что это действительно так. Кстати, по пятницам у нас специальное блюдо – свиные ребрышки – ешьте, сколько сможете съесть всего за \$3,69.

После представления чеков, как сообщила доктор Диксон, сумма приза перевалила за три тысячи семьсот долларов. Камера на стадионе показала табло, на котором горела цифра \$3791,88.

– Это все для детей Уилбура, – объяснила доктор Диксон. Давайте пригласим некоторых из детей Уилбура!

Студенты колледжа в инвалидных креслах начали выезжать из-за золотого занавеса. Все, впрочем, выглядели вполне упитанными и здоровыми. Одетые в мантии и шапочки с кисточками, они махали и жестами приветствовали своих друзей в студии. Каждую коляску катил профессор, тоже в мантии и шапке с кисточкой. Когда доктор Диксон призвала публику поприветствовать детей Уилбура, рев на стадионе стал невыносимым. Двое «деток Уилбура» вскочили со своих колясок с тем, чтобы раскочегарить толпу, вращая в воздухе кулаками. Наконец шум стих, и пошли документальные кадры про колледж. За кадром звучала запись голоса Уилбура Колдбурна:

– Здесь, в Волшебном Королевстве, нашей первейшей задачей является улучшение качества преподавания. Скотопригоньевск с его атмосферой тихого провинциального городка и живописными окрестностями – озерами, реками и изобильной дикой природой – дает идеальную для обучения среду.

Пока Колдбурн говорил, мелькали кадры Башни, газона перед колледжем и статуи Джефферсона Дэвиса (другого Джефферсона Дэвиса), мецената колледжа, который добился всего благодаря самообразованию. Затем последовали виды Банка Скотопригоньевска, автовокзала,

куда прибывает ежедневный автобус, и беседки в парке со старым локомотивом, по которому лезают дети. Затем показали берега Кабаньей речки и бесконечные камыши Южного Болота. А потом вдруг ферму Гарри Таннера, где свиньи теснились, отпихивая друг друга, у длинного корыта, а рыжие курочки деловито копались в грязной земле.

– Вот оно, Волшебное Королевство, – продолжал голос Колдбурна, – наш коллектив предпринимает все усилия, чтобы обучение было безболезненной операцией. Мнение, что боль является неотъемлемой частью процесса обучения, давно устарело, и мы категорически его отвергаем. Мы стараемся использовать новейшие теории развития и обучения с тем, чтобы устранить все трудные моменты образовательного процесса. Никакой боли, никакого напряжения. Естественно, у студентов есть индивидуальные потребности. Не все студенты учатся одинаково. Обучение должно быть терпеливым и прощающим. Преподаватель несет ответственность за то, чтобы подобрать методы, подходящие для каждого студента. И прежде всего, хороший учитель всегда помнит, что не все студенты имеют способности к их предмету. Таланты распределены неодинаково. Здесь в Волшебном Королевстве мы верим в положительное подкрепление. Оценки должны быть наградой за успех, а не наказанием за неудачу. Строго говоря, студенты не могут потерпеть неудачу в обучении, а вот преподаватель может потерпеть неудачу в выборе задания – которое не вдохновляет и не продвигает студента в познаниях. Благодаря прогрессивным программам, таким как наша Ежегодная церемония, мы прививаем преподавателям глубокое уважение к мнениям, желаниям и потребностям каждого отдельно взятого студента. Мы верим, что все студенты рождены равными и – если во-время платят за обучение – наша цель сохранить это равенство всеми способами.

В то время, как Колдбурн рассказывал, кадры видеозаписи демонстрировали чудеса уважения преподавателей к студентам: профессор, который вежливо придерживает дверь для грушки счастливых студентов,

входящих в аудиторию, профессор, который терпеливо дает второкурснице Мэри Лу Уолкот четыре попытки найти Мадагаскар на карте мира и сердечно улыбается, когда ее неуверенный пальчик наконец движется в сторону восточного побережья Африки. Голос Колбурна продолжал:

– Лучшие студенты, представители нашей прекрасной страны, собраны в Волшебном Королевстве, в котором никогда не прекращается процесс усвоения знаний.

В это время пошла кадры, демонстрирующие студентов, которые снова и снова обжигают себе пальцы, упрямо стараясь присоединить электрическое устройство в физической лаборатории. Затем фокус сдвинулся на Студенческий центр поддержки, где студенты лежали в солнечных очках и наушниках и отдыхали на терапевтических кушетках. В другой комнате девушка-советник читала из учебника отдыхающим студентам и периодически проверяла пульс.

Наконец рассказ Колбурна подошел к заключению:

– Здесь в Волшебном Королевстве для нас самоочевидны следующие истины: все люди созданы равными; все граждане имеют право на обучение в колледже. Плати за обучение – получишь результат, то есть диплом. Учение без напряжения. Наконец-то нашлось место демократии в учебе. За студентами теперь последнее слово. Сегодня, студенты, у вас есть возможность поупражняться в применении своего права формировать будущее нашего учебного заведения, выбрав и наградив лучшего профессора Волшебного Королевства. Используйте свое право свободно, но ответственно, помня, что вы теперь взрослые и что даже если вы сами еще не платите налогов – ваши родители являются налогоплательщиками. Используйте свое право объективно и разумно, как и должны поступать взрослые. И пусть выиграет самый лучший педагог!

По окончании речи поднялся воодушевленный гул на стадионе. Сюжет был тщательно рассчитан по времени – испытывал терпение студентов ровно столько, сколько они могли терпеть и ни минутой больше. Еще бы минута или две

душеспасительных рассказов Колдбурна – и единичные свистки выросли бы в мощное крещендо, напоминающее рев сорока львов, рвущихся из цирковых клеток обратно в бесконечные пространства африканской саванны. Видеосюжет закончился как раз в ту минуту, когда мог сорвать овации не только внимательно слушающего меньшинства, но и всех остальных. Вторые, правда, хлопали не столько содержание речи, сколько ее окончанию.

В камере возникло лицо Эмили Диксон с восторженной улыбкой на устах.

– О! Как чудесно слышать голос доктора Колдбурна! Как бы я хотела, чтобы он сегодня был с нами, а не а не.....

Азazelло нажал кнопку на своем пульте и внезапно его голос (из-за клыка говорил он немного в нос) раздался в студии:

– А не в морге, вы хотели сказать, мисс Диксон?

Глаза мисс Диксон едва не повыскакивали из орбит от удивления.

– А не в коме....

– Ну что ж, тогда продолжайте, – милостиво разрешил голос в студии. – Вперед!

Студенты смеялись и одобрительно покрикивали, услышав таинственный голос, считая его частью сценария. Командовали выкриками студенты в инвалидных колясках. Один даже встал и кувыркнулся через голову, прежде чем радостно плюхнуться обратно в свое кресло.

– Ну что ж, – продолжала доктор Диксон, – давайте подсчитаем голоса без дальнейших церемоний.

Открылся золотой занавес позади нее, открывая студентов, сидящих за телефонами, которые уже зазвонили. Внизу телевизионного экрана появился номер телефона.

– Я думаю, вы знаете правила. Сначала молодые люди, сидящие за телефонами, определяют кандидатов по звонкам телезрителей. Голоса, отданные за каждого, будут сосчитаны, и десять номинантов станут нашими финалистами. Тут решение будет за студентами – за тем, насколько громко они прокричат за своих кандидатов. И,

наконец, результаты студенческого голосования преобразятся с помощью изумительной формулы, выведенной в офисе декана с неоценимой помощью математического факультета. Давайте поприветствуем математический факультет!

Раздалось нестройное приветствие математическому факультету.

– Как вы знаете, эта формула дает непосредственное представление о том, сколько каждый преподаватель проводит времени на занятиях со своими студентами. Качество помноженное на количество – вот что значит высокий класс обучения в Волшебном Королевстве и ... большие бабки счастливчику, которого выберут. Ну что ж, давайте начнем церемонию!

Студенты со всех углов студии вскочили со своих мест и выстроились в очередь, чтобы поддержать своего любимого преподавателя. Были подняты плакаты с портретами кандидатов, и студенты скандировали имена своих любимых профессоров. Скандировали и на стадионе, но куда громче. Теперь зрелище напоминало одновременно футбольный матч и политический съезд. Каждое братство и женская община выдвигало своего кандидата. Праздничные черные и синие вымпела реяли в высоте. Желтые и оранжевые столбы света пробегали по лицам собравшейся толпы. Каждый пытался шуметь погромче за своего кандидата, чтобы прибор, регистрирующий уровень шума, зафиксировал как можно более высокие показания. Хаотически верещали рожки и трещотки. К телефонам стояли длинные очереди.

Наконец, на телеэкране над головами телефонных операторов-добровольцев из Альфа-Омеги начал появляться список кандидатов. Они побеждали и по количеству телефонных звонков и по показателям шумовой шкалы. Фаворитами оказались профессор истории, профессор английского, профессор математики – и И. Ти. Пух. Внезапно стадион взорвался оглушительными криками, поскольку цифра на табло превратилась в \$5000.88. табло замигало, и фейерверк осветил сумеречное небо оранжевым, черным и синим. Все собравшиеся окончательно

разогрелись и пришли в окончательную готовность к действиям.

Когда радостные крики стихли, студенты в телевизионной студии начали выступления в пользу своих кандидатов, а толпа на стадионе смотрела на экран. Приветственный гул усиливался после каждого высказывания, отчего стрелка на шкале шумометра подскакивала до шести и даже до 6,5. Однако настоящий шум на стадионе возник после высказывания за доктора Пирра, профессора истории. Его показания по шкале составили 8,3, но его победа была недолгой, потому что показания подскочили до 9,0 за доктора Шарон Теккерей, профессора английского. Судя по визгу и писку, большинство ее поклонников составляли девушки. Но это как раз в порядке вещей, да и визжали все-таки не только девушки. Доктор Теккерей была щедро вознаграждена за то, что служила молодым женщинам образцом для подражания.

Казалось, что именно доктор Теккерей уйдет домой в лавровом венке (и с большими баксами), но неожиданно доктор Годфри Ракеев, профессор математики, набрал 9,4 на шумовой шкале. Лиз Хаббард поведала исключительно трогательную историю о том, как он лично помогал ей на экзамене управиться со счетной линейкой, потому что она всю ночь напролет готовилась к экзамену и очень устала, чтобы работать самостоятельно.

Тут И. Ти. набрал 9,2 после рассказа одного студента о его, И. Ти., выдающихся человеческих качествах и о мастерстве сделать великую русскую литературу близкой жизни современных студентов. Эмоциональные, сердечные истории продолжались до тех пор, пока показания шумометра не составили: Пирр – 8,9, Текерей – 9,2, Пух – 9,2, Ракеев – 9,4. Но после того, как на редкость благодарная студентка страстно рассказала, что доктор Пух должен быть награжден за его гибкость, терпимость и уважение к личности, которое выражается в том, что он позволяет каждому студенту развиваться со своей скоростью, и за то, что он задает на экзамене вопросы типа «как эта повесть может повлиять на нашу жизнь?» – И. Ти. внезапно получил

9,9! Это было как гром среди ясного неба. Никто не ожидал, что И. Ти. пойдет так далеко. 9,9 – неслыханное показание в истории соревнований. Предыдущий рекорд составлял на три десятых меньше. Многие полагали, что не обошлось без синхронно шумящих трещоток или еще чего в этом роде, но эти подозрения оказались беспочвенными. Соревнование приближалось к концу – табло показывало, что до конца оставалась минута. Казалось, что перекрыть И. Ти. никому уже не удастся, но лихорадка толпы не стихала, подогреваемая скорым оглашением результатов.

В этот момент Воланд нацелил на телевизор пульт и сказал: «Знаешь, Гелла, я не уверен, что правильно понимаю, о чем говорят эти студенты. Давай посмотрим, нельзя ли выяснить получше...».

Вдруг большая стрелка на табло словно обессилела и повисла – пыталась сдвинуться вверх, но не могла. Абигаль Уильямс, одна из юных студенток, которая так высоко оценила доктора Ракеева, прыгнула вперед и вырвала микрофон из рук другой студентки.

– Вот что я имела в виду: доктор Ракеев всегда дает нам заранее вопросы к тесту. Он не садист! Он не Мармеладов! Он не воспекает страдание и человеческую трагедию. Он хочет, чтобы мы получили свою степень и убрались отсюда к чертям – как раз то, чего мы и сами хотим.

Воланд еще раз щелкнул кнопкой пульт и пояснил:

– А, вот теперь я понимаю, чего она хочет!

– Господи, прямо не верю, что я это сказала! – воскликнула Абигаль, возвращая микрофон и убегая в смущении, так быстро, словно пленку прокручивали с ускорением.

Стрелка на табло начала было подниматься, но потом снова упала, когда Азазелло щелкнул своим пультом. Студентка, которая так высоко отозвалась об И Ти, что он набрал 9,9, теперь сунула свое круглое лицо едва ли не в самую камеру, всего в нескольких сантиметрах от нее. Быстро жуя свою жевачку, она закричала:

– А у И. Ти. можно пропустить почти все занятия и просто прийти на экзамены, и получить «4» или «3».

Пропустить все занятия, конечно, нельзя, потому что занятия должны быть, понимаете? Кто-нибудь должен все равно время от времени ходить на занятия. Это такая работа в команде. Сегодня один, завтра другой. Без занятий как будто и колледжа нет, а значит нет и диплома.

Рьяная студентка выдула большой пузырь, который лопнул, когда задел линзу камеры. Затем ее лицо исчезло из виду. Остальное было видно через смутную пелену розовой жевательной резинки. Аззелло снова щелкнул пультом, и визга стало не слышно.

Доктор Диксон появилась из-за декораций и объявила, что несмотря на технические проблемы с табло время истекло. Настало время судьям, прячущимся за сценой, подсчитать окончательные результаты. Сторонники профессора Пуха ликовали. Казалось, победа была у них в руках.

Аззелло нажал на кнопку, и доктор Диксон продолжала сквозь сжатые зубы:

– Что черт возьми происходит? И что за ублюдки куролесят с нашим шоу?!

Еще одно нажатие на кнопку, и Эмили Диксон вспыхнула от смущения. Она закрыла свое розовое личико руками так, что только буколки на седой голове было видно, когда она убежала за сцену. Золотой занавес опустился, скрывая операторов из «Альфы-Омеги», и на сцене снова появились жонглеры, приветствуемые бешеными аплодисментами студии. На сей раз они жонглировали пылающими факелами Прометея, перебрасывая их высоко над головами «детей Уилбура», которые боязливо поеживались, когда пламя взлетало вверх. Но тут Коровьев дотянулся до своего пульта, и горящие факелы как по волшебству превратились в горящие цифры! Притихшая аудитория в студии и на стадионе взорвалась бурными аплодисментами. Огненные единицы, тройки и семерки летали в воздухе от жонглера к жонглеру. Аплодисменты усилились, когда цифры стали множиться. Пятерки, девятки и целый поток шестерок метался взад и вперед так часто, что жонглеры едва с ними справлялись. Пот струился по их

смуглым лицам, и казалось, неловкие цифры стали обжигать их проворные пальцы. Но количество горящих цифр продолжало расти, они начали валиться на детей Уилбура и сопровождающих их преподавателей. Кисточка на шапочке одного из студентов загорелась, а горящие цифры продолжали все падать и падать, пока дети Уилбура пытались затоптать пламя. Веревка, на которой крепился занавес, начала тлеть как сигара, как раз тогда, когда доктор Май Донг с математического факультета вышел объявить решение судей.

– Рейди и джентрьмены! Я рад объявить лезурьтаты. Пять тысяч дорраров достаются Годфли Лакееву!

Сторонники доктора Ракеева, опьяненные сладкой победой, вскочили со своих мест и махали руками, приветствуя своего кандидата. На стадионе между парнями из братства «Пи Ро Мания» (сторонники Годфри Ракеева) и парнями из братства «ХиХиХи» (которые поддерживали Пуха и считали, что у них украли победу) началась драка. Небольшая драка переросла в крупную потасовку, в результате которой несколько десятков девушек оказались пригвожденными к стене. Они беспомощно пищали в агонии, хватая ртом воздух и, возможно, размышляя о великом послании, которое снизошло на человечество из другой, высшей реальности: что хотя студенты теперь свободны и демократия пришла в образовательный процесс, власть все-таки еще в руках администрация. Фейерверки взрывались над стадионом, освещая ночное небо. В это время в студии доктор Донг звонил профессору Ракееву с тем, чтобы узнать его реакцию:

– Годфли Лакеев, вы счастливы что вас выбрали?
Азазелло щелкнул пультом, когда доктор Ракеев отвечал:

– Да, конечно, доктор Донг. Глэдис всегда хотела побольше. Я имею в виду, что мы живем в материальном мире, в конце концов. Мы не можем питаться просфорой. Если налогоплательщики хотят более хороших учителей, как я, то во имя бога они должны раскошелиться! Если вы хотите хорошую электрическую газонокосилку, придется заплатить

за нее хорошие деньги. Мы не можем игнорировать основы торговли. За качество нужно платить. Так же и с хорошими учителями как я. Перед ними нужно потрясти капустой, или они не поднимутся, когда будет нужно. Если не будет капусты – не будет качества – не будет Ракеева!

Затем последовали краткие поздравления от других преподавателей в студии. Первым говорил Hörnerträger:

– От имени факультета современных языков я хотел бы поздравить профессора Ракеева и математический факультет с заслуженной честью. Поражение других в этом году послужит вдохновением для того, чтобы быть лучше в следующем. Мы предпримем все усилия для того, чтобы увеличить число наших студентов и пройдем эту дополнительную милю, чтобы убедиться, что желания и ожидания студентов удовлетворены...

Внезапно Азазелло влез прямо в телеэкран, схватил Hörnerträgers за грудки и втащил его плечи и голову в комнату, где сидели мы с Воландом.

– А Достоевский? – требовательно прогнусавил Азазелло. – А Достоевский будет удовлетворен? – Азазелло неистово потряс Hörnerträger'a. – Ну, так что с Достоевским? Что там о первопроходцах науки? Об «острие»?

Азазелло отвесил Hörnerträger'у шесть быстрых пощечин. Коровьев приставил к голове Hörnerträger'a бритву, сверкающую как молния. В панике Hörnerträger попытался схватить бритву за ручку, но вместо этого ухватился за лезвие. Кровь хлынула из его ладони. Его рот распахнулся от боли, и огромная подоженная хлопущка, напоминающая шашку динамита, оказалась у него между зубов, бог знает откуда. Зрители в студии были изумлены. Сквозь шум борьбы они слышали голос Азазелло и видели ноги и нижнюю часть туловища Hörnerträger'a, но его голова и плечи исчезли прямо в камере. Затем раздался гром небесный. Hörnerträger ощутил сокрушительный удар по раздвоенному подбородку (железный кулак Азазелло) и рухнул на спину на полу телестудии. Хлопущка взорвалась у него между зубов, отчего он лишился сознания и почернел лицом.

Профессор религиоведения, Сэм Пэрриш, который украл свои речи любыми событиями в колледже, но опоздал к началу телемарафона, ринулся на сцену, надеясь остановить неистовство силой молитвы.

– Мы молим Тебя, Господь, избавь нас от сатаны, дьявола, ревушего льва, змия, врага всех добрых людей. Да не послужит ему наша злоба и зависть, пусть с этого дня и вовеки веков пребудет с нами любовь, да будем мы добры друг к другу и да простит нас Господь...

Но в этот момент длинный пастуший посох появился из-за сцены и аккуратно вытолкнул доктора Пэрриша со сцены туда, откуда он пришел. К этому времени горящие цифры в студии плодились сами собой совершенно бесконтрольно. Жонглеры старательно пытались ловить их, но им приходилось все чаще и чаще облизывать обожженные пальцы, а потом они и вовсе бежали со сцены, потому что проклятые цифры все продолжали падать сверху – бог знает каким образом. Когда жонглеры удрали, Эмили Диксон вышла к камере с блаженной улыбкой, не обращая внимания на огненный дождь, бушующий вокруг нее. Молитвенно сложив ручки, она восторженно объявила:

– Господа! У нас есть для вас невероятно приятный и самый неожиданный сюрприз! Декан Колдбурн почтил своим визитом нашу студию. Он снова на ногах, и пришел поздравить доктора Ракеева и истинных победителей соревнования – детей Уилбура!

Ошарашенная публика в студии и толпа на стадионе забыла вражду и обиды, чтобы встретить Колдбурна овацией, когда он появился из-за сцены. По прибытии впрочем, стала заметна некоторая неестественность походки. Ноги его (а также руки и шея) двигались несколько с трудом, что вероятно вполне нормально для человека, через чье тело прошел ток в семьсот тысяч вольт. Появление декана явилось чудом. Человек вернулся с того света чтобы снова пройти по полу Башни, даже и хромя. Такая мысль мелькнула у тех, кто стоя аплодировал Колдбурну в студии и

на стадионе, где его пришествие можно было наблюдать на большом экране.

Но дети Уилбура и их сопровождение со своего места на сцене разглядели кое-какие крошечные детали во внешности декана, которые ускользнули от внимания тех, кто видел его на расстоянии. Даже при том, что они отчаянно топали по горящим мантиям и шапочкам, дети Уилбура различали швы, напоминающие молнии на шее и лбу Колдбура. А еще они разглядели небольшие резиновые пробки, торчащие из артерий на шее декана с каждой стороны. И ощущали мертвенную тяжесть походки, и безразличие во взгляде и слегка подрагивающую верхнюю губу, обнажающую верхние зубы, тосковавшие по ... одному дьяволу известно по чему там они тосковали! Его воротничок и галстук были сильно накрахмалены.

Говоря кратко, можно сказать, что для тех, кто видел декана близко, стало очевидно, что декан так до конца и не оправился от смерти. Когда он доволочил ноги до своих детей, они побросали борьбу с упрямым пламенем, которое никак не желало гаснуть. Одна из студенток с визгом убежала, толкая свою коляску. Паника распространилась и среди других детей Уилбура и их сопровождающих, которые разбежались в разные стороны, бросив свои инвалидные кресла. Декан Колдбурн продолжал идти вперед к камере.

– Я очень рад, – начал он дребезжащим, замогильным голосом.

Но как раз в этот момент веревка, поддерживающая верхнюю балку, перегорела, и балка с тяжелыми прожекторами верхнего света рухнула на пол. Сначала были просто облака пыли, дыма и осколков, но затем балка, золотой занавес и вся сцена загорелись. Колдбурн стоял неподвижно, недостижимый для языков пламени, которые лизали его штанины без особого эффекта.

– Мои дети! – дребезжал он, – где мои дети?!

Он пробирался среди пламени на ощупь, очень потерянный и смущенный с виду. Публика покинула студию. Вдалеке завывали сирены. Колдбурн слепо уставился в камеру, но она вдруг треснула, очевидно из-за жары. Толпа на

стадионе видела, как покрытое шрамами лицо декана на минуту заполнило собой весь экран прежде, чем он обратился в желтую пустыню горячего песка.

Половина студентов захотели посмотреть пожар в студии и бросились к выходу со стадиона, чтобы бежать к Башне. Два или три раза вспыхнули зарницы, освещая облако дыма, рвущееся из нижних этажей Башни. Творилось что-то непонятное. Те, кто так торопился покинуть горящее здание, теперь почему-то стояли у окон и дверей первых двух этажей и отчаянно жестикулировали. При свете зарницы стала очевидна причина столь странного поведения. Весь газон вокруг Башни кипел аллигаторами. Твари окружили все здание и теперь атаковали двери, щелкая огромными челюстями и били хвостами словно хлыстами. С первого этажа доносились крики, а в окнах металась силуэты людей, мечущихся из комнаты в комнату. Очевидно, некоторые из аллигаторов уже пробрались внутрь.

Почему так случилось – бог знает. Возможно, что-то случилось в атмосфере и запустило генетически обусловленный механизм, который заставил аллигаторов бросить привычные места обитания. Но возможно была и другая причина. В любом случае, в тот год аллигаторов расплодилось невероятное множество, и зрелище глазам предстало ужасное: тысячи маленьких аллигаторчиков, аллигаторих и отвратительно огромных аллигаторов, ползающих здесь и там, кусающих друг друга при вспышках зарниц и пытающихся пролезть поближе к Башне. Аллигаторы все продолжали подползать с ближайших болот. Крики, раздающиеся то там то здесь провозглашали появление рептилий на опасно близком расстоянии.

В это время пожарные машины наконец прибыли. Им удалось приблизиться к Башне не ближе, чем на сорок метров – дальше невозможно было проехать из-за рептилий, раскинувшихся живым ковром. Аллигаторы разорвали несколько пожарных шлангов, что заставило машины отступить метров на десять. К этому времени в южном конце Башни пламя поднялось от телестудии вниз на четвертый этаж. Пожарные прицепили шланг к гидранту около корпуса

Гримм, но когда открыли кран, там не оказалось воды. Подъехал пожарный водовоз, но тушить же пожар оттуда, где стояли машины, было бессмысленно.

Съемочная группа, закончив вещание, подтянулась со стадиона. Вокруг при свете зарниц сновали полицейские, размахивая пистолетами и удерживая разгоряченную толпу студентов от места происшествия. Незадолго до пожара видели бродягу по имени Слик, который шатался недалеко от студии и лил какую-то жидкость в основание Башни. Все жители Скотопригоньевска могли подтвердить, что видели Слика в городе. Обычно он болтался около почты и предлагал дамам облизать марку для конверта за пять центов. Вышло постановление об его аресте. Всезнайки и пророки говорили:

– Я знал, что его давно надо было упечь.

– Они должны были предвидеть! Ясно же, что парень ненормальный...

Наконец пошел дождь. Это был настоящий тропический ливень из тех, к которым привыкли на юге. В ту ночь мы находились в самом центре грозы. Молнии разрезали небо, грохотал гром. Полицейские немедленно промокли до нитки. Рубашки буквально прилипли к полным телам, а на значках плясали и вспыхивали отблески молний. Пожарные отступили к своим машинам и натянули плащи. Несмотря на дождь, пламя полыхало все выше и выше, поднимаясь внутри здания, недостижимое для бушующего снаружи ливня. Полицейские принялись стрелять по аллигаторам, прикончив несколько десятков, но это только разозлило тварей, которые ринулись теперь на полицейских, заставляя ретироваться лучших мужей Скотопригоньевска.

Когда прибыло еще три пожарных расчета из соседних районов, было решено направить все три шланга на аллигаторов, чтобы расчистить дорогу бедолагам, запертым в Башне. Пожарные выстроились в ряд и включили свои шланги. Дюжина храбрых мужчин, вооруженных топорами и огнетушителями, стала продвигаться за пожарными со шлангами. Рослые пожарники продвигались вперед шаг за шагом, пробивая

дорогу среди разозленных аллигаторов. Двенадцать смельчаков шли след в след за пожарниками, удерживая животных отвратительной белой пеной огнетушителей. Перепаханный тысячей тяжелых аллигаторских брюх, газон превратился в болото жидкой грязи. В некоторых местах грязная вода доходила до колена, и пробираться было тяжело. Опасность заключалась в том, что аллигаторы могли разорвать шланги позади пожарников. Шланги пытались прикрыть лестницами, но все равно опасность оставалась.

Прибывали машины скорой помощи и катафалки, готовые увозить несчастных. Пожарным никак не удавалось прогнать шесть или семь тварей, упрямо ломящихся в центральную дверь в Башню. Они оставались безразличными к струям воды, под давлением бьющим в их древние лбы. Пожарники выяснили, что наиболее эффективный способ борьбы – направлять струи воды в глаза и раскрытые пасти. Это помогло удерживать тварей на некотором расстоянии, пока поднимали лестницу к навесу над входом.

Вскоре пленники стихии выбрались на крышу навеса над крыльцом. Сопровождаемые дюжиной смельчаков и тремя рослыми парнями со шлангами, они медленно продвигались через ливень и прибывающую воду к машинам скорой помощи. Это весьма напоминало переход через Красное море, только вода была куда грязнее, а впереди не было ни Моисея, ни Чарлтона Хестона, чтобы обеспечить успех. Зрители в отдалении приветствовали спасение радостными возгласами. Но тропический дождь продолжался, и пламя в Башне бушевало.

Повреждения у жертв были в основном незначительные, но всех доставили в больницу для осмотра. Эмили Диксон была среди тех, чью жизнь только что спасли. Когда ее на носилках погружали в скорую, она вдруг вспомнила: «Декан Колдбурн!» Она истерически кричала: «Декан Колдбурн все еще там! О, господи!»

Аллигаторы плотно запечатали проход через Красное море, и их, казалось, стало даже больше. Даже храбрейшие из людей не отважились бы пересечь болото во

второй раз. Пламя бушевало почти в каждом окне Башни. Аллигаторы лезли с наглым видом по балконам и грызли перила. Внезапно в главном входе показался Колдбурн. Молния полыхнула, и камера захватила изменившееся лицо Колдбурна в шрамах, даже на видео передавая выражение болезненной меланхолии, запечатленное над его бровями и в невидящих глазах.

И тут произошло событие, которое можно считать самым загадочным во всей моей хронике этой катастрофы. Когда я видел это по телевизору, я не мог поверить своим глазам, хотя Воланд и вся компания смеялись от души. Дело в том, что аллигаторы буквально склонили головы перед Колдбурном, когда он проходил, позволяя ему ступать по их головам и перейти через болото даже не замочив ног! Аллигаторы ни разу не покусились щелкнуть на него зубами – ни разу! – как будто он был их брат, как будто они были одной крови – он и они. Все застыли не веря своим глазам, глядя как Колдбурн ступает весьма тяжело, но спокойно среди кипящих аллигаторов и забирается в катафалк.

– В морг! – продребезжал он.

Увидев это через окно скорой, доктор Диксон потерял сознание. Машина, в которой она находилась, немедленно помчалась в больницу, скользя по жирной грязи около корпуса Гримма. Катафалк Колдбурна был устойчивее и мирно катил по прибывающей грязи в сторону Амбарной улицы.

Все ожидали, что тропический ливень скоро кончится, но он полил еще сильнее. Молнии несколько раз попадали в деревья. Дождевые струи лупили по земле с бешеной яростью, поток болотной воды вынудил пожарные машины отъехать подальше от Башни. Пожарные теперь могли только сидеть в кабинах машин и смотреть, как огонь поглощает Башню.

Затем неожиданно земля задвигалась под ногами. Потоки воды хлынули в основание Башни. Полицейские и пожарные отъехали еще дальше и заставили телегруппу работать с безопасного расстояния. Раздался жуткий скрип и стон, когда Башня слегка накренилась на одну сторону.

Топкая земля стала скользить. Водители в панике слишком быстро пытались отъехать назад от опасного места. Пожарные машины сталкивались с полицейскими. Ужасный всасывающий звук сопровождал глубокий подземный грохот, когда Башня начала тонуть.

– Воронка! – закричал один из полицейских. Это слово вскоре эхом зазвучало со всех сторон, когда третий и четвертый этажи Башни медленно исчезли под землей.

– Гигантская воронка, черт побери! – бормотал начальник пожарного расчета в рацию.

Аллигаторы сползали с балконов Башни в воду, но большинство из них тут же уносило потоком, и они могли только беспомощно бултыхаться, когда их затягивала под землю сила, с которой им еще не приходилось сталкиваться прежде. Пламя шипело, и облака дыма и пара поглотили Башню по мере того, как она исчезала в бездне. Она тонула как корабль в море, который покинули матросы, капитан, и даже крысы взобрались на верхушки мачт и нюхают воздух, а корабль кренится на одну сторону, издавая стоны и треск, медленно погружаясь в водную могилу. Телекамера запечатлела события наилучшим образом, дав крупные планы уходящей в мерзкую грязь верхушки Башни. Но короткий момент она помедлила, омытая дождем и освещенная бушующим светом молний. Аллигатор, бывший на время царем горя, соскользнул со своего трона на вершине Башни и его немедленно поглотил смертоносный поток. Голубая вилка молнии ударила во флагшток на вершине, испепелив флаг секундой раньше, чем Башня пропала в бездне навеки. Огромная грязевая воронка оторвалась, пока флагман Юга погружался все глубже и глубже во чрево земли. Произошло небольшое извержение, как будто от подземного взрыва, и в ночное небо полетела грязь, сучья, трупы аллигаторов... Дождь понемногу утих, продолжая поливать землю, а молнии полыхали в небе. Под освещенными блеском молний тучами пузырилось и светилось жутким фосфоресцирующим светом болото, где прежде стояло самое высокое здание Скотопригоньевска.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ТИШЕ ВОДЫ, НИЖЕ ТРАВЫ

Небольшой сук еще в самом начале урагана проломил крышу в доме доктора Сандерсона, отчего тот пропустил большую часть марафона, расставляя по полу мансарды тазы и ведра, чтобы собирать потоки дождевой воды. Но он видел вынужденное исчезновение Hörnerträger'a в камере и разрушение Башни. Он смотрел и не верил глазам своим: каждая вспышка молнии, казалось, добавляла новое звено к цепи ассоциаций, которые вызывали события, передаваемые с экрана: Hörnerträger – вспышка, раскат, гром! – Достоевский – тарарах, бах, бум! – Мармеладов – свет, раскат, громохание! – тонущая Башня – вспышка, бум! – И Ти. Да, И. Ти. предупреждал их! Теперь весь Скотопригоньевск в опасности, как он и предсказывал! Но что же делать? Куда бежать? И. Ти. – вот кто должен знать!

Доктор Сандерсон потянулся, чтобы выключить телевизор, но внезапно огромная кошачья лапа вылезла из экрана и пригвоздила его руку к кнопке. Польшнула молния, экран перегорел, кот, хрипло мякнув, затащил лапу обратно в телевизор. Доктор Сандерсон облизнул кровотокающую руку и выбежал под тропический ливень. Он попытался с разбега запрыгнуть на велосипед, но промахнулся и упал в грязь, поднялся, попробовал еще раз, уже не так прытко, и покатила в сторону дома И Ти. Дорога шла как раз мимо дома Hörnerträger'a. Тут необходимость вынудила доктора Сандерсона действовать более решительно, чем он бы осмелелся в другое время. Он бросил велосипед у высокого крыльца, поднялся по ступенькам и позвонил в звонок – не предупредив заранее о своем визите! Ответа не последовало. Он позвонил снова. Снова нет ответа. Конечно! Hörnerträger'a наверняка увезли в больницу с порезанной рукой! Но вероятно еще не поздно предупредить Хельвину! Он потрогал ручку двери. Дверь была не заперта. Сандерсон забежал внутрь и закричал: «Хельвина!». Его голос эхом разнесся под высокими сводчатыми потолками, но ответа не последовало. Большое блюдо красных слив отсвечивало на

столе в столовой. Оленья голова над камином, казалось, с подозрением смотрела на ночного посетителя. Флейта Hörnerträger'a, немая и одинокая, лежала на каминной полке.

Тут я должен добавить, что Hörnerträger очень гордился своим умением играть на флейте. Дважды в семестр Хельвина устраивала праздничные посиделки в своем роскошном доме, на которых Hörnerträger неизменно скромно сидел у мерцающего камина и исполнял несколько классических пьес для своих коллег. Они благоговейно слушали, а после устраивали джем-сэйшн. Пристойле становился рядом с Hörnerträger'ым и дупил в бубен, Хенрик Икота выделял кренделя по комнате, пощелкивая испанскими каштаньетами. И. Ти. колотил в там-там, украшенный ярко раскрашенными перьями и бычьими головами. Фрау Фрейлин завешивала свет и скользила среди гобеленов, пытаясь воспроизвести движения Айседоры Дункан, которая пыталась воспроизводить движения танцующих менад. Хельвина подавала вино и играла вместе с Салли на сковородах разных размеров. Полосатая кошка смотрела на них широко раскрытыми глазами с оттоманки, а потом уходила в тень за пальмой в горшке. С наступлением вечера ученые беседы становились все более специальными. Разговор с повышения зарплаты переходил на численность студентов, деньги на путешествия и способы уменьшения нагрузки. Когда речь заходила о «связях» (то есть о том, кто ближе стоит к различным комитетам по распределению грантов и как можно воздействовать на этих суровых мужей), Hörnerträger чувствовал, что и к нему все это тоже как-то относится, а потому становился более сосредоточенным на беглой игре на клавишах флейты. В конце концов, наука, как и алхимия, имеет свои сурово охраняемые секреты. С чего вдруг кто-то должен делиться с непосвященными тайнами вселенной, добытыми годами упорного труда в лаборатории? Позднее веселье переносилось на задний двор, (в Hinterland, как любовно называл это место Хельмут) для игры в крокет, поджаренных ребрышек и дальнейших музыкальных интерлюдий под древними дубами. Уилл Салли должен был поддерживать огонь, пока Хельвина в черно-оранжевом

купальнике приглашала всех нырнуть в джакузи. Hörnerträger поджигал спирали от комаров и все потягивали вино у джакузи, пока Хельвина демонстрировала чудеса дрессировки полутораметрового питона-боа, который нежно обвивался вокруг ее тела.

Теперь доктор Сандерсон бежал из комнаты в комнату в поисках лучшей половины Hörnerträger'a, но нигде не мог ее найти. Он решил больше не искать и направился к выходу из роскошного дома, но неожиданно услышал смех, доносившийся с заднего двора. Джакузи! Она была в джакузи! Доктор Сандерсон помчался на задний двор, где под навесом на полу из красного дерева стояла джакузи, с криками «Хельвина, Хельвина! Это наказание за Мармеладова! Башня исчезла! Она утонула! Провалилась к черту!»

Хельвина слегка вскрикнула. Только тогда доктор Сандерсон заметил, что лучшая половина заведующего не одна в джакузи. Она сидела на коленях своего лучшего студента, Баки Слая, для которого она написала отличное рекомендательное письмо для приема в аспирантуру. Оба они были в нарядах Адама и Евы, но Баки стыдливо прикрыл крошечные груди лучшей половины Hörnerträger'a своими большими, мозолистыми руками. Из магнитофона тихонько доносилась скрипичная соната.

– Может быть, И. Ти. знает, что делать, – продолжал доктор Сандерсон запыхавшись. – Хельмут уже сегодня на себе почувствовал, что такое острие науки. Его увезли в больницу, я полагаю. Это из-за Достоевского. Может быть, если вы найдете Воланда и извинитесь перед ним за Юрия Ильича... Может быть, тогда все закончится ... и Скотопригоньевск будет спасен ...

Тут остолбнение Хельвины прошло, и она сказала, скрежеща зубами:

– Ах ты сукин сын! Подумать только – ворваться в чужой дом! Убирайся к черту отсюда!

Она швырнула бутылку с маслом для тела в доктора Сандерсона, и она разбилась у его ног. Он убежал,

поскальзываясь на деревянном полу, а вслед ему гремели проклятия:

– Мерзавец! Никакого уважения к другим людям! Я уж прослежу, чтобы этот маленький извращенец в жизни не получил повышения! ...

На улице доктор Сандерсон забрался на велосипед и снова отправился сквозь сумасшедший дождь к дому И Ти. Дверь была открыта, поэтому он сразу побежал в спальню И Ти, где нашел своего коллегу свернувшимся под одеялом в позе эмбриона.

– И Ти, просыпайтесь, – твердил он, теребя пижаму.

– И Ти, началось! Башня исчезла! И Ти, просыпайтесь!

И. Ти. брыкался, вцепившись в свою пижаму, пинаясь и извиваясь как будто от боли.

– И Ти, просыпайтесь!

И. Ти. проснулся и сощурился, с ужасом глядя на доктора Сандерсона. Он натянул одеяло на голову, и выглядывал из-под него, как трусливый солдат выглядывает из своего бункера в раскаленное небо пустыни. При свете отдаленных молний И. Ти. разглядел, что его коллега совершенно промок.

– И Ти, вы были правы. Они не оставят камня на камне от города. Башня просто провалилась к чертям – сторела и утонула в трясине. Hörnerträger получил все, что причитается за Мармеладова. Они грубо обошлись с Hörnerträger'ом. Не так грубо, как с Хамелеоновым, но показали ему, что такое острие науки, так сказать – его левая рука изрядно порезана. Молнии приносят много ущерба. Этому, возможно, не будет конца, И. Ти. ...

Глаза И. Ти. теперь были широко открыты. Он съежился, когда молния польхнула над домом и раздался громкий раскат грома.

– ... Возможно, нам следует бежать из города? ... – предположил доктор Сандерсон.

– Поздно, – ответил И. Ти. хриплым, как у гнома голосом. – Достоевский, Мармеладов ... Бегством не спасись ...

– Я пытался заставить Хельвину пойти к Воланду и извиниться, но она, кажется, не беспокоится о том, что происходит. И Ти, может, нам следует пойти к Воланду и извиниться?

Тут над крышей раздался такой раскат грома, что почтенные доктора пригнули головы.

– Ханс, вам доводилось читать в Библии такие слова: «И всех собрали, чтобы судить живых и мертвых. И двое живых шагнули вперед перед Илией и Архангелом Михаилом и сказали: Мы просим прощения, Ваше Величество, за то, что сделали. И Илия и Архангел Михаил погладили этих двоих по голове и сказали им: «Можете отправляться в рай. Придерживайтесь правой стороны, проходя через ворота и не грешите больше. И двое извинившихся прошли сквозь ворота в рай и поселились в доме Господа вовеки веков». Помните вы такие слова, Ханс?

– Нет...

– Потому, что их нет в Библии.

– Послушайте, а за что нам, собственно, извиняться? Мы поддерживали Мармеладова. Это вот Хельвина и Хельга пытались смешать его с грязью.

– А Достоевский?

– ??

– А что Достоевский, Ханс? Разве мы поддерживали его?

– Послушайте, И Ти, я не по русскому специалист...

– Но вы же с одного отделения с Юрием Ильичем.

– Да, но моя ответственность где-то заканчивается.

– А где же она начинается и продолжается?

– Ну, начать с того, что я не читаю по-русски...

– Ну язык-то вы не проглотили? Можно же спрашивать.

– Да кто вы такой, чтобы судить? Вы-то по-русски читаете, но ... вы прочитали книгу Мармеладова?

– ... В том-то и дело.

Их глаза встретились в то время, как доктор Сандерсон обдумывал слова И. Ти. в молчании. Где-то в отдалении раздался гром, последовала яркая вспышка

молнии и страшный грохот за окном И Ти. Старый дуб свалился на землю, оцарапал стену снаружи и выбил окно. Доктор Сандерсон в испуге вскочил на кровать. После некоторого колебания он спросил:

– Что по-вашему мы должны делать?

– Нам остается только одно, – спокойно ответил И Ти. – Сидеть тише воды, ниже травы.

Над их головами снова прогремел гром.

– Вы позволите?... – робко спросил доктор Сандерсон. И Ти приподнял одеяло, и доктор Сандерсон, с которого все еще лилась вода, забрался в убежище И Ти. И Ти потянулся за ночником и тремя книжками, которые лежали на полу возле кровати. Снаружи продолжала бушевать гроза, а одеяло И Ти, поддерживаемое двумя задами, начало мерцать неестественным голубым светом.

Была половина второго ночи. В городе полыхали пожары. Большая часть Скотопригоньевска осталась без электричества. Известили губернатора Беллингема, и из чрезвычайных происшествий события были официально переведены в разряд катастрофы. Одно крыло корпуса Гримма получило сильные повреждения от пожара, но лингвистическая лаборатория и редкая коллекция вавилонских черепков остались нетронутыми. После катастрофы уцелели немногие аллигаторы, в основном те, что подоспели после того, как земля уже раскрылась и поглотила свои жертвы. Более мелких особей отловили и отвезли на дальние болота, а тех, что побольше и вполне отвечали за свои действия, казнили напоказ.

Башня исчезла бесследно. Земля поглотила самое высокое здание в Скотопригоньевске вместе с огромным бассейном грязи, который образовался вокруг него. Все, что осталось – огромная яма семьдесят метров в диаметре и неопределенной глубины. Дым и пар поднимался из темной глубины до трех часов утра. К рассвету яма достаточно просохла для того, чтобы спуститься по ее крутым краям. Данте Талахаси, наш уважаемый геолог из Тироля, прибыл на место в шипованных ботинках, опустился в яму и исследовал ее со всех возможных сторон. Он сказал

репортерам, что в жизни не видел ничего подобного, хотя заметил некоторые черты сходства с кратером Везувия.

Я покинул Волада и компанию около полуночи, вскоре после того, как Башня исчезла. Я хотел увидеть место происшествия своими глазами. Я расстался с Воладом неохотно, потому что замок Колдбурна стал к этому моменту самым центром событий. Волад продолжал орудовать пультом, а Азазелло и месье Коровьев колошматили одну испуганную физиономию за другой – Коровьев вытаскивал жертвы из телевизора с помощью длинных, словно резиновых рук.

Когда я приехал к колледжу, место происшествия уже была оцеплена. Добровольцы из Пи Гамма Гамма в миккимаусовских желтых дождевиках уже помогали полиции удерживать студентов подальше от запретной зоны. Все хотели посмотреть таинственный кратер. Прибыл архитектор Башни и истово клялся репортерам, что фундамент разработан так, чтобы выдержать хоть две Башни. Директора были явно смущены исчезновением своих офисов, этакое нервное центра всего заведения. Репортеры начали задавать скользкие вопросы о том, как могло случиться, что Башня потонула как раз во время телемарафона. Мог ли стать причиной происшествия заложенный недовольным студентом или преподавателем динамит? Арест профессора Пуха всколыхнул много вопросов. Какое отношение ко всему происходившему имеет Достоевский, которого, кажется, уже и в помине нет? Следуя приказу проректора, администрация не давала комментариев.

На улицах и в закулочных ходило множество самых разных предположений. В большинстве своем, они сосредоточивались вокруг фигуры Слика, бродяги, которого видели выливающим какую-то жидкость в основание Башни. Старый Бык Хендрикс, которого можно встретить в баре «У Чарли» в любой день недели, первым предположил, что Слика нанял какой-нибудь недовольный профессор, чтобы поджечь бензином заложенную бомбу. Профессор этот – скорее всего Пух, проигравший в телемарафоне.

У теории Быка Хендрикса было много сторонников, но она оставляла некоторые вопросы без ответа. Как, например, профессор Пух мог заранее знать, что проиграет? И кто мог так быстро закопать под Башню такое количество динамита? Некоторые полагали, что телемарафон был подстроен, и Пух решил все взорвать, когда узнал о заговоре. Другие полагали, что отсутствие Ламбады во время происшествия весьма подозрительно, но стойкие фанаты футбольной команды обиделись и принялись защищать честь президента колледжа кулаками. Драка у Чарли закончилась в половине третьего. Дело обошлось несколькими сломанными пальцами и фингалами, все рассталось друзьями.

Около трех утра, когда закрыли бар, я направился к дому И Ти. Все еще шел сильный дождь, и на улицах по колено стояла вода. Дом И. Ти. серьезно пострадал. Несколько окон было выбито, огромный дуб повалился вдоль стены, перерезав все провода и задев часть стены и крыши. Сук другого дерева проломил крышу, отчего осыпался камин. Велосипед доктора Сандерсона лежал у крыльца. К моему удивлению, сияющий мерседес Nöbnerträger'a стоял тут же. Зад машины был сильно поврежден, вероятно, упавшим деревом, подумал я тогда. Косяки входной двери покосились, и она не закрывалась.

Я проскользнул в дверь и вошел в гостиную. Шторы колыхались на сквозняке (тянуло в выбитые окна). Штукатурка потрескалась, и вода капала с потолка на персидский ковер. Вода хлюпала у меня под ногами, когда я проходил в столовую. Казалось, дома никого не было. Я тихонько постучал в дверь спальни И Ти. Мне показалось, что оттуда доносится чей-то голос, но на стук никто не ответил. Я слегка приоткрыл дверь. В комнате, освещенной далекими вспышками молний, было холодно и темно. Большой заостренный сук с ободранной корой торчал в потолке. Затем я заметил, что кровать И. Ти. слегка мерцала, словно большой голубой купол, напоминающий НАО. Голос затих, когда я вошел. Затем он продолжал:

«К десяти часам надвинулись со всех сторон страшные тучи; ударил гром, и дождь хлынул, как водопад. Вода падала не каплями, а целыми струями хлестала на землю. Молния сверкала поминутно, и можно было сосчитать до пяти раз в продолжение каждого зарева».

Другой голос продолжил чтение:

«— Подожди, Евграф Ларионыч! — вскричал дядя, — умоляю! Еще одно слово будет, Евграф, одно только слово....»

Сказав это, он отошел, сел в углу, в кресло, склонил голову и закрыл руками глаза, как будто что-то обдумывая.

В эту минуту страшный удар грома разразился чуть ли не над самым домом. Все здание потряслось. Генеральша закричала, Перепелицына тоже, приживалки крестились, оглупев от страха, а вместе с ними и господин Бахчев.

— Батюшка, Пля-пророк! — прошептали пять или шесть голосов, все вместе, разом».

Возникла небольшая пауза, прежде чем первый голос закончил сплывым, как у гнома голосом:

«Но в эту самую минуту в конторе произошло нечто вроде грома и молнии. Поручик, еще весь потрясенный непочтительностью, весь пылая и, очевидно, желая поддержать пострадавшую амбицию, набросился всеми перунами на несчастную «пышную даму», смотрящую на него, с тех самых пор, как он вошел, с преглупейшей улыбкой.

... — Опять грохот, опять гром и молния, смерч, ураган! — любезно и дружелюбно обратился Никодим Фомич к Плье Петровичу».

Как я позднее узнал, Höfnerträger'a силой забрали из больницы огромный черный кот и коренастый парень с бельмом и клыком. Они отвезли его к домашнему очагу в коляске довоенного немецкого мотоцикла. Он все еще был не в себе от взрыва и все время бормотал «Kugelblitz....»

Kugelblitz». Совершенно промокнув и все еще в рогатом племе викинга после поездки на мотоцикле, он обнаружил свою лучшую половину в джакузи с Баки Слаем – и пришел в ярость. Он развернулся и направился в гараж в поисках оружия, крича по пути: «Schweine in meinem Jacuzzi! Diese Frau ... sie ist mein Stalingrad!»

Баки Слай схватил свою одежду и со всех ног бросился бежать по затопленной улице. Хельвина выпрыгнула из джакузи, но поскользнулась в луже пролитого масла и порезала правую руку о разбитое стекло. Hörnerträger примчался из гаража с вилами, но испугался, увидев кровавый след, ведущий в спальню жены. Дверь была закрыта. Он подумал, что она вскрыла себе вены. Он минуточку подумал, не оставить ли жену истекать кровью. В конце концов, в этом случае его шашни с барышней из Штутгарта сойдут с рук. Но нет, решил он. Это будет плохо выглядеть. В колледже пойдут разговоры (если колледж все еще есть). Он набрал девять – один – один – медленно и неуверенно – но телефон молчал.

Тут как раз приехал Тфуттинутти на своем фиате, у которого таинственным образом отказали тормоза, и он врезался в мерседес Hörnerträger'a. Теперь у Hörnerträger'a не было выбора. Они с Тфуттинутти барабанили в дверь к Хельвине, но она только театрально всхлипывала у трюмо, изучая свое трагическое лицо с разных ракурсов. Наконец Hörnerträger схватил топор и прорубил большую дыру около дверной ручки. Тфуттинутти повернул ручку, и они открыли дверь.

Разразилась истерическая сцена со слезами, взаимными обвинениями и праведным негодованием. Она обесчестила семейный очаг. Она укусила руку, которая кормила ее. Он никогда ее не понимал. Он игнорировал ее, заставляя жить отдельной жизнью. Присутствие Тфуттинутти несколько смягчило драму. Он перевязал порезанную ладонь Хельвины, щедро полив ее сначала спиртом, что вызвало поток элегантных славянских восклицаний сквозь стиснутые зубы Хельвины.

Вскоре прибыл Уилл Салли на велосипеде, весь грязный от макушки до пят и с дыркой в голове. Он находился в состоянии шока. Долговязый бандит вытащил его из постели и препроводил за дом к курятнику для «допроса». Он приставил ко лбу Салли маузер и попросил перевести три повседневные фразы на три иностранных языка. Салли попытался припомнить свое верное практическое правило: «Избегай контактов с носителями языка». Но правило не помогло, и он не выполнил ни одного задания. Затем негодяй прижал маузер к его лбу и предоставил последний шанс остаться в живых, ответив на вопрос.

– Была ли гроза в тот день, когда Фому Фомича выгнали из Степанчикова?

– Ну, – начал гадать Салли, – Может быть, и не было грозы в тот день в Степанчикове?...

Салли не угадал. Негодяй спустил курок, раздался выстрел чудовищной силы и Салли растянулся на полу курятника. Было бы преувеличением сказать, что вся его жизнь промелькнула у него перед глазами, но он припомнил Мармеладова и свое голосование против него. Куры возмущенно кудахтали и перепархивали с места на место по курятнику. Салли подумал, что это последнее, что он видит в жизни и дальше будет чернота. Но грандиозное шоу продолжалось, так сказать. Он отчетливо видел черно-белый куриный помет на полу, и ощущал отражения молний, все еще бушевавших над Скотопригоньевском. Когда ему удалось подняться на ноги, долговязого бандита уже не было. Салли пощупал бумажник. Тот был по-прежнему в кармане, но когда Салли открыл его, обнаружилось, что он пуст. «Чисто сработано», – подумал Салли, все еще считая, что того и гляди потеряет сознание. Он потрогал рану на лбу, полагая, что нащупает кровь, но – но крови не было! Только дыра причудливой формы. Он посмотрел на себя в зеркало ванной. Точно, в голове была дыра! Подковообразное отверстие, через которое было видно свечку, горящую на полке позади него! Он снова припомнил Мармеладова.

Потом предупреждения И Ти, которые все пропустили мимо ушей, как вздор. И. Ти. должен знать, что происходит! Он бросился к своему велосипеду, чтобы отправиться к И Ти, но когда доехал до развилки, решил поехать к Hörnerträger'u. В конце концов, это внутреннее дело отделения, и Hörnerträger строго-настрого запретил действовать в обход него. Десять Галлонов послушно повернул налево, вместо того, чтобы повернуть направо. По мере того, как он ехал все быстрее и быстрее, ветер свистел в его голове, и в его мозгу начали вырисовываться давно забытые формулы аэродинамики.

Фрау Фрейлин приехала к роскошному дому Hörnerträger'a вскоре после Салли. Она тоже чувствовала, что все происходящее как-то связано с Мармеладовым, особенно в свете загадочного упоминания о Достоевском во время телемарафона. Однако отнюдь не отсылка к Достоевскому заставила ее тронуться в путь. И не потоп в доме, не протекавший потолок или осколки хрусталя, которые усыпали пол в столовой. Дело было в ее языке. Около двух часов ночи она почувствовала что-то неладное. К половине третьего язык охватила спазмы, отчего он начал сам собою высовываться изо рта, как будто она собиралась поймать им слепня. К тому же, язык словно бы рос! Фрау Фрейлин посмотрелась в разбитое зеркало столовой и ужаснулась, увидев, что кончик ее языка раздвоился. Ее язык теперь был розовый, раздвоенный и узкий. И вибрировал, выстреливая изо рта с бешеной скоростью на целых двадцать сантиметров. С ней приключилась истерика, как всегда бывает в таких ситуациях. Она попробовала позвонить своему гинекологу, но телефон молчал, тогда она набрала номер косметолога, и, к ее удивлению, телефон по-прежнему молчал. Она металась от зеркала к зеркалу, надеясь, что все не так плохо, как отразилось в том первом, разбитом зеркале. Тут она услышала голос разума, который говорил в нос и исходил, как казалось, из телефонной трубки на стене в столовой. Голос вещал:

- Подождите одну минуту. Успокойтесь. Давайте обдумаем все спокойно. Может быть, это не такая уж

большая потеря? Почему мы всегда судим о женщинах с позиций патриархальных представлений о женской красоте? Почему у всех женщин должна быть узкая талия, нежная кожа, чувственная грудь, никаких шрамов – и короткий, закругленный язык, который никогда не высовывается далеко изо рта?

Фрау Фрейлин вскрикнула и попыталась прикрыть шустрый заостренный язык руками. Она схватила трубку чертыхаясь, как грузчик, гневно швырнула ее на пол. Осколки пластика разлетелись по полу, но голос разума не замолк:

– Нет, нет. Давайте попробуем быть объективными. То, что кажется потерей, может обернуться большим приобретением. Взять хотя бы ваш язык. Вообразите себя в итальянском ресторане с тарелкой шикарных спагетти. Только подумайте о своих преимуществах! Или подумайте, как быстро вы сможете теперь печатать! Или обо всех трудно достижимых местечках. Подумайте об эrogenных зонах! ... Но самое главное: подумайте обо всех этих змеиных колкостях, которые вам приходилось отпускать раньше. Теперь можно не ходить вокруг да около, можно сразу вцепляться в глотку!

Фрау Фрейлин замахнулась большой китайской вазой (с розовым драконом) и швырнула ее в непослушный телефон. Попала прямо в точку. Голос разума смолк. Она схватила желтый шарф, чтобы хоть как-то прикрыть язык, и направилась напрямиком к Hörnerträger'u, слепо надеясь, что кто-нибудь сможет ей помочь. Когда она приехала, профессор Тфуттинутти, Hörnerträger, Хельвина и Салли изучали ее мутировавший язык. Hörnerträger и Тфуттинутти высказывали искреннее сочувствие, но Хельвина буквально давилась от смеха над невезением фрау Фрейлин. Когда фрау Фрейлин демонстрировала бесконтрольное движение языка, Хельвина даже решила передразнивать движение жала фрау Фрейлин. Но ее веселье сменилось ужасом, когда она почувствовала, что теряет контроль над движениями. Ее собственный язык начал высовываться дальше и чаще. Он рос! Она побежала в ванную и посмотрелась в зеркало.

Точно! Он раздвоился на конце и рос с каждой минутой. Она никак не могла контролировать его движения. Фрау Фрейлин обрела сестру по несчастью. Две дамы присели на кровать и рыдали друг у дружки на плече, а их раздвоенные розовые языки выстреливали наружу.

В это время Hörnerträger и Тфуттинутти изучали дыру в голове Салли. Они определили, что она имеет форму подковы и образует сквозной туннель в голове. Hörnerträger заглянул внутрь, но констатировал, что не увидел ничего достойного внимания. Профессор Тфуттинутти залез мизинцем внутрь отверстия, но мог сказать только что дыра внутри на ощупь как моцарелла. На большом пальце правой руки у Салли появилась загадочная татуировка – крошечные буквы, выписанные причудливой спиралью, – заменили привычный отпечаток пальца. Почтенные доктора дивились, глядя на мелкий филигранный шрифт с завитушками и, наконец, смогли разобрать слова с помощью лупы: «Избегайте контактов с носителями языка любой ценой».

Когда Калин, Пристойле и Икота прибыли, они принялись обсуждать загадочное явление.

– Должно быть научное объяснение всему происходящему, – говорил Калин.

– Да, – подал голос Пристойле, – возможно, радиация ...

– Или ядовитые отходы? – предположил профессор Тфуттинутти. ...Может быть, это объясняет поведение аллигаторов?

– ?

– ??

– ???

– Вы говорите о генетических мутациях, – возразил Калин. – Они требуют длительного времени. А тут все случилось внезапно.

Наконец они решили поехать к И. Ти. и попытаться выяснить все как следует. Все забилась в мерседес Hörnerträger'a и отправились к И Ти. Путь таинственно освещали молнии, мстительно преследовавшие их всю дорогу, несколько раз ударив в машину и выведя из строя

фары и отопление. К тому времени, как они прибыли к дому И Ти, правые руки Икоты, Пристойле, Тфуттинугти и Калина, к всеобщему ужасу превратились в устрашающие скорпионьи клешни. Однако куда страшнее был носорожий рог, который проглянул между глаз Hörnerträger'a и рос с пугающей быстротой. Он забавно дополнял рога на викингском мотоциклетном шлеме, который тот до сих пор не снял со времени похищения из больницы.

Когда я приехал около трех часов ночи и открыл дверь в комнату И Ти, все девятеро коллег устроились под мерцающим одеялом на огромной постели И. Ти. с водяным матрасом. Они сидели, опершись на локти и колени, сбившись в кружок в середине кровати, где мерцание было ярче всего. Сиплый голос читал:

«Едва только произнес Фома последнее слово, как дядя схватил его за плечи, повернул, как соломинку, и с силой бросил его на стеклянную дверь, ведущую из кабинета во двор дома. Удар был так силен, что притворенные двери распахнулись настежь, и Фома, слетев кубарем по семи каменным ступенькам, растянулся на дворе. Разбитые стекла с дребезгом разлетелись по ступенькам крыльца.

— Гаврила, подбери его! — вскричал дядя, бледный, как мертвец, — посади его в телегу и чтоб через две минуты духу его не было в Степанчикове!...

... — Прибавлю еще, что в эту минуту разразилась сильная гроза; удары грома слышались чаще и чаще, и крупный дождь застучал в окна.

— Вот-те и праздник! — пробормотал господин Бахчев...»

Молнии продолжали обрушиваться на деревья. Раскаты грома напоминали бомбежку Дрездена. Мне вдруг пришла в голову мысль, что эти люди, вероятно, впервые сидят вот так вместе, чтобы ... одному богу известно...

Вспоминая, что произошло в тот день, я часто пытался представить каково это для девяти ученых мужей и жен было прятаться под одеялом И. Ти. с высовывающимися

языками, скорпионьими клешнями, рогом на лбу, загадочной подковообразной дырой в голове, тихим сильным голосом как у шамана... Добавьте к этому угрозу удара молнии... Должно быть, страшно было под одеялом. Но в то время я еще ничего не знал о таинственных метаморфозах и дыре в голове Салли. Я чувствовал, что преступаю границы приличий, стоя здесь незамеченный – как будто ворвался в исповедально или на поминки. Я решил найти Мармеладова и оставил их под светящимся куполом, девять вздымающихся задов, отмечающих места, где девять ученых мужей притихли, ниже травы, тише воды, опасаясь меча Истины, которая переживет их всех.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ НЕОТЛОЖНЫЙ ВОПРОС

Я поехал к Мармеладову в надежде найти его и рассказать обо всем, что случилось в эту полную событий ночь. К несчастью на его конце Северного Болота дорогу совсем размыло, и я пробирался к его дому пешком по колено в воде около трех миль. У его дома я был около половины пятого утра. Во время грозы болото поднялось и сомкнулось вокруг старого деревянного домика, который снимал Мармеладов. Построенный без фундамента, дом, казалось, поднялся над водами наводнения как хижина на сваях в глуби тропических лесов Амазонки. Старый ржавый меркюри, относительно безопасно припаркованный ближе к шоссе, выглядел как никогда сияющим в отблесках молний. Я ожидал, что Мармеладов скорее всего спит, но я должен был его видеть. Было слишком много вопросов, которые требовали немедленных ответов. Кто на моем месте не захотел бы знать?

Спускаясь с шоссе и пробираясь к дому, я увидел желтый свет, который отбрасывала масляная лампа. Через дверь я разглядел, что Мармеладов спит на веранде на старой кушетке. В ответ на мой стук он только храпел и что-то бормотал во сне. Как только я вошел, с моих ботинок и

штанов на деревянный пол ручьями полилась болотная жижа.

Я попытался разбудить Мармеладова, но он был пьян и сопротивлялся моим попыткам поведать ему последние новости. Я схватил его за воротник рубашки и хорошенько начал трясти, пока он не приоткрыл глаза.

– Юрий Ильич, вы меня слышите? Вы уже знаете?
Юрий Ильич!

Он открыл рот, но не последовало ни звука.

– Вы слышали о Башне? Она сгорела, а потом утонула.

– Утонула? – бессвязно пробормотал Юрий Ильич.

– Да! На самом деле! Она погрузилась под землю и исчезла. Ее больше нет!

– Больше нет?

– Ну да. Больше нет. Все по телевизору показывали. Если, конечно, у вас был свет. Половина города сидит в темноте. И пожары повсюду. Все началось во время телемарафона.

Поскольку Мармеладов продолжал смотреть на меня непонимающе, я счел нужным пояснить:

– Церемония награждения.

– Ее больше нет.

– Ну да. Целая чертова Башня просто взяла и провалилась к чертям в преисподнюю.

– И что ... есть жертвы? – спросил он.

– Ну, я точно не знаю ... то есть, конечно же, жертвы есть, но .. там уже все оцепили. Я был с Воландом и Коровьевым. Это они устроили так, чтобы Башня утонула. Своими пультами дистанционного управления. Я в этом убежден. Я видел, как это случилось. Я был с ними в замке Колдбурна. Они показали Hörnerträger'u, что значит быть на острие науки и выпустили изрядно крови, – я поднялся со стула и налил себе стакан джина. У меня кружилась голова. Я чувствовал, что заболеваю. Я добавил немного спирита в свой джин и попытался припомнить вопросы, которые я хотел задать Мармеладову.

– Юрий Ильич! ... Юрий Ильич, – тянул я его за рукав. – Юрий Ильич, это правда, что ..., – я потряс его за плечи. Он слегка приоткрыл глаза как раз в ту минуту, когда широкая молния полыхнула в далеких темных небесах.

– Юрий Ильич, вы действительно считаете, что сделали величайшее открытие в истории достоевения?

Он попытался поднять руку, чтобы указать на меня, но смог только нечленораздельно произнести:

– Ты меня... уважаешь? – затем он рухнул обратно на кушетку. От него пахло спиртным, табаком и чесноком.

Я попытался заставить его отвечать мне:

– Юрий Ильич, вы думаете, вы лучше их всех? ... А? ... Вы лучше всех? Вы туз? ... Думаете, открыли Америку? Думаете, что Америку открыли?

Все было бестолку. Юрий Ильич был пьян, как стелька. Я решил подождать до утра, чтобы получить ответы на свои вопросы. У меня голова шла кругом от водоворота сегодняшних событий, но, по крайней мере, джин слегка снял лихорадку. Я стянул с себя мокрую одежду и плюхнулся на диван в гостиной. Засыпая, я слышал храп Мармеладова и отдаленное ворчание грома.

Позднее – должно быть, перед самым рассветом, потому что небеса уже слегка посерели – я проснулся от звука голосов. Все, что слышал и видел, я воспринимал через искривленную призму лихорадки – я даже признаю, что все это мог быть только сон. Глумливое лицо Коровьева возникло перед моими глазами. Он насмешливо мне подмигнул и сказал:

– Надеюсь, происходящее не пошатнет вашу веру в свободную волю, Гэйб. Такого рода прямое вмешательство в людские дела не каждый день случается, знаете ли... Это как погода: сегодня здесь – завтра там. И потом: мы же всегда предоставляем выбор: свобода или хлеб. Хлеб всегда легче выбрать. Вы тут приглядывайте, – продолжал Коровьев. – Объективный хроникер поможет жителям Скотопригоньевска разобраться, что случилось.

Коровьев подмигнул и исчез. Закрывая глаза я слышал, как захлопнулась скрипучая входная дверь. Я

подумал, что сплю, и видел Коровьева в нелепом сне. Но затем я услышал шум моторов и вскочил с дивана, чтобы проверить, не во сне ли. Четыре машины тронулись вверх по шоссе: два форд-мустанга, джип бронко и старый ржавый меркьюри Мармеладова. В слабом утреннем свете я не мог разглядеть подробностей. Все, что я видел, – это огромного черного кота, который сидел в бронко высунув наружу кончик хвоста. Он вложил пальцы в рот и так оглушительно свистнул, что оконное стекло передо мной треснуло, и большая ветка дуба рухнула на дорогу как только проехали машины.

Я проверил веранду и спальню – Мармеладова нигде не было. На столе рядом с масляной лампой лежали его бумаги. Они были, надо признать, в большом беспорядке. Часть из них, очевидно, относилась к рукописи «Тайного кода Достоевского», часть примешалась из других рукописей. Вино, табачные крошки и жир от блинов прочно сцементировали их. Я прошелся по археологическим слоям и нашел перевод, который недавно появился в разделе «Любимые рецепты» в «Вестнике Скотопригоньевска», где экономный редактор дал его в строку, как прозу, чтобы сберечь место. (Вообще-то, в «Вестнике» нет специальной полосы для поэзии, но редактор всегда рад поместить местное творчество, что, впрочем, случается нечасто).

Это было то самое «эротическое» стихотворение, о котором столь негодующе сообщила Хельвина:

Half the moon's unfathomed secrets glowed on her brow then, it seemed, as it nodded earthward between starry ringlets of Spanish moss and forgotten dreams. Inquisitive spirits hovered above the singing hacienda and winged their way through the window, incognito, under cover, (pious crickets, praying manti, ladybugs and cicadas) to wonder how eyes so dark caress the heart with light all-seeing, warm and everlasting. Stopping time temporarily, she lengthened the night by one small eternity and poured out for me a momentary salvation, a bittersweet communion, sensuous and neverlasting. The warm earth sang and stars swarmed overhead, and round and round night's beehive spun – womb of sweeter, warmer days to come. I marvelled at the curve and firmness of lips which

brought the Conquistadors to their knees. Nothing said of that inner sanctum where Madonnas with child peer chastely from walls of mother-of-pearl. I hurried home to peruse The Conquest of Mexico and The Conquest of Peru, and vowed to pray on Resurrection Day – to light three small candles at the chapel and whisper sweet hosannas to each slope and twist and turn of the Sierra Madre. I'll weave these songs into my humble psalter, but, God, I long to touch the little altar, to forget all sin and shame and burn in tortuous tongues of flame.

Я искал в этих стихах скрытых непристойностей, которые разглядела лучшая половина заведующего отделением, но с моими скудными способностями к интерпретации литературных произведений это задание оказалось мне не по силам. Но я, конечно, не литературный критик.

Я продолжал листать бумаги Юрия Ильича. И те, что были на столе, и те, что лежали в трех ящиках под столом. Все бумаги были в большом беспорядке. Листы перемешались по мере того, как Юрий Ильич перескакивал от одной работы к другой. Проза переходила в поэзию, и поэзия обращалась в прозу. На самом деле Юрий Ильич разделил рукописи, используя в качестве закладок отказы от примерно двадцати издательств. Каждое письмо содержало стандартную формулировку: «Предлагаемая вами рукопись не вписывается в текущие планы нашего издательства». Привести бумаги в порядок займет, пожалуй, никак не меньше месяца. Больше всего меня поразило то, что Мармеладов писал все в стол, не считая единственного опыта с его переводом для «Вестника Скотопригоньевска». Позднее я принес все бумаги к И Ти, и он, просмотрев их, пояснил, что большую часть составляли художественные произведения: рассказы, стихи, пьесы. Все это до сих пор хранится у И. Ти. в гараже.

Небо было облачным, но необычайно тихим после вчерашней кошмарной грозы. Уровень воды упал, но позади дома в грязи все еще неподвижно лежал какой-то аллигатор. Козодой привычно распевал в ветвях деревьев. В сторону Скотопригоньевска, где после вчерашней катастрофы начиналась уборка, двигался вертолет. Я собирался вернуться

в город, чтобы посмотреть при дневном свете разрушения, но вернувшись в постель понял, что у меня не хватит сил. Весь день и следующую ночь я провалялся в лихорадке, погрузившись в бред, где мне виделись деканы, заведующие отделениями и другие бюрократы, которые обшаривали дно темного болота в поисках угрей, черепах и водяных змей. Здесь были Салли, Тфуттинутти, Пристойле, Хельвина – вся наша шайка – все в шапочках и мантиях, ведя занятия в тростниках. Они были реальнее самой жизни; каждый цеплялся за дно болота перепончатыми руками и ногами.

В моменты относительной ясности сознания я припоминал свои школьные годы – классику, которую мы читали, и то, что делало эти произведения классикой: высоконравственные рассуждения о добродетелях – честности, мужестве, настойчивости, человеческом достоинстве, уважении к оригинальности, к творчеству, правам человека – и столкнулся с мыслью, что эти менторы американской молодежи, эти коллеги Юрия Ильича... они наверное тоже преподносят эти идеалы своим студентам – на словах... Но потом, прежде, чем эти смутные мысли выстраивались в стройную линию рассуждений, меня озарила еще одна любопытная мысль: даже если Мармеладов был бы единственным человеком в мире, который верит, что его открытие является величайшим в истории достояния, значит, тогда был бы хоть один человек, который верил бы в свое достижение. Один – больше, чем никто. Иногда, думал я, это неизмеримо больше. Но это просто одна из тех абсурдных мыслей, которые так характерны для бреда. Я засыпал, и во сне видел конкистодора.

ЭПИЛОГ

Годы прошли с тех пор, как Башня погрузилась в бездну. Чиновники колледжа были очевидно смущены неожиданным поворотом событий. Телемарафон, призванный для того, чтобы представить колледж в лучшем свете, едва ли послужил этой цели. Занятия приостановили

на неделю для того, чтобы возвести палатки «Красного Креста», приспособленные временно для занятий. Лекции И. Ти. и Годффри Ракеева решено было перенести на футбольный стадион.

В это время администрация колледжа ломала голову над будущим Волшебного Королевства. Отдельный вопрос заключался в том, что делать с огромной дырой в земле, которая образовалась на месте Башни. Официальная версия по-прежнему состояла в том, что это обычная воронка. Между тем, воронка вела себя довольно странно. Студенты рассказывали, что в безлунные ночи сразу после полуночи оттуда доносились ужасающие крики и стоны. Вскоре после происшествия, говорят, там видели огромный, налитой кровью глаз, поднявшийся над воронкой. Он вращался, мигал и сверкал, а потом исчез обратно в бездну.

Никто до конца не верил этим нелепыми сказкам, но, в конце концов, было решено для общей пользы засыпать чертову яму. Территория была оцеплена, бульдозеры и самосвалы приезжали каждую ночь. Каждую ночь самосвалы засыпали яму, а бульдозеры разравнивали грязь и камни. Каждое утро самосвалы и бульдозеры развезжались, а чиновники приходили к яме вместе с представителями строительной компании. Они заглядывали в глубь незасыпаемой ямы, не видя дна. Они обменивались скептическими взглядами. Они пожимали плечами и уходили в свои офисы звонить начальству.

Наконец, слухи о том, что все усилия засыпать яму делали ее только глубже, достигли президента Ламбады. Было предложено несколько альтернативных решений: установить скамейки и устроить амфитеатр; наполнить яму водой и превратить ее в утиный пруд; использовать яму как резервуар для сточных вод и назвать ее утиный пруд; оставить ее как есть и назвать утиный пруд. Но решили, наконец, тихо отделить заведение от зловредной ямы и дурных слухов, ходящих о ней, просто перенести центральный студгородок в другое место.

Так началась новая глава в истории Волшебного Королевства – строительство новой башни и перенесение

корпуса Гримма и корпуса Канта на новое место. Новая башня и близко не сравнится со своей предшественницей. Она едва ли вполовину такой высоты, как прежняя, к тому же фундамент ее для прочности в два раза больше по площади, чем у прежней. Архитекторы спорили: математика математикой, но мало ли что.

Огромная яма в Скотопригоньевске ныне известна как «Чертова Мельница». Чтобы хоть частично возместить расходы, попечители колледжа потянули за нужные струнки в столице, и дыру в земле провозгласили чудом природы. Быстренько сколотили фонды для создания парка, а геологи колледжа состряпали историю «чуда природы», простирающуюся на миллионы лет назад. В яму теперь ведет пешеходная дорога, и ежедневные экскурсии оказались весьма прибыльными. Парк закрывается в сумерки и, насколько я знаю, все, кто спускался вниз, благополучно вернулись обратно.

Президент Ламбада прибыл из Южной Африки на следующее утро после разразившегося скандала. Когда он соскользнул вниз по надувному трапу со своего самолета (в нашем аэропорту не было достаточно высокого трапа), наблюдатели были страшно поражены, увидев на его голове белый колпак с двумя прорезями для глаз. Президента немедленно увезли в городскую больницу. Несмотря на проблемы с электричеством и разрушенные дороги, весть о том, что Ламбада свихнулся в Южной Африке и вернулся адептом Ку-Клукс-Клана облетела город.

На самом же деле этот слух оказался форменной фантазией. Дело было так. Слушая аудиотрансляцию телемарафона в самолете на пути в Скотопригоньевск, Ламбада то вспыхивал от смущения, то строил зверские гримасы от ярости. Вскоре дамы в креслах рядом с ним начали визжать от ужаса. Стюардессы утащили его на заднее сиденье и надели на его голову, которая вдруг превратилась в голову огромного таракана, наволочку. Они старались удержать его там, пока пилот с заслуживающей подражания честностью успокаивал остальных пассажиров, что маска на лице – просто шутка».

Ламбаду держали в больнице под тщательным наблюдением. К одиннадцати вечера его глаза, похожие на две черносливины, вернулись к естественному размеру, а роговые пластины на щеках и усы почти исчезли. Его перевели из реанимации в палату 137, рядом с палатой, где поправляли здоровье Десять Галлонов, Хельвина, фрау Фрейлин, Пристойле и остальные.

Время – лучший лекарь, и к середине следующего дня все были достаточно здоровы, чтобы вернуться домой. Переносицу Hörnerträger'a скрывал толстый слой гипса (точнее, не переносицу, а носорожий рог, который продолжал торчать между глаз). Дыра в голове Салли была тщательно залеплена с обоих концов, отчего на лбу остался шрам в форме перевернутой лошадиной подковы или буквы «ш». Доктора в голос твердили, что она никак не скажется на умственных способностях профессора. Язык фрау Фрейлин обрел нормальный размер и форму, а вот язык Хельвины так никогда и не вернулся к норме. Внимательный глаз заметит, что язык ее все еще слегка раздвоен и частенько во время лекции норовит выстрелить изо рта. Она, впрочем, в такие моменты притворяется, что хотела облизать губы или же приставить язык к зубам или верхней губе, как будто в задумчивости разгадывая кроссворд. Она проходит курс лечения от мучительных кошмаров, преследующих ее. Ей снится Баки Слай и их первое свидание в уютном гостиничном номере недалеко от польско-германской границы. Но затем вдруг ей начинает сниться состязание по лягушачьим прыжкам на приз Скотопригоньевска, где непобедимый лягушонок Баки вдруг падает в конвульсиях в прыжке от финишной черты. Какое ужасное зрелище! Первосортный прыгун валится на спину, брюшком кверху под палящим южным солнцем, конвульсивно дергаясь и исходя пеной. Затем кошмар неожиданно смещается в долины Восточной Европы, где – кошмар из кошмаров – ее телеграмма Баки, заканчивающаяся словами «Не говори стоп!» попадает в руки врага. О, боже! Что, если Хельмут узнает? Затем она мчится на поезде на горный курорт, где ее верный муж сидит под оленьими рогами в вестибюле

гостиницы читая издание «Zauberberg» в кожаном переплете и терпеливо ждет свою верную жену. Его лицо с раздвоенным подбородком преследует ее, и ей кажется, что его уши растут, становятся большими и зелеными по мере того, как ее поезд подъезжает к месту назначения. На станции у подножия горы она не выдерживает пытки и бросается под колеса поезда. Тут она просыпается, невредимая но потрясенная.

После ночи, проведенной в морге, Уилбур Колдбурна доставили в больницу, потому как собираясь делать вскрытие, презектор заметил, что пациент еще скорее жив, чем мертв. Вскоре Колдбурн вернулся на свой пост, но носит с той поры рубашки с высокими стоячими воротниками, чтобы скрыть резиновые пробки, торчащие из артерий на его шее. Его ближайшие коллеги из администрации отзываются о нем, как о хладнокровном человеке и прочат ему высшие посты.

О Мармеладове же с момента его таинственного исчезновения никто в Скотопригоньевске ничего не слышал. Прошел слух, что он погиб под колесами мебельного фургона на Бруклинском мосту, но я не нашел сообщений об этом в нью-йоркских газетах.

Гого Хамелеонов вернулся из Москвы с набором зубных протезов, составляющих гордость советской военной промышленности. Однако он не получил места в колледже, о котором просил, поскольку решено было не брать мужчину на место Мармеладова. Его материальное положение улучшилось, и больше его не выгаскивают из вод озера Апопка по ночам. Помимо работы инструктором по русскому языку, он еще служит домработницей у Hörnerträger'ых, где он комфортно живет в просторном стенном шкафу.

Баки Слай теперь обучается в аспирантуре в Корнельском университете, альма-матер Хельвины. Мы все были страшно удивлены, но в то же время счастливы за Баки, когда он получил письмо с приглашением в Корнельский университет. Никто не ожидал, что он со своими оценками взлетит так высоко, но люди в Корнельском университете,

должно быть, разглядели в нем скрытые возможности, которые все мы просмотрели. Баки время от времени навещает Скотопригоньевск, и старая обида между ним и Хельмутом теперь, кажется, сделала их ближе друг к другу.

На следующее утро после катастрофы доктор Сандерсон отправился сдаваться в полицию – странное, на первый взгляд, действие. Поднимаясь по крутым деревянным ступенькам, он упал в обморок – очевидно, в результате крайнего истощения. Придя в себя, он обнаружил, что сидит в кресле в офисе шефа Петерсона. Офицер в темных очках предложил ему стакан мутной воды, а двое служащих обмахивали его полотенцами. Доктор Сандерсон заявил, что на секретном собрании один человек был убит топором и он, доктор Сандерсон, хочет признаться в соучастии преступлению. Он добавил, что не ждет пощады и готов понести самое суровое наказание с мужеством и достоинством. Но когда шеф Петерсон разобрался во всей истории и выяснилось, что нет трупа, нет орудия убийства, нет рационального мотива и, в сущности, нет свидетелей преступления, он предложил доктору Сандерсону отдохнуть в городской больнице под тщательной опекой Бреда Брейди, психиатра. Офицер в темных очках сопроводил обезумевшего профессора к дверям, но тот вдруг начал вопить что-то о правах человека, конституции Соединенных Штатов и законах штата. Шеф Петерсон только глубокомысленно улыбнулся, открывая жестянку с нюхательным табаком, и изрек:

– Доктор Сандерсон, мое дело – поддерживать закон и порядок. И я делаю все, что в моих силах. Когда вы собираетесь в секретном месте за закрытыми дверями, чтобы решить судьбу человека, кто отвечает за права этого человека? Кто хотя бы знает его права? И есть ли у него права вообще? – он закрыл жестянку с табаком и звучно стукнул по крышке почерневшим ногтем толстого среднего пальца.

Ханс Сандерсон только скрипел зубами в ответ на риторический, в сущности, вопрос Петерсона. Позднее, правда, он вполне оправился от своей психической травмы и

сейчас заканчивает свою третью книгу (первые две, как вы помните, так и не были закончены) – «Экстрасенсорные методы в литературной критике».

Ханс и И. Ти. иногда встречаются в офисе И Ти., предварительно засунув телефон в ящик стола (чтобы их не подслушивали), и шепотом спорят, стоит ли предпринимать решительные действия. Иногда доктор Сандерсон настаивает на том, что следует сделать свой ход на следующем заседании: внести предложение о запрещении анонимных телефонных звонков и устных опросов студентов в процессе оценки деятельности преподавателей. Иногда о необходимости действий говорит доктор Пух. Это было бы хорошо, соглашались они оба. Но, разрабатывая план действий, они всегда приходят к одному и тому же неизбежному заключению: подобные действия создадут враждебную атмосферу. Так действовать нельзя. Идея хороша, но неприменима на деле. Но они снова и снова обсуждают эти планы. Наконец, расходятся, качая головами, сознавая непреодолимость препятствий. Но эти встречи, тем не менее, приносят им определенное чувство удовлетворения. В конце концов, они встречаются и заговорчески шепчутся. Все-таки – действуют!

И. Ти. часто преследует один и тот же сон. Ему снится, как будто он, наконец, решил подать жалобу по поводу дурного обращения с Мармеладовым. Он опускает чистый листок бумаги в конверт и запечатывает его. Он изучает конверт, следя чтобы не было обратного адреса или еще чего-то, по чему его можно было бы узнать. Но, бросив письмо в ящик, он чувствует, как его охватывает ужас, и он просыпается, задыхаясь, в холодном поту.

На суде И. Ти. обвинили в подглядывании и преследовании, но в конце концов признали его невиновным. Он получил строгий выговор от президента Ламбады, выслушав его покорно, с опущенной головой. Сейчас он пишет книгу о сверхпроводимости и русских писателях второй половины девятнадцатого века.

Каждый год в годовщину колледжа преподаватели отделения современных языков грызут жареный арахис,

демократично затерявшись среди студентов и простых смертных, а также элиты управления колледжа. В соответствии с исторической тематикой праздника, герр Hörnerträger требует, чтобы его коллеги появлялись в нарядах пионеров Америки. Каждый год сердце веселится при взгляде на Hörnerträger'a и компанию, мчащихся на карусели, когда день уже клонится к вечеру. Одетая в мини юбку из оленьей кожи и перья, Хельвина мчится на рыжем коне, сидя по-дамски, словно желая подчеркнуть этим очарование своего пола. Салли взбирается на гнедого коня позади нее. Непревзойденная никем из мужчин, фрау Фрейлин седлает бордовую кобылу и наслаждается нежностью своих джинсов «Раф Райдер». Герр Hörnerträger опускает края шляпы шерифа и взбирается на черного жеребца, возглавляющего кавалькаду. Позади него доктор Пристойле сидит верхом на серой в яблоках лошадке, мчащейся в отчаянном галопе. За фрау Фрейлин, Хельвиной и Салли следуют профессор Икота, профессор Нутти и профессор Калин все на послушных, пятнистых лошадках. И. Ти. и доктор Сандерсон занимают места в конце, предпочитая спокойно сидеть на деревянных сидениях для маленьких детей и людей со слабым сердцем – с эльфами и феями, летящими по высоким деревянным спинкам. Они крепко держатся за ручки. Звучит музыка, карусель трогается. Очень весело держаться, когда карусель начинает вертеться быстрее и шарманка заводит «Это маленький мир» и старые хиты Стефена Фостера. Хельмут едет важно в своем черном наряде. Серебряные блески на шляпе вспыхивают, звезда закона горит на впалой груди, а черный могучий жеребец несет его сквозь ночь, как сама судьба. Но Пристойле дышит ему в затылок и, кажется, в любой момент готов перехватить черного жеребца, и тогда, конечно, дым пойдет коромыслом. Но все они неслись с одинаковой быстротой на вертящейся карусели под дребезжащие звуки шарманки. Фрау Фрейлин оживляется, веселясь на своей бешеной кобыле, а Хельвина машет рукой и шлет маленькие индейские воздушные поцелуи друзьям среди толпы. Профессор Салли твердо сидит в седле, но его глаза скользят вверх и вниз от

крошечных бусинок на ее мокасинах до бледных бедер индейки. Он ждет своего часа. Затем следуют профессор Икота, профессор Нутти и профессор Калин, неловко сидя в седлах и крепко держась за ручки или гривы, послушно исполняя предписанные судьбой роли. Доктор Сандерсон сидит безвольно, а И. Ти. как будто мутит от бега карусели. Так и едут они, десять докторов наук. Куда они летят, спрашиваю я себя. И где опустят копыта их гордые кони?

Есть легенды о художниках, живших сотни лет назад и несших в мир радостные краски, отображавшие черты обычных грешников, своих современников, на лицах святых в библейских сценах. Приятно было узнать свои черты в образах св. Франциска, св. Павла или Девы Марии или же увидеть своего сен-бернара, сидящего у яслей рядом с младенцем Христом. Так же, как эти древние богомазы приносили в мир утешение и радость, я надеюсь, что моя скромная кисть принесет радость тем, кто найдет свои собственные черты в простом, неприукрашенном портрете, который я нарисовал.